Неизвестная война
АФГАН
Русский корреспондент едет вместе с афганскими бандитами по густой зелени. Одни — среди духов. Завалы, «бочки», воронки, поросшие травой и кустарником. Вот крайняя сторожевая застава. БТР тормозит, стоит, пока пыль не осядет. Последняя фотография на память. Но... Журналист не верит своим глазам. Духи поднимают на шесте красный флаг. «Это в честь ваших солдат», — говорит один из них...
Андрей ГРЕШНОВ
ДУХ, БРАТ МОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Русский корреспондент едет вместе с афганскими бандитами по густой зеленке. Один — среди духов. Завалы, обломки, воронки, поросшие травой и кустарником. Вот крайняя сторожевая застава. БТР тормозит, стоит, пока пыль не осядет. Последняя фотография на память. Но… журналист не верит своим глазам. Духи поднимают на шесте красный флаг. «Это в честь ваших солдат», — говорит один из них…

- Грешнов Андрей Борисович
  - Москва, 5 января 1989 года
  - Кабул. 5 января 1989 года
  - Кабул. 5 февраля 1989 года
  - Москва, июнь 1979 года
  - Кабул, июль 1979 года
  - Кабул, осень 1979 года
  - Кабул, декабрь 1979 года
  - Кабул, февраль 1980 года
  - Джелалабад (Восточная провинция Нангархар), лето 1980 года
  - Кабул, февраль 1989 года
  - Кабул, февраль 1989 года
  - Кабул, весна 1989 года
  - Кандагар, лето 1989 года
  - Кандагар, лето 1983 года
  - Кандагар, лето 1989 года
  - Шинданд (Северо-западная провинция Герат), 1989 год
  - Кабул, осень 1989 года
  - Герат, ноябрь 1989 года
  - Герат, 1987 год
  - Герат, ноябрь 1989 года
  - Вместо эпилога

Грешнов Андрей Борисович
Дух, брат мой

Москва, 5 января 1989 года

Тихо прошуршав шиповкой по морозному, искрящемуся в желтых лучах уличного фонаря снегу, авто застыло перед подъездом. Задернув плотную штору на окне первого этажа, выходящем во двор, я повернулся к родным и обыденно сказал: Все, пора, время не ждет. Зашел в смежную, крохотную комнату, где спала дочка, поцеловал ее в лоб. Присели, как водится, на минуту, обнялись, и я стал выносить на улицу свой багаж — два желтых чемодана из кожзаменителя — талисманы, которые сопровождали меня в Афганистан с далекого 1979 года, и три коробки со снедью. Водитель помог закинуть все это в багажник. Время поджимало. А я смотрел на светящиеся окна моей квартиры и застывшие на желтом фоне темные силуэты мамы и жены. Тихо падал снег, ветра не было. Обычный уютный московский двор на Речном вокзале. Крохотная детская площадка под окнами, стенд с газетой, издававшейся домовой общественностью, белый с красным грибок-песочница, редкие огни засыпающих квартир.

Махнув на прощанье родным, я сел на переднее сиденье. Черная «Волга», мягко стартовав, стала набирать ход. Поворот налево, и мы на Ленинградке. Пустынная трасса до Шереметьево-2.

— Поставь что-нибудь душевное — обратился я к водителю.

У того были свои представления о душевном. «Третий год здесь, то тут, то там обновлял я лик родной земли, а за мною мчался по пятам исполнительный лист…» захрипели колонки голосом Лозы. Подумалось, что за мной никто вроде и не гонится, а год уже не третий, а девятый, да и страна далекая. Впрочем, она уже успела стать почти родной…

Начинается регистрация на рейс СУ-531, Москва-Кабул, пролетело над залом объявление, спетое милым женским голосом. По привычке я не стал смотреть на черное табло с расписанием отправки самолетов, а завертел головой по залу отлета. Что-то изменилось, но что именно? Это я понял только минут через пять, когда глаз так и не остановился на «шанхае». Так я называл толпы одетых в гражданское военных людей с чемоданами и коробками, устремлявшихся обычно наперегонки к воротам таможенного пропуска и месту регистрации билетов. Пришлось идти к табло и смотреть, где производится регистрация. Левая сторона, ворота номер два. Человек шесть соотечественников, четыре афганца. Все, больше никого нет. Юрий Тыссовский, с которым мне предстояло работать в

Афганистане после вывода войск, уже прошел таможню и передвигал постепенно свой скарб к ленте багажа. Перевес уже не имел значения — пассажиров почти не было, и если бы мы захотели, Тушка (Ту-154-М), повезла бы в Кабул хоть тонну нашего груза.

— И куда же это вас, мальчики, несет? Все оттуда, а вы туда. Средних лет подтянутая женщина в синей униформе и очках смотрела поверх экрана, по которому ровными рядами проплывали очертания бутылок и бесформенные черные свертки — обернутая в фольгу замороженная свинина и тушки домашних птиц.

— Не растряси, — сказала она напоследок и отвернулась в противоположную от ленты-транспортера сторону.

— Виталий, прими отбывающих, я отлучусь на пару минут. Женщину таможенника на посту сменил плотно сбитый, низкорослый черноволосый парень.

— Здорово, Андрюха. Не узнаешь?

Как тут не узнать. Виталя Пономаренко. Сокурсник, военный переводчик в группе Главного военного советника в 1979–1980 годах. Кабул, Газни. Жили вместе в одной квартире 115-го блока в новом микрорайоне почти год. И потом уже, в середине 80-х часто в Кабуле встречались, в свободные вечера играли в преферанс. На публике обниматься было не гоже. Мы отошли в сторону и проговорили минут с двадцать. Когда прощались, мне подумалось, что это, наверное, хорошая примета — встречать друзей перед долгой разлукой с Родиной. Впрочем, друзья и знакомые, побывавшие в Афгане, встречались буквально на каждом шагу. Лично у меня создалось такое впечатление, что в этой стране отвоевало и отработало пол-Москвы, впрочем, я мог и заблуждаться.

В кабинке паспортного контроля симпатичная девушка-пограничник, внимательно изучив мой напрочь заштампованный вязью синий паспорт, вдруг улыбнулась и сказала: «Возвращайтесь, Андрей Борисович, поскорее. Удачи Вам».

После таких проводов-встреч настроение заметно улучшилось и я, решив не изменять наработанной годами традиции, зашел в буфет на втором этаже аэропорта, торгующий на советские деньги. Принял положенные перед отлетом сто граммов и, закусив двумя бутербродами с дефицитной красной рыбой, пошел проходить еще один таможенный досмотр…

Не груженый самолет резво оторвался от земли и понес группу энтузиастов к столице солнечного Узбекистана. Натурально, он был практически пустой. В первом классе уселась пара знакомых советников-«дипломатов», которые сразу же

открыли бутыль «Джонни Уокера». Все остальные пассажиры — всего было от силы человек пятнадцать — также разместились там, где можно было вытянуть ноги. Я сказал Тыссовскому, что хочу спать, и пошел в задний салон, на свое любимое место, около туалета. Там тоже можно было вытянуть ноги, не опасаясь раздавить что-нибудь в засунутой под переднее сиденье чужой сумке. Обычно здесь раньше толпились очереди в туалет, а от дыма сигарет нечем было дышать. Но зато, если уж ворвался первым на это заветное место (номера мест в билетах не проставлялись), то четыре часа безмятежного сна были обеспечены. Сразу же огораживал завоеванное свободное пространство своими сумками, отпихивал ногами и руками чужой скарб, которым проворные военные советники (мошаверы) и военные специалисты (мосташары) стремились обложить мое кресло. Все было просто как день. Из Афгана все везли на родину магнитофоны. Сначала «Трайденты», потом «Шарпы». В Афганистан везли спиртное, замаскированное в банках из-под компота и в резиновых грелках. Опасаясь, что их могут разбить или раздавить при погрузке и разгрузке, технику и стекло вволакивали в салон. Из-за своих габаритов, магнитофоны в отделения для ручной клади, расположенные над головой, не умещались, и их старались приставить кому-нибудь под ноги. Здесь уже начинал действовать закон джунглей. Твой магнитофон — вот и ставь его себе хоть на голову. А мне дай вытянуть ноги. Все попытки использовать для размещения своего багажа служебное положение, обычно разбивались о незатейливое «А пошел ты на…». Обычно, получив такой отпор, подполковники и полковники удалялись со своим скарбом и возобновляли попытки пристройки своего багажа уже под ноги своим подчиненным.

В этот раз мой багаж зашкалил за 250 килограммов. Вез многочисленные посылки знакомым от их родных. В аэропорту также не смог отказать двум женщинам, передававшим посылки мужьям, которые должны были остаться в Кабуле после вывода войск. Откинув спинку своего кресла и сложив переднее сиденье вперед, я вытянул ноги и прикемарил. Мне снился чужой багаж. Вообще, с ним было связано много смешных историй. В 1985 году супруга моего товарища — оператора телевидения Вадима Андреева передала мне для него две бутылки коньяку. Сели на кабульском аэродроме. Самолет еще двигается по рулежке. Вдруг, дверь справа отъезжает, и в нее один за другим начинают запрыгивать бойцы кабульского спецназа, облаченные в экспериментальную «песочку». Все с автоматами. Публике в самолете делается дурно — думают, произошло ЧП. Потом кто-то, подтолкнув, видимо под задницу, Вадика, закидывает его

толстое тело в салон. Вадик начинает орать дурным голосом: «Андрей Грешнов, ты где?». Благо я сижу недалеко от двери, машу ему рукой. Ну, думаю, хоть замолчит. А он опять давай орать: «У нас борт на Кандагар отъезжает, давай коньяк!!!» По рядам пустили две бутыли. Вадика спецура приняла на руки на земле. В иллюминатор вижу — бегут к рампе серого АНа. У «спецов» в руках бутыли, у Вадика камера «Бетакам» на перевес как огнемет у фашиста. Слетали они тогда безрезультатно. Однако Вадиму при посадке в Кандагаре пулей из ДШК на излете это-то камеру и разбило. А он и не заметил. Когда приземлились, рассказывал, что взял ее за ручку, да так одну ручку и поднял. Все остальное рассыпалось на части. Но зато коньяк невредимый долетел до Кандагара. Смехи… Нет, лучше уж действительно заснуть.

Старый ташкентский аэропорт, которого сейчас уже нет, навсегда запомнился всем, кто через него когда-либо летел транзитом в Афганистан, тремя достопримечательностями. Первая — эскалатор, везущий публику снизу, от желтых светящихся букв «ТОШКЕНТ» в зал ожидания. Вплоть до 1989 года над правым поручнем висели засиженные мухами большие плакаты из кинофильма «Тегеран-43». Портреты артистов Джигарханяна и Белохвостиковой. Вторая — буфет при отлете, в котором все затаривались местным пивом и вином. На бутылках по-русски были написаны узбекские слова — «пивоси» и «виноси». Вино и пиво в Афганистане были дефицитом. Третьей и самой главной достопримечательностью узбекского аэропорта были его гадкие таможенники, которые выдавливали, нюхали и рассматривали на свет даже зубную пасту из тюбиков, пытаясь, наверное, в ней отыскать бриллианты или золотую пыль. Эти же узбеки отнимали у наших «срочников», возвращавшихся с войны домой, магнитофоны, кейсы с подарками для родных. Однажды у меня на глазах здоровенный десантник, с медалью на груди, летевший домой через Ташкент, разбил на таможенном посту о каменный пол дешевенький магнитофон, сказав при этом: «Не мне, так и не вам, крысы!».

Кабул. 5 января 1989 года

ТУшка спокойно и плавно села на бетонку. Вертолетов прикрытия в воздухе уже не наблюдалось, тепловые ракеты-ловушки не отстреливались, да и вообще на поле стало заметно просторней — слева от башни стояла пара Ми-24, чуть поодаль белого цвета Ан-26. Ближе к горам, в северной части аэродрома лежал давно сгоревший неопределенного цвета афганский борт, вернее то, что от него осталось. Остальное летающее железо куда-то испарилось. Настроение сразу упало. Что я забыл в этой глуши? И вообще, зачем я сюда прилетел? Вспомнилось очень странное и урезанное до предела оформление в длительную командировку на работе. Никто никуда не вызывал, ритуального посещения отдела ЦК КПСС не было, задач никто не ставил. Просто сунули в руки хранившийся в отделе кадров паспорт и снабдили билетом. Как будто хотели закрыть мной черную дыру под названием Афганистан.

В те дни ежедневно центральное телевидение транслировало выступления «демократов», речи Горбачева, наверное, одному ему и понятные. Громоздкая партийная структура трещала, хотя еще и продолжала функционировать. А Горбачев, что Горбачев… Он стал единственным президентом СССР, который с приходом к власти не поздравил в Новый год военных, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. Помнится, в свое время, это больно резануло по сердцу, и не только меня одного. Все предыдущие генсеки никогда не забывали этого делать, а вот этот забыл или просто не захотел.

Афганских таможенников, слава богу, на посту в зале прилета, как громко именовалась небольшая застекленная комната с двумя деревянными скамьями — местом досмотра — не было, иначе пришлось бы вести жаркие дискуссии о содержимом коробок и чемоданов, напрягать афганских друзей. На выходе уже поджидала веселая компания — все без исключения сотрудники ТАСС, которым просто уже нечего было делать. Срок их командировки закончился, и теперь они маялись бездельем в ожидании своей очереди на отлет или отъезд с колоннами войск домой.

Почти все советские граждане улетали в Союз. Пустые самолеты гоняли в Кабул лишь для того, чтобы вывезти огромное количество специалистов, советников и их багаж. Семьи вывезли чуть раньше. Народ, арендовавший квартиры в «старом» и «новом» микрорайонах афганской столицы, сгоняли ближе к посольству, селили компактно на виллах, чтобы хоть как-то

обеспечить порядок и безопасность. В городе царила вакханалия. Армейцы сдавали в дуканы все, что можно было продать — от военной амуниции и продовольствия до одеял и простыней. Базары так насытились продуктами из валютных армейских «Березок», что в последствии они продавались на внутреннем рынке еще несколько лет. Особо ценилась превосходная армейская говяжья тушенка — банки, упакованные в солидол и обернутые пергаментом. В 86-м году по чьему-то приказу были вскрыты и направлены в Афганистан стратегические армейские запасы продовольствия. До армии они дошли лишь частично. В основном, все оказалось на афганских базарах. Эту тушенку, в которой вовсе не было жира и жил, а только чистое мясо и немного желе, можно было резать ножом как твердую колбасу. Греческий сок, голландский газированный напиток «Си-Си», польская и венгерская ветчина, зеленый горошек, подсолнечное масло, комбижир, сгущенка, чай и сигареты — все, что было в свое время недодадено голодным бойцам Советской Армии, было продано афганским торговцам.

Случались и курьезы, которые просто невозможно забыть. Одну из афер, проведенных нашими прапорщиками в канун вывода войск, можно отнести к разряду выдающихся — как по замыслу, так и по исполнению. История с «нурсиками» еще несколько лет после ухода 40-й армии будоражила умы считавших себя самыми умными и хитрыми афганских торговцев. Группа находчивых военных решила реализовать на внутреннем рынке ни для чего не пригодные пластиковые колпачки от неуправляемых реактивных снарядов авиационного боекомплекта. Пластмассовый конус, при желании, можно было использовать только как рюмку-стопку, и то, только воткнув его в песок. Другого предназначения колпачку так никто и не придумал. В середине января работала первая группа талантливых аферистов, которая рыскала по дуканам (лавкам) и выспрашивала у торговцев, нет ли случайно в продаже «нурсиков». Когда торговцы пытались интересоваться, что это такое, следовала фраза «А, тебе все равно не понять. Очень нужная вещь, правда, очень дорогая». Торговцы любопытствовали, где можно приобрести столь замечательный товар. К концу января на рынке появились первые «нурсики». Вторая группа аферистов сбывала их дуканщикам по нескольку ящиков зараз. Одновременно их подельники, рыскавшие «в поисках «нурсиков», тотчас же их скупали их уже по взвинченной владельцами дуканов цене. Это продолжалось до тех пор, пока группа дукандоров (владельцев магазинов), решившая как следует подзаработать, не скинулась и не приобрела у находчивых

молодых людей два КамАЗа «дефицита». На этом операция «нурсик» и завершилась. Попытки афганцев вытребовать свои деньги назад в советском посольстве ни к чему не привели. Им просто ответили — «Не зная броду, не лезь в воду».

Поначалу я поселился на «дальней» вилле, где за праздным времяпрепровождением и монгольской водкой «Архи» коротала дни и ночи группа отработавших свой контракт соотечественников. Но в конец оборзевшие «товарищи» стали подобно гуннам уничтожать привезенную мной с родины снедь. Почти четверть тонны замороженной свинины и курятины, которую я намеревался растянуть до конца своего пребывания в Афганистане. Я твердо знал, что это эн-зэ и его нужно спасать, и поэтому переселился на основную виллу, где проживал Юрий Тыссовский и инженер Саша, с которыми мне предстояло ощутить веяния нового времени после ухода наших войск. Вместе со мной, к огорчению сослуживцев переехала в ТАССовские холодильники и еда.

Однако привезенного продовольствия все равно бы на год не хватило. И в первые же дни своего приезда я направился на территорию АЭС (аппарат экономсоветника) в продуктовый магазин, к которому прикрепили всех остающихся на чужбине. По дороге я встретил группу товарищей, отбывающих в СССР. Среди них одетый в черное модное пальто и ондатровую шапку стоял офицер безопасности посольства, у которого при виде меня глаза полезли на лоб. Он никак не ожидал меня увидеть здесь после высылки на родину осенью 1987 года. Человеком он был нормальным. После той памятной аварии, в которую я попал, он сколько мог, не давал хода делу и не отсылал рапорт в Москву. Его стараниями дело было практически «замято». Но спустя два месяца, один из высокопоставленных дипломатов решил проявить инициативу и послал подробный отчет об инциденте в три адреса в Москву, самым «безобидным» из которых оказался министр иностранных дел. Офицера безопасности и его коллег долго склоняли по этому поводу в их ведомстве. Однако, как показала действительность, несмотря ни на что, он остался верен принципу порядочности офицера, прописав мне положительную характеристику, которую я в Москве по случаю и прочитал. Он объяснил мне, что теперь его обязанности будет исполнять его коллега из торгпредства — товарищ Гоев.

С Гоевым жизнь меня сталкивала еще в середине 80-х. Проживавшие в 8-м блоке старого кабульского микрорайона, в соседнем со мной подъезде, некоторые руководящие работники гражданского медицинского контракта исправно доносили ему в виде памятных записок некоторые эпизоды из моей личной

жизни, наивно полагая, что я об этом не знаю. Гоев на это никак не реагировал, по крайней мере, официально. Лишь однажды у нас произошло небольшое трение, которое, впрочем, разрешилось за несколько минут разговора. В 86 году во время визита Шеварднадзе сотрудники аппарата помощника посла по административно-правовым вопросам получили строгое указание на территорию посольства и торгпредства никого, проживающего за их пределами, не пускать. Однако у меня серьезно заболела малолетняя дочь. Так как она еще не умела говорить, понять, что у нее болит, было невозможно, как и получить квалифицированную медицинскую помощь от педиатра. В военном контракте в микрорайоне такового просто не было. Единственный детский врач был в торгпредской больнице, так что визит в торгпредскую больницу носил чисто вынужденный характер. Не буду приводить подробности разговора по телефону, которым я овладел в будке дежурного коменданта на втором посту, с Гоевым. Скажу лишь, что он проходил на повышенных тонах. Однако благоразумие возобладало, и я был допущен в больницу. После этого я сделал вывод, что он — человек разумный. К слову сказать, тот визит в больницу все равно никакой пользы не принес. В ней, в основном, врачи работали «блатные», то есть чьи-то родственники, квалифицированной медицинской помощи я от них не получил. Все равно пришлось по совету моего соседа и друга нейрохирурга Юры Кудряшова, обращаться в афганскую клинику. Это вообще была песня. Соблюдая меры предосторожности и представившись голландцем, я нанес визит в клинику, где провел переговоры с врачом на английском языке. Специалисты взяли у грудного ребенка анализы крови. В этом мне серьезно помогла супруга, владеющая английским в совершенстве. В результате я испытал несколько неловких моментов. Первый — когда врач вышел на улицу и увидел, что я сажусь не в какую-нибудь «Тойоту», а в советскую «Ниву» с зелеными номерами. И второй — когда он подошел ко мне и сказал на чистом фарси, что ему безразлично, кто я по национальности, и что врачи помогают всем, и «даже советским». Как бы то ни было, но американский аппарат исследования крови выдал точные результаты, обозначив выявленную дизентерию и ее подгруппу, а также лекарственные препараты, необходимые для приема внутрь ребенком.

Поговорив с полчаса у забора посольства и пожелав друг другу удачи, мы расстались с офицером безопасности и больше никогда в жизни не встречались.

Попав в торгпредский магазин, директором которого к этому моменту был назначен некий Станислав, который в Москве

работал директором продуктового магазина на Водном стадионе, я поразился обилию выбора продовольствия и ширпотреба. В магазин было свезено все добро из армейских чековых магазинов, которое по разным причинам не смогли вывезти в Союз. Остающимся в Афганистане после вывода войск для снятия стресса была существенно увеличена норма отпускаемого спиртного — до 4-х бутылок молдавского конька «Белый аист» и четырех бутылок сухого вина. Пиво продавалось не ограниченно. На отоваривающихся был составлен реестр — большая тетрадь, где в специально отведенных графах продавцы ставили галочки напротив определенной группы нормированных товаров и продуктов питания, выбранных покупателем. Такая практика раньше действовала повсеместно. Когда я работал в военном контракте, то точно так же ходил в специальный продуктовый магазин и напротив моей фамилии ставили галочки. Однако во все годы войны норма отпуска спиртного составляла всего две бутылки крепких напитков, к общегосударственным праздникам полагалось еще две.

Моему переезду на другую виллу, пожалуй, было радо только одно существо. Это была собака.

Щенка Тинку в ТАСС отдали саперы на исходе 88-го. Я при этой торжественной церемонии, к сожалению, не присутствовал, потому что был откомандирован на родину из Кабула с формулировкой «во избежание кровной мести» после участия в ДТП и наезда на афганца. Но после того, как в Москве сняли «общественное порицание» (ЦК настаивал на «строгаче» с занесением в учетную карточку, но первичная парторганизация распорядилась по-другому) я пинком под зад был отфутболен на «вторую родину».

Радостное четвероногое существо с заваливающимся на бок левым ухом называлось овчаркой. Причем восточно-европейской. На военно-человечье погоняло «Дина» оно не отзывалось, всем своим видом показывая, что его родители к войне не имели ни малейшего отношения. Оно носилось по чаману, рыло мордой морковь и редиску, тут же их уничтожая. Пило из бассейна, а потом с разбегу летело обниматься и целоваться, нанося грязными толстыми лапами и вымазанной мордой непоправимый ущерб гардеробу. После порчи хозяйской носильной одежды оно заваливалось на спину, требуя почесать живот, при этом издавая звуки, сходные с руладами американки Тины Тернер. Так к этой чертовке и прилипло имя — Тина.

Юра Тыссовский (кличка — Тысс) тоже по-своему любил эту собаку. Так как сам он страдал язвой желудка, то в Тинкин рацион на постоянной основе входила каша. Правда, с приправой

в виде тушенки. То ли от неумеренного потребления злаков, то ли через гены родителей-саперов у собаки развилась странная особенность: она полюбила овощи. С удовольствием воровала и уничтожала сырой репчатый лук, морковь, картошку и другие корнеплоды. Исключение составляли лишь помидоры и огурцы, к которым она не проявляла ни малейшего интереса. В общем, настоящая советская собака.

О том, чтобы посадить на чамане (внутреннем дворе) какие-нибудь полезные растения, теперь речи даже и не заходило. Тина, как голодный китаец, тут же выкапывала луковки и чесночные дольки, справедливо полагая, что все найденное ею в земле — не хозяйское, а ее добыча. Я в то время еще желудком сильно не страдал. После всяких тифов, амеб и палочек, а также препаратов для их уничтожения, желудок стал луженым, и я частенько жарил себе мясо. Даже Тысу иногда делал паровые котлеты. Тут Тина просто не находила себе места, проявляя чудеса смекалки и воли к победе в борьбе за белок. Стоило лишь на секунду зазеваться и отвернуть глаза от размораживаемого деликатеса, как он тут же исчезал в ее пасти. Причем делала она это молниеносно и тут же ложилась на пол, закрывая глаза и всем своим видом показывая, что ей на кухне ничего не нужно, кроме хозяйской компании. Я поначалу даже грешил на Горыныча (корреспондента телевидения Горянова) и инженера Сашу, которые иногда присоединялись к моей трапезе. Но потом понял, откуда ветер дует, и стал применять другую тактику. Миску с разморозкой ставил в кладовку при кухне, а дверь запирал на ключ. Теперь можно было спокойно ехать работать и не сомневаться в том, что Тинка будет караулить если не виллу, то дверь в кладовку. За выдержку и терпение, проявленные при охране заветной двери, я награждал ее кусочками мяса и куриными конечностями.

Однажды, вознамерившись вновь ощутить себя благодетелем и кормильцем, я вынес миску на кухню и медленно, по-иезуитски, стал нарезать кусочки для себя и для Тинки. Я нюхал мясо и чмокал, издавая звуки, от которых у бедной собаки сводило челюсть, и лилась слюна. Когда я, наконец, взял в руку первый кусок мяса и попросил собаку предварительно поплясать, она внезапно с громким обиженным лаем бросилась на меня, свалив со стула. Пока я поднимался, скотина успела молниеносно затолкать в свою утробу все находившееся в миске мясо. А я так и остался полусидеть-полустоять на полу с маленьким кусочком, зажатым в правой руке. Было обидно и смешно. Довольная Тина примостилась рядом и с благодарностью стала лизать мне лицо, исподволь поглядывая на мою правую руку. Но это было уже слишком. Я заорал нечеловеческим голосом: жрать хотелось как

из пушки, а размораживать очередную порцию надо было часа два-три. В результате я уподобился собаке: начал грызть луковицу, закусывая ее хлебом и листом салата. «Ну ты и дур…», — язык как-то не повернулся назвать дурой это лучезарное существо. Скорее в роли дурака на этот раз выступил я сам. Получилось дурр…ында. Больше это прозвище не менялось.

Дурында была очень веселой и дружелюбной собакой. За всю свою недолгую жизнь так никого и не сумела укусить. Но по мере того как она росла, вид ее становился все более и более устрашающим. Когда ей удавалось выскользнуть незамеченной за ворота нашего учреждения, мы узнавали об этом по диким крикам афганцев, которые в ужасе карабкались от нее на стены. Но, в отличие от предыдущего нашего пса Марсика, она вовсе и не собиралась никого кусать. Все люди, независимо от запаха и цвета кожи, были ее друзьями. Она валила с ног и шурави (советских), и афганцев лишь с одной целью — как следует вылизать им лицо.

Марсик, кстати, умирал очень тяжело. Его укусило в морду какое-то гадкое насекомое. Возник нарыв, в котором завелись личинки. Лечить он себя не давал — мог запросто прокусить руку. Я его старался усыпить димедролом, подложенным в еду, а потом спящему промыть рану перекисью водорода. Заставлял жрать в диких количествах антибиотики. Но это не помогло. Мы похоронили верного пса в правом дальнем углу нашего чамана. За «дурочкой из переулочка» присматривать было значительно легче. Чуть что — хвать ее за длинный «клюв», и обрабатывай ей марганцовкой что хочешь. Она особо и не вырывалась — верила, что люди ей плохого не сделают, только при виде оружия начинала истошно брехать, брызгая слюной. Со стоическим «спокойствием», правда, кося глазом, давала лапу — и занозу вытащить, и так просто, поздороваться. Нафаров (слуг) не гоняла, не то, что Марсик.

Чтобы Дурында не писала в доме (гадила-то она, как и положено, на чамане), Тысс решил оставлять ее ночевать на улице. Однажды вечером, решив ее проведать, я встал с дивана и вышел на улицу. Бедняга тряслась от холода и тихо повизгивала от человеческой несправедливости. Пришлось впустить ее в дом, а утром выторговать у начальника право для собаки спать в неотапливаемой прихожей. Но хоть под крышей, а не на улице. Правда, беднягу и там колотило. Наверное, раньше жила у наших солдат в теплой каптерке. Тогда пришлось вступить с собакой в молчаливый тайный сговор. Она — не ссыт на ковре, я — впускаю ее ночью через балконную дверь на первый этаж в свою комнату.

И чтоб ни звука. Дурында была благодарной собакой. Тихо прокрадываясь в гостиную, она сначала облизывала мне лицо, а когда я закрывался с головой колючим верблюжьим одеялом, принималась за пятки. Это излияние благодарности длилось минут пятнадцать, после чего девочка ложилась на пол рядом с диваном на мою куртку и тихо, как мне казалось, засыпала. Я тут же «отрубался». Но вволю поспать все же не удавалось. Где-то посреди ночи я чувствовал, что на и без того тесном диванчике лежать становится просто невозможно. Дурында, дождавшись пока я усну, залезала на кровать ко мне в ноги, а потом потихоньку протискивалась между телом и стоячими плюшевыми подушками. Лишь потом тихо засыпала. Порой ей ночью снились страшные сны, и тогда она начинала ворочаться. Я стал частенько просыпаться на полу — благо диван был низкий, а ковер толстый. Овчарка, развалившись на моем месте, спала как большой ребенок, по-человечьи положив голову на мою подушку, а грязные лапы — одну на другую. Однажды, встав раньше обычного, эту «иддилию» застал Тысс. Подвел черту: «А ну вас обоих к Евгении Марковне! Только если еще раз она в гостиной нассыт, сам на чамане будешь спать!».

У Дурынды начались счастливые дни. До этого она целыми сутками была предоставлена сама себе, а теперь ежевечерне с ней на чамане сидел человек, что-то ей монотонно бубня. Она копала овощи, приносила ему сучья, палки и щепки, ловила птиц, летучих мышей и насекомых. Только не писала. Человек пытался научить ее этому нехитрому вечернему обряду на собственном примере. Она внимательно смотрела на струю и заливалась при этом звонким веселым лаем. Но повторить урок так и не удосуживалась. Рано утром, пока еще все спали, измученный бессонницей человек с тряпкой и бутылкой уксуса затирал на ковре следы собачьего позора. И своей бесталанности как дрессировщика.

Я не смог забрать собаку с собой в Москву — просто думал, что здесь все нормализуется и ей в Афганистане будет лучше. А в 92-м году, дозвонившись до Кабула в надежде вытащить ее на родину, получил известие, что Тину пристрелили, чтобы она не мучалась. Ее серьезно ранило и контузило при обстреле посольства реактивными снарядами. Флаги на башнях сменили свой цвет с красного на триколоры, и стрелял в мою собаку уже не советский, а российский человек. Так ее не стало. Но все это случилось потом, два года спустя, а пока пришлось заново налаживать свой быт.

В Кабуле к 15 февраля, дате окончательного вывода 40-й армии, от всех контрактов, включая дипломатов, должны были

остаться только 150 человек, не считая десантников и связистов, расквартированных на территории посольства. Впоследствии и эту цифру оптимизировали, оставив в наличии всего 120 душ. В посольстве к выводу войск подготовились основательно. Из армии были перевезены две морозильные камеры — импровизированный морг, который мог пригодиться при случае. Бетонированное подземелье под зданием посольства было оборудовано под долгосрочное укрытие. Там рядами стояли двухэтажные нары с застеленными на них одеялами, хранился запас продовольствия и воды. Попасть в подземелье можно было по железной лестнице через люк на первом этаже, расположенный недалеко от поста дежурного по посольству. Каждому совзагранработнику предназначались свои собственные нары.

За центральными воротами советского диппредставительства, слева от неработающего фонтана стояли в ряд, один за другим, пять КамАЗов. Всего их было десять, но еще пять штук были разбросаны по территориям торгпредства и АЭС. Эти новенькие грузовики предназначались для внеплановой эвакуации на случай быстрого наступления моджахедов. АЭСовцы даже умудрились возвести напротив продуктового магазина свою собственную бензоколонку. Чужим бензин не давали — жмотились, за что потом сами и поплатились. Когда впоследствии мы переехали на волю под подписку о том, что аппарат офицера безопасности за нас не несет никакой ответственности, у нас бензин был всегда, а вот у «узников тюрьмы», как мы ласково обзывали тех, кто остался жить в неволе, его не было вовсе.

Хотя мы проживали на виллах, но тоже готовились к непредвиденным ситуациям. Отделению ТАСС в Кабуле выделили здание бывший хлеборезки в столовой, которая торцом выходила к больнице, а боком к стене, граничащей с воротами. Две небольших комнаты. В дальней — инженер постепенно монтировал оборудование — приемники, передающие устройства и телетайпы с телексом, пуншировочный аппарат. Дополнительная аппаратура оставалась на вилле. Как резерв могли быть использованы телетайпы государственного информационного агентства Бахтар, которые «сидели» на прямой линии с Москвой. Работали мы в крохотной комнатке, служившей раньше разгрузочной кладовкой для муки и ингредиентов, необходимых для выпечки хлеба. Там как раз умещались два стола — друг напротив друга, на которых стояли две печатные машинки и громоздились горы исписанных бумаг.

У нас был свой отдельный вход с улицы, свой городской телефон. Рядом со входом на обочине асфальтовой дорожки стоял новенький ГАЗ-66 ЗАСовской связи. Это было эн-зэ на случай

полного обесточивания и отключения телетайпов и телекса. Связную машину удалось «вытащить» из 180-го полка, расквартированного близ штаба 40-й армии, только после распоряжения ЦК КПСС, поступившего армейскому командованию. Добровольно командование отдавать «врагам» ничего не хотело. Одновременно было принято решение снабдить каждого остающегося в Афганистане персональной рацией дальнего радиуса действия. Каждой организации предписывалось приобрести определенный вид радиостанций с одинаковым диапазоном частот. Однако на деле получилось все не так, как ожидали. Радиостанции приходили разномастные и хорошо работали только на разных частотах. Наши тассовские коллеги из Японии не поскупились, и мы получили четыре (одну резервную) высококачественных рации «Кенвуд». Через нее можно было слышать, узнав частоту канала того или иного контракта, все внутриведомственные переговоры. Для личных переговоров мы выбрали отдельную частоту, и время от времени ее меняли. Во время выездов в город, когда этого было делать нельзя по соображениям безопасности, включали рации на автоприем для прослушивания тех, кто пытался этому воспрепятствовать. В общем «посольские» хотели сделать как лучше, а получилось даже не как всегда, а много хуже.

Накануне вывода войск Кабул посетила большая делегация КГБ СССР. Среди прочих в ней были и бывшие ТАССовцы, в частности Леонид Бирюков, который к настоящему моменту занимался поиском и переговорами по освобождению советских военнопленных. Леня работал в Афганистане с самого начала Апрельской революции, принимая в ней самое активное и непосредственное участие. Взрывной, прямолинейный и эмоциональный, он одновременно совмещал в себе такие редкие сейчас качества, как абсолютная порядочность и честность. Уже в 82-м его голова была почти вся белая, хотя по природе к седине он был совсем не склонен. Его жене с ним жилось совсем не просто. Леня во главу угла всегда ставил работу, хотя и крепко любил свою супругу. На его вилле в районе Картейе-Сех, которая вплоть до падения режима Наджибуллы носила почетное звание «бирюковской», в то далекое время постоянно обитали «каскадеры», возвращавшиеся в Кабул после операций. Я лишь недавно узнал, что все «смутное» ельцинское время грабежей и переделов государственной собственности он посвятил вызволению из плена наших солдат, неоднократно ездил в Афганистан и буквально «вырывал» из мусульманского ада отчаявшихся вернуться домой ребят. Возвращение на родину советского пленного солдата, ставшего охранником полевого

командира Ахмадшаха Масуда — тоже его рук дело. Так что, когда слышите, что Родина не забывает своих сыновей — не верьте. Родине все равно. Есть просто Люди. Такие как Леня. Они редки даже среди «своих».

В той делегации были и другие мои знакомые. Один из них, некий С., заглянул к нам на виллу и рассказал очень интересные вещи, которые произошли за последний месяц в первопрестольной. По его словам, в высшем руководстве страны происходил активный процесс брожения и разложения, инициированный ЦРУ США. «Шеварднадзе предложили пост президента Грузии», — сказал он. Сделав вид, что я в курсе событий, задал ему вопрос: «Ну и что, он согласился?». «Этого я пока не знаю, но что такое предложение последовало, это так же точно, как и то, что я сейчас стою здесь и с тобой разговариваю», — был его ответ.

Получалось, что министр иностранных дел СССР, зачастивший в последнее время в Кабул и дававший советы афганскому руководству о том, как обеспечить претворение в жизнь политики национального примирения, уже «сидит на измене». Это не укладывалось в голове. Однако не верить своему знакомому у меня не было повода. Просто отметил для себя, что при такой мутной обстановке в СССР, на месте стоит удвоить бдительность и стараться обходить острые углы, так как полностью отсутствовала ясность — что сейчас хорошо, а что плохо. В основном все было плохо. В шести часах полета от Кабула разваливался СССР. Здесь, пока еще не четко очерченный, но уже прорисовывался возможный развал прокоммунистического режима Наджибуллы, которого бросали не в самый легкий период, переживаемый страной. В том, что режим рухнет, я не сомневался ни на секунду, оставалось только гадать, когда это произойдет. Впрочем, Наджибулла дал повод усомниться и в этом. Афганская армия и режим оказались намного сильнее, чем это многими предполагалось.

Результатом последнего вояжа в Кабул Шеварднадзе и Крючкова и их переговоров с президентом Наджибуллой стали бомбоштурмовые удары (БШУ) по долине Панджшер. В этой связи становилось непонятно, кто кого и в чем убеждал в ходе переговоров. То ли наши высокие представители убеждали Наджибуллу в правильности выбранного курса на национальное примирение, то ли Наджибулла убеждал их в необходимости сокрушительных авиаударов по своим врагам, с которыми он «хотел мириться». Царил сплошной кавардак. И единственным желанием на тот момент было, чтобы все эти делегации и комиссии поскорее покинули Афганистан, так как их визиты

ничего кроме бомбардировок и артударoов не приносили. Бомбили, в основном, позиции таджикского войска Ахмадшаха Масуда, одновременно обсуждая перспективы налаживания воздушного моста из СССР в Кабул для доставки боеприпасов и продовольствия. О том, как будет доставляться в Кабул топливо — бензин, керосин, солярка, авиакеросин, военные уже не думали — они уходили. А единственным путем прохождения колонн с горючим с севера страны через порт Хайратон в Кабул был перевал Саланг, который контролировал как раз Ахмадшах Масуд. Наносить БШУ по его войску и ждать затем, что колонны наливников, за баранками которых должны были сидеть советские добровольцы, пройдут с территории СССР через перевал Саланг в Кабул безболезненно, было, на мой взгляд, откровенной глупостью. Если хотите замириться с бандитами — миритесь. Хотите бомбить, тогда не говорите о примирении. Так сумятица и кавардак, царившие в Советском Союзе при Горбачеве, уродливо экстраполировались на Афганистан. В последние дни своего военного присутствия мы умудрялись наживать себе врагов в лице вполне склонных к переговорам руководителей группировок моджахедов, превращая их из «колеблющихся» в «непримиримых».

Так катились еще веселые деньки, пока в афганской столице стояла Сороковая армия. Но время ее вывода приближалось неотвратимо. И чем меньше его оставалось, тем тревожней становилось на душе. Мучала бессонница. Мучала от того, что я почти физически ощущал над собой пустое небо. За почти восемь лет жизни в Афганистане я привык, что дежурная пара вертолетов несколько раз в день совершает облет афганской столицы. Сам очень часто летал на вертушках всех мастей. Вибрирующе-свистящий звук разрезающих воздух лопастей просто врос в быт, стал неотъемлемой частью существования. Его отсутствие воспринималось как отсутствие воды. Так, наверное, организм, привыкший к наркотику, одолевает ломка. Вертушек не слышно — на душе становится муторно, хотелось выстрелить из пистолета в дувал (глинобитную стену) нашего чамана Иногда это помогало, иногда нет. Но если помогало, то не надолго. По прошествии 16 лет, я до сих пор вздрагиваю, когда слышу шум вертолетных лопастей. Это — сладкий яд, разливающийся по венам и восстанавливающий жизненное равновесие. Если при этом еще пахнет дымом сожженных дров, и на глаза попадаются люди в камуфляже, то создается обманчивое ощущение тех военных лет. Ощущение войны, к которой я привык, которую никак не могу забыть.

Первые февральские дни девятого года войны. Удивительно

бесснежная и солнечная стояла зима. Утром морозный, днем воздух прогревался, и можно было ходить без свитера, в тонкой осенней куртке. Впрочем, что-нибудь теплое всегда брал с собой в машину — сидеть и караулить свою очередь на бензоколонке. Практически все светлое время суток убивалось на то, чтобы перехватить где-нибудь канистру бензина. Без очереди, как раньше, шурави не пускали. Водители тойот и «флюксов» (так афганцы называли «Фольксваген») стали очень озлобленные, запросто могли учинить драку.

Бензин, керосин и дизельное топливо в Кабуле почти кончились. Население начало пилить вековые деревья, и тонкие кустики, не жалея того, что было посажено руками школьников на хашарах (субботниках), приуроченных к славным годовщинам Апрельской революции. На Чикен-стрит (район Зеленого базара в центре города) и дальше в Шахренау (новый город) пахло гарью — жгли уголь и окаменевшие корни деревьев. Энергоснабжения практически не было. В осиротевших дуканах тускло мерцали лучины, опущенные в комбижир. Не было даже керосина, чтобы запалить индийские лампы и обогреватели. По ночам люди мерзли. В кишлаках, прилепившихся к пологим горам, окружавшим афганскую столицу, в темное время суток было очень зябко. У пекарен выстраивались женщины, покупавшие сразу десятками продолговатые серые лепешки. Белой советской муки больше тоже не было.

Индийское посольство штурмовали толпы желающих покинуть родину. Думаю, что если бы было можно, то штурмовали бы и пакистанское. Но по стечению обстоятельств, практически рядом с посольством этого недружественного государства находился следственный изолятор министерства госбезопасности. Желающих стоять в очереди именно здесь, за все время войны замечено не было.

В городе потихоньку стали появляться подозрительные молодые люди с тонкими бородками, на головах которых красовались северные шапки-«паколи», похожие на блины. В воздухе витал запах приближающейся разрухи. Время клубилось и шло вспять. На Родину уходили советские солдаты.

Кабул. 5 февраля 1989 года

В этот день мы не выдержали и поехали в штаб Сороковой армии выпрашивать бензин — наш транспорт просто встал. На первом КПП еще стояли дежурные, но пропустили без звонков наверх, просто глянув на красный пропуск с буквой «А». Кирпичного цвета «Мерседес-бенц» резво взвился по серпантину и установился прямо у входа. В штабе царил сущий кавардак. Не знаю, как выглядела эвакуация американцев из Вьетнама, но это сравнение почему-то сразу пришло на ум. По полупустым кабинетам и длинным коридорам бродили немногочисленные офицеры и солдаты, набивающие секретными документами, в одночасье превратившимися в ненужную макулатуру, огромные мешки. И хотя в некоторых кабинетах еще продолжали работать военные, было совершенно очевидно, что все это не надолго. Некоторые, наверное, не столь секретные бумаги, валялись на столах и на полу открытых и пустых кабинетов. Сердце ныло. Вот так, все очень просто. Как говорил царь Соломон, «пройдет и это». Уходили в небытие годы жизни, полные радости и горя, удач и невзгод. Уходили те, кого я любил и ненавидел, с кем рядом жил нормальной человеческой жизнью, где все было предельно просто и откровенно. Где да звучало как да, а нет — как нет. Время, страшная и неумолимая субстанция. Оно пришло…

Обратились к старшим офицерам — не помогут ли разжиться бензином? Их командир и начальник штаба лишь скривили лица — у них приказ все остатки топлива уничтожить, никому ничего не давать, даже тем, кто остается в Кабуле без прикрытия. Извиняйте, братцы, говорил командир, ничем помочь не могу. Начальник штаба был еще более тверд и преисполнен решимости выполнить последний приказ Родины и командования — военное добро сгноить и изничтожить, но ни крохи, не капли врагу — то есть нам — не отдать.

Так бы они воевали, как командовали. Приказ о том, чтобы не давать никому остающегося бензина, был отдан по согласованию с генералом Варенниковым. Стратег. Я слушал заклинания командиров, а в голове всплывали слова бойцов, неоднократно сказанные об этом военачальнике. Не приведи Господи, было помянуть при них — солдатах и младших офицерах, на чьих руках умирали их товарищи, — Звезду Героя Валентина Варенникова. Сразу следовала реплика: «Ему Звезду, а его телке — за БЗ». И неважно уж сейчас, какой из двух телок — той, что упала с лошади на конной прогулке и сломала руку, или той, которая, убыв в загранкомандировку из советского совхоза, верой

и правдой одаривала его теплым парным молоком. Не знаю, сам их не видел, только слышал неоднократно. В этот момент для меня было уже неважно, был ли он по-настоящему талантливым и прозорливым генералом. Возможно, и был. Важно другое. Он был крайне жесток по отношению к простым солдатам, жесток как помещик к крепостным. Наверное, он и воспринимал их именно как крепостных, как живые игрушки. Этих голодных, потерявших человеческий облик, но только не собственную гордость, пацанов, которые были готовы стоять до конца. Этих мальчиков-героев, вчерашних школьников, с автоматами в руках. Он не сумел вернуть матерям их сыновей, а слал домой десятки тысяч цинковых гробов, реализуя на практике штабные игры на картах, рисуя на них синие и красные стрелки. Черные от копоти лица лежащих шеренгами и укрытых брезентом пацанов на аэродромах в Кундузе, Кандагаре, Джелалабаде, Шинданде. Целлофановые мешки с разложившимися останками мальчиков в Кабульском морге. Гробы, гробы, гробы. Десятки тысяч гробов. Пусть они ему вечно снятся. Это — цена его золотой звезды.

Я не оговорился, упомянув десятки тысяч гробов. Эта цифры согласуются с реальностью. Легче, конечно, поверить в цифру 15 тысяч и сравнивать ее с жертвами ДТП на дорогах. Проще всего поверить государству и успокоиться. Но если воспринимать ложь как данное, то нас и дальше будут успешно обманывать.

В 1986 году я пробовал сосчитать цифру реальных потерь на этой войне. 23 февраля состоялось торжественное открытие стелы афгано-советской дружбы в Центральном военном госпитале в Кабуле. На церемонии присутствовал президент Афганистана Наджибулла. По окончании праздника я открыто спросил начальника госпиталя, полковника Немытина о боевых потерях.

— Какие такие боевые потери? — удивился улыбающийся военврач. — Сейчас в госпитале одни «самострелы». Боевых потерь нет.

Я хорошо запомнил эту минуту, его нежелание отвечать прямо на поставленный вопрос, почти неприкрытый цинизм медика в отношении искалеченных солдат. Он, хохотнув, посоветовал пообщаться с младшим медперсоналом. Видимо, на свою беду. Не долго думая, я быстро познакомился там же, под соснами, что росли во дворе военного госпиталя, с медсестрой Любой. Она была простая девушка и за возможность прокатить ее по городу с целью покупки в дуканах некоторых вещей, согласилась рассказать мне о том, кто лежит в госпитале, как считаются потери, а также привести некоторые цифры летальных исходов.

По ее словам, в июне 1985 года в госпитале скончались 98

человек, в июле 112, августе — более 120 человек. С наступлением осени цифры летальных исходов несколько уменьшались. Здесь нужно учитывать тот факт, что Люба имела в виду только «хирургию», и только кабульскую. Полевые военные госпитали функционировали во всех провинциях Афганистана, где стояли наши части и подразделения. В Кабул везли только тех, кого еще по ряду признаков можно было довезти до госпиталя живым. «Среднюю тяжесть» оперировали на месте, сразу перебрасывая еще живые тела в Союз. В счет не шли инфекционные отделения госпиталя. Только в Кабуле их насчитывалось три. А сколько в гарнизонах? Инфекционные заболевания выкашивали в рядах советских военнослужащих едва ли не больше жизней, чем подрывы на боевых операциях. По словам Любы, тех, кого еще можно было переправить в Союз живым, записывали при отправке в журнал как раненых, отправленных на Родину. Когда они умирали на территории СССР, они уже не считались погибшими в Афганистане и не портили статистику. Для таких пациентов была придумана специальная терминология — умершие от ран. То есть в официальных сводках потерь они проходили как раненые, а в реальности — умирали от этих ран в скорости после их доставки в Союз, иногда прямо в самолете. Так государство считало потери в Афганистане.

По словам Любы, в госпитале лежали не «самострелы».

— Это вовсе не самострелы и не дезертиры, Андрей. У них просто у всех голова набекрень съехала.

Люба рассказала, что один боец, замордованный «дембелями», стрелялся. На беду взял автомат с патронами калибра 5,45 миллиметра, оснащенными рулями со смещенным центром тяжести. Пуля вошла в левую руку, а вышла со спины, оторвав ее добрую половину. Парень мучительно умирал. Трое солдат из части, расквартированной в районе Хайр-Хана (в народе «Теплый стан»), видимо плохо соображая, что делают, выкрали у прапорщика на вещевом складе ножовку. На следующий день они для чего-то стали распиливать снаряд от ЗГУ (зенитной горной установки). Двое держали, один пилил. Двое лишились рук и выжгли лица. Пиливший потерял одну руку и глаза. И через одного в палатах все такие.

Получалась так, что «летние» потери в живой силе на боевых с лихвой покрывались «зимними» от неуставных отношений и общего бардака, царившего в армии. Это было жутко слушать…

…Ну и крохоборы, подумал, глядя на командиров, пожалевших нам бензина. Неужели никто не поможет? Только подумал — и сбылось. Мир, однако, не без добрых людей, хотя их

по жизни намного меньше, чем черствых и бессердечных. Помог начПО. Не помню, как его звали, симпатичный и душевный человек. Он отдал приказ помощнику-лейтенанту сопроводить нас на Пересылку около кабульского аэродрома, где, по его сведениям, стоял последний наливник, заправляющий последние боевые машины. Посадив лейтенанта в «Мерседес», мы заехали на виллу, где я загрузил в крохотную «Дайхатсу» все канистры, что были в наличии.

— Мужики, нужно поторапливаться, сказал лейтенант — В натуре, бензина может не остаться.

Мы рванули к Пересылке как на гонках. Мы успели.

Красная струя этилированного бензина, журчавшая из крана бензовоза, была явно толще горловин канистр, банок и бачков, привезенных нами. Бензин поливал землю, и я с ужасом смотрел, как это богатство впитывается в розовый песок. Нашел даже какой-то тазик, подставил. Солдат, наливавший нам родной 76-й, улыбнувшись, сказал, что собирать капли, однако, не надо. Все уже заправлены, и после нас он все равно выльет весь бензин в землю — такой приказ. С собой запасов топлива брать было нельзя. Глядя на этого парнишку, опять почему-то по-нехорошему вспомнил Варенникова. В 1987 году был я среди прочих у него на совещании по «национальному примирению» в Тадж-Беке и задал ряд неприличных вопросов: «Почему Вы не разрешаете служить солдатам, которые того хотят, сверхурочно? Почему такая возможность предоставляется не всем офицерам? Ведь если будут воевать опытные бойцы и офицеры, потери можно будет сократить? Зачем было посылать сюда необстрелянных прибалтов, колонну которых на второй же день начали колошматить по дороге из Мазарей (город Мазари-Шариф на севере Афганистана)? Да вообще, зачем проводить эти бесчисленные масштабные операции, в которых с обеих сторон гибнут тысячи людей, если особого результата от этих операций нет, а афганцы лишь все больше озлобляются? Что, в СССР ракет нет, и обязательно нужно солдат по земле пускать?». На эти вопросы генерал, на щеках которого выступила резкая краснота, мне тогда ответил очень жестко, почти по-звериному: «Что Вы понимаете в военном деле? Наша задача не победить в этой войне, а «обкатать» на ней как можно больше людей, пропустить через ее горнило как можно больше солдат и офицеров, чтобы повысить боеспособность войск».

Присутствовавший на совещании член Военного совета Щербаков попытался сгладить напряженную ситуацию, возникшую после столь суровой отповеди Варенникова, но лично для меня это дело не решило.

Может быть, я чего-то тогда и не понял в столь глобальных проектах, но как человек Варенников в те минуты для меня умер безвозвратно. Без права быть воскрешенным. В блокноте, котором записывались ответы, я вместо них нарисовал большой цинковый гроб…

Журчала струя, в канистры вместе с красным бензином, брызгая на песок, текли мысли, от которых никуда было не деться.

Сколько раз я сидел на камнях в батальоне ПВО рядом с этой проклятой Пересылкой и, подперев голову руками, с тоской смотрел, как через два ангара с оцинкованными крышами идут все новые и новые солдаты-новобранцы в высоких кирзачах. Их, по замыслам генералов, надо было «прокатать». Или «укатать». Точно не разберешь, что именно имелось в виду. Солдаты зачем-то писали в пробирки. Входили во второй ангар из первого с желтыми пробирками, а выходили с фиолетовыми. Некоторые просто шли мимо, выливая мочу на землю и выбрасывая стекляшки в огромную кучу. Рядом на камнях и просто на земле сидели те, кто излечился от желтухи, тифа и амебы. Забытые родиной солдатики, которые ждали бортов, отвозивших их в провинции, поближе к Смерти. Они не улыбались. А в Союзе люди веселились, ели, пили и любили. Там было все равно, что где-то в горах гибнут беззащитные перед судьбой и системой пацаны из, как правило, бедных и многодетных семей. Может, только их родителям было не все равно…

Подъехал БТР, из которого вышел майор, сказавший нам, что завтра Все. Из Кабула уходит последняя группа. Остаются только десантники — совсем мало, так мало, чтобы только обеспечить вылет оперативной группы Минобороны. Залезли к нему в боевую машину. В одном из баков вместо горючего была брага. Хлебнули на посох по одной. Договорились, что если мы завтра вдруг захотим их проводить, надо прибыть на Пересылку в 05.00.

Всю ночь я не спал и уже в три часа был готов к отъезду. Однако Тыссовский не спешил, все что-то возился. Из-за него опоздали на 10 минут. Но, слава Богу, ребята нас ждали, хотя уже и матерились.

Последний БТР. Последние Солдаты. Тысс щелкал фотоаппаратом, как настоящий репортер, а у меня в горле застрял ком и я просто ничего не мог ни вымолвить, ни сделать. Вспомнил зачем-то, как я их недружелюбно встречал в 79-м. Пасмурная тогда стояла погода, промозглая, дул холодный северный ветер, шел снег. А сейчас никакого ветра. Только солнце заливает своими лучами все вокруг. Сам Господь, видать, провожает их домой.

Последние слова, Последние рукопожатия. Вот он, последний БТР. Завыл и попылил на северо-запад. Что-то хрипя, я шел за ним, все убыстряя шаг, потом побежал, совсем как пацан. Меньше всего мне хотелось в тот момент видеть кого бы то ни было живого. Пыль забивала глаза, и я плакал. Никто не видел.

Что-то сломалось во мне тогда. Внутренняя пружина сжалась до предела, хрустнула, да так и не распрямилась. Просто осталась лежать в песке ненужным убитым амортизатором. С тех пор я напрочь потерял в Афганистане чувства любви и ненависти, опасности и тревоги, не испытывал ни перед чем особого страха. Они, эти чувства, потом вернулись, спустя много лет, уже в другой стране, но тогда их не было.

В пустой солдатской столовой — просторном коричневом деревянном строении — в правом дальнем от входа углу я взял табличку с меню «второго» от последнего солдатского обеда. Берег ее, а потом вместе с солдатским колючим одеялом привез в Советский Союз.

Я смотрел в спину уходящей Армии. Табличка с надписью на глазах превращалась из предмета повседневного солдатского быта в вещь из Космоса. Я смотрел ей в спину, и вспоминал, как она входила. Легендарная, Неповторимая, Сороковая.

Москва, июнь 1979 года

Лето выдалось жарким во всех отношениях: родители моего хорошего приятеля — Энвера Ахмедзянова, отец которого работал корреспондентом «Известий» в Тегеране, наконец-то уехали в Иран, оставив в его полное распоряжение чудесную трехкомнатную квартиру на «Аэропорте». Она, конечно, не простаивала, вернее, я вообще перебрался туда жить, лживо успокаивая сам себя тем, что вместе легче будет подготовиться к сдаче экзаменов. Но девушки, ежедневно посещавшие эту «обитель знаний», как-то не сильно способствовали зубрежке истории КПСС, которую нужно было сдать кровь из носу. Светила стажировка в Кабульский Университет. А с тройкой по «профилирующему» предмету перспективы «оторваться» на 10 месяцев в Афганистан представлялись весьма туманными. Однако с третьего раза «вес был взят» и меня включили в группу потенциальных стажеров. Это событие праздновали почти две недели — портвейн лился рекой, гремела музыка, изредка «нехорошую квартиру» навещал участковый Анатолий Егорыч, требуя соблюдения тишины и перемещения «оргии» в лесопарковую зону, подальше от людей.

Друзья и подруги, провожавшие нас, как всем тогда казалось, в увлекательное путешествие, неподдельно грустили. А еще через пару-тройку недель нашу группу попросили собраться в институте (стран Азии и Африки при МГУ) для проведения инструктажа о правилах поведения советского гражданина за рубежом. Там нас встретил довольно дружелюбный седой человек, попросивший зачем-то проследовать в автобус, который затем отвез нас в район станции метро «Полежаевская».

Это был самый первый большой обман в моей жизни — вместо веселой стажировки в Кабульском Университете предстояло пополнить собой ряды Вооруженных Сил в одном из афганских гарнизонов. Времени на раздумья дано не было. Полковник предупредил: если отказываешься — отчисление из института неизбежно.

Уже через пару дней нас оформляли в «десятке» (10-е управление ГШ) Минобороны, а еще через две недели, не сдав всех курсовых экзаменов, я прощался с мамой в аэропорту «Шереметьево-2». Рейс Аэрофлота СУ-531 и свой новый почтовый адрес п/я 515-Б я не забуду уже никогда. Только Богу суждено было знать, что эти зловещие цифры будут сопровождать меня на протяжении долгих лет. Но для начала я стал переводчиком персидского языка в группе Главного военного советника

генерала Горелова согласно приказа командира в\ч 44 708.

Кабул, июль 1979 года

«Ввинчиваясь» в котловину Кабульского аэродрома, самолет натужно гудел и трясся — он был явно перегружен. Помимо щеголеватых мальчиков из МГУ и Ташкентского Университета, одетых в модные костюмы, на его борту находились сотни чемоданов с вещами и коробки с провизией, заботливо собранные родителями. Когда же вся эта махина плюхнулась на рулежку и дверь открылась, в салон ворвался поток раскаленного пыльного ветра. О внешнем виде все как-то сразу забыли — стали вскрывать чемоданы, пытаясь найти в них хоть что-то, соотносящееся с нечеловеческой жарой. Носильщики, заботливо притащившие наши пожитки к поджидавшему невдалеке автобусу, узнав, что у нас нет никаких денег, кроме советских рублей, стали грязно ругаться. Впрочем, об этом я смог догадаться только по их выражению лица и бурной жестикуляции — их язык мне был совсем не знаком, он не имел ничего общего с фарси, который мы изучали четыре года. Впрочем, забегая вперед, могу сказать, что уже через год я лопотал на колоритной смеси всех диалектов ничуть не хуже, чем самый малообразованный рыночный торговец, и что когда я разговаривал по телефону, меня с «шурави» не идентифицировали.

Через десять минут нас доставили на «квартиру» в так нызываемый «Новый микрорайон». Впрочем, никакого микрорайона тогда еще не было и в помине. Стоял лишь один дом — 115 «блок» (так афганцы называли пяти-и четырехэтажки хрущевской застройки), где в абсолютно голых квартирах с цементными полами вдоль стен были расставлены панцирные металлические кровати без матрацев и подушек. В них было прохладно, и это было единственным приятным на то время моментом.

До вечера мы были предоставлены сами себе — никто за нами не приходил, никому мы нужны не были. Через пару часов Женя Киселев (впоследствии гендиректор НТВ) разнюхал, что где-то раздают одеяла и матрасы. Мы быстро сориентировались и вскоре возлежали на поролоновых подушках, соображая, как здесь можно выжить. Через некоторое время мы продали советские рубли по курсу один к семи в ближайшем дукане, и уже в вечерних сумерках я готовил тушеные баклажаны на всю ораву — в квартиру вместилось 8 человек. Вечер провели под водочку и Женькин колоритный пересказ «Дня шакала» Фредерика Форсайта.

На следующее утро оказалось, что никакой иной мебели нам

предоставлено не будет, и мы стали мастерить вешалки из проволоки и разбирать вещи. Старший переводчик — коротко стриженый Иван Крамарев, посетивший нас утром, выдал под расписку «подъемные», и мы отправились в единственный продуктовый магазин, где отоваривались военные советники. По слухам, там продавалось финское баночное пиво «Кофф» — редкость для Москвы. Пиво, действительно, оказалось в наличии, но к каждой банке полагалось прикупить три банки кабачковой икры. С тех пор я кабачковую икру не жалую, а замечая на прилавках пивную марку «Кофф», мысленно сразу же уношусь в то горячее лето…

Три дня мы были предоставлены сами себе и стали совершать вылазки в город, что, к стати сказать, было строжайше запрещено. Кабульские дуканы меня просто ослепили — джинсы, жевательная резинка, кока-кола, иностранные сигареты — просто поразительное богатство выбора для отсталой мусульманской страны, о которой в то время я имел весьма смутное представление. Обо все этом я писал письма родителям, живописуя сладкую жизнь за рубежом. Письма, надо отметить, доходили регулярно и без особых опозданий. Но в последствии, дабы избежать прочтения их особистами, я стал пересылать письма из районных почтовых отделений Кабула, там же получая из Москвы бандероли с сигаретами и прочей снедью, которую посылали родители. Этот канал работал где-то около полугода. Потом началась война, и отделения связи закрылись.

Через неделю состоялось распределение переводчиков по местам несения службы. Я очень боялся этого момента. Тщательно побрившись и нацепив галстук, я уныло побрел к зданию клуба в «Старом микрорайоне», где оно должно было состояться. Пока я сидел и потел от непонятно откуда взявшегося страха и оцепенения, мои сверстники попроворней живо соглашались на работу в военных учебных заведениях Кабула. Еще сильнее я стал нервничать, когда понял, что если не подниму руку сейчас, то наверняка угожу в какую-нибудь провинциальную дыру, где придется жить в землянке и кормить собой вшей. Оставалось лишь два предложения — 7-я пехотная дивизия и 4-я танковая бригада…

Рост мой составляет 1 метр 87 сантиметров. В общем, в течение 14 месяцев я вволю набился головой о броню и люки; таял как жир на сковороде внутри танков и БМП при температуре воздуха плюс 60 по Цельсию; дружески общался с политическими заговорщиками, убийцей президента Нура Мохаммада Тараки, адъютантами премьер-министра Хафизуллы Амина, видными революционерами и простыми солдатами; увертывался от пуль

под Джелалабадом; болел брюшным тифом. Эта была моя «стажировка в Кабульском университете», которая закалила мою волю, сделав, правда, ожесточенным и несколько неуравновешенным. Но, обо всем по порядку…

Прямо напротив центральной тюрьмы «Пули-Чархи», тогда еще не особо заполненной заключенными, на высоком холме располагались две танковые бригады — 4-я и 15-я, офицеры которых принимали самое деятельное участие в Апрельской революции и свержении в 1978 году президента Мохаммада Дауда, двоюродного брата короля Захир-Шаха. Командир одного из экипажей, впоследствии и всей 4-й бригады — Мохаммад Аслан Ватанджар, первым ворвавшийся на своем танке в президентский дворец в апреле 1978 года, одним из первых военных серьезно ворвался и в большую политику. В то время он уже успел побывать министром обороны Афганистана, но по старой привычке частенько навещал свою альма-матер, где выпивал со своими бывшими сослуживцами. В один из таких визитов я с ним и познакомился. Он был лишь на несколько лет старше меня. Небольшого роста, непоседливый, с писклявым голоском. Я невольно сравнил тогда его с кузнечиком, который все время прыгает и никак не может найти себе места.

Впоследствии, когда я уже работал в Афганистане в качестве корреспондента ТАСС, то давнишнее знакомство с Ватанджаром открывало мне почти все двери в афганском Министерстве обороны, а также Отделе Обороны и юстиции ЦК НДПА.

…Два года назад революционер Ватанджар умер от болезней, голода и нищеты на Украине. У его боевых друзей — таких же бездомных афганских офицеров, которые были вынуждены покинуть Родину, едва хватило денег, чтобы его похоронить.

В течение полутора месяцев я общался с «низовым» офицерским составом, постигая азы языка дари в пуштунском исполнении. Учеником я оказался способным, и уже вскоре лихо переводил новобранцам, из чего состоят внутренности танка. Чтобы понять на русском, что я, собственно, перевожу, пришлось втихую — чтобы советники не узнали — договариваться с местными комбатами о том, чтобы за пару бутылок коньяку «Белый Аист» они научили меня премудростям управления боевыми машинами. С тех пор я умею водить танк и БМП. Дай бог, чтобы эти навыки мне больше не пригодились.

С новобранцами дело обстояло хуже. Согнанные в армию крестьяне никак не хотели понимать, чего от них хотят советские советники. Почти каждый день происходило ЧП. То забыли включить стабилизатор, и цевьем орудия заряжающего на ходу растерло по стенам его боеотсека, то кто-то задохнулся внутри

танка во время учебных стрельб из-за того, что не работал воздухоотсос — вентилятор. Впрочем, он не работал на Т-62 никогда. Я до сих пор удивляюсь, как в такой жаре, пыли и грязи техника вообще двигалась. Но двигалась же, и даже в Джелалабаде, где температура в тени доходила до 60 градусов, а тени не было и в помине.

В сентябре в Кабул стали огромными группами прибывать военные советники батальонного и ротного уровня. Потянулись и ненавистные мне политработники, лекции которых я переводил «от вольного», так как уловить смысл сказанного ими не мог и на родном языке. Впрочем, все были довольны. Особенно афганцы. Пока толстенький замполит с Украины рассказывал о величии и могуществе Советского Союза и его Вооруженных сил, я с умным видом объяснял им, что все должны сделать сосредоточенные лица, кивать, и всячески изображать крайнюю заинтересованность в том, что талдычит советник. Я же рассказывал им о том, как простые люди живут у нас в стране, а также байки из своей жизни. По существовавшему между нами уговору, никто из курсантов в конце лекции вопросов не задавал. Когда замполит спрашивал, есть ли у кого-нибудь вопросы по лекции, то вставал один из них и говорил, что все всё поняли и узнали много нового. Советник, довольный, отваливал обедать наверх, в штаб бригады, а я оставался в батальоне трапезничать с младшими офицерами.

Подавали обычно одно и то же: на первое — суп-шурпу с горохом, травой и перцем, на второе — верблюжатину с рисом. Верблюжатина, кстати, похожа на швейковскую лошадь — сколько ни вари, все равно жесткая, и распадается на отдельные волокна. Затем обычно следовал чай с кульчей — орехами и конфетами, закатанными в сахар. Иногда вместо орехов попадались камушки — так я сломал первый зуб. С зубами, кстати, совсем не везло. Накануне приезда в Кабул пошел в районную поликлинику к стоматологу, который удалил, как ему казалось, больной зуб. Через пару недель щеку разнесло так, что я стал похож на китайца — глаза заплыли. Офицеры в бригаде произвели мне операцию — выковыряли оставшийся в десне осколок кортиком, залив рану чистым спиртом. В общем, пронесло. Но из-за отвратительного качества воды зубы разрушались молниеносно. По возвращении на родину пришлось серьезно заняться своей челюстью и залечивать более 10 дыр. Из-за отвратительной воды многие советники теряли не только зубы, но и волосы. Почти треть наших военных после командировок в Афганистан страдали почечно-каменной болезнью, тяжелыми формами гепатита.

«Лафа» продолжалась совсем не долго. В конце лета в стране началась политическая чехарда. На уровне танковой бригады это выразилось в том, что некоторые офицеры просто исчезали, и никто не мог сказать — куда именно. Портреты Нура Мохаммада Тараки в батальонах сменили постеры уже двух руководителей революции — улыбающееся лицо Нура и серьезное — премьер-министра Хафизуллы Амина. Изображены они были вместе. Лично у меня работы поубавилось — политработники перестали грузить солдат-крестьян информацией о личных качествах вождей, и делали упор в основном на нерушимость афгано-советской дружбы и вредоносность для судеб революции сил империализма. Офицеры-афганцы стали меньше общаться с советниками, в свою очередь, наши старшие советники во главе с полковником Виктором Николаевичем Пясецким перестали денно и нощно биться в преферанс, все чаще стали ездить на какие-то совещания в «старый микрорайон», построенный, кстати, еще во времена правления Дауда для армейских офицеров. Мне выдали оружие — пистолет Макарова, который во избежание недоразумений я тут же спрятал в морозильный отсек холодильника — чтоб не выстрелил. Подспудно я чувствовал, что назревает что-то нехорошее, но старался гнать тревогу прочь.

8 сентября на работу не поехали. Советники, ничего не объяснив, объявили о затяжном выходном дне. По этому случаю, замполит второго батальона украинец Валера «злоупотребил» и упал вместе с УАЗиком, за рулем которого находился, в ближайший арык. Машину достали быстро и тихо — благо был уже вечер. Но Валера умудрился в воде потерять свой пистолет, и, подобно рыбаку, всю ночь просеивал ил в арыке. Я на несколько дней дал ему свой — затем он приобрел у афганцев новый. В общем, сделал правильно. Советники менялись, документы пропадали, и уже через год никто и не вспомнил о злополучном пистолете Макарова.

Пару дней спустя, когда афганский президент возвратился в Кабул с Кубы, к Энверу Ахмедзянову приехал атташе посольства — его знакомый Андрей Копейко, и поведал нам страшную историю о двух заговорах — на Тараки и Амина, каждый из которых, впрочем, не удался. Он посоветовал мне и впредь на работу не ездить — 4-я бригада, по его словам, была в тот момент подобна пороховой бочке. В течение нескольких дней мы все тщетно пытались что-либо разузнать. Новости поступали самые разные: об убийстве адъютанта Тараки Таруна и ранении адъютанта Амина Вазира, о том, что Ватанджар в составе «банды четырех министров» пытался поднять 4-ю танковую бригаду против Амина, но наш комбриг Ахмаджан, кстати, один из

адъютантов Амина, предотвратил выступление батальона на стороне Тараки и арестовал комбата с батальонными офицерами.

Все прояснилось уже через несколько дней. Через СМИ Тараки отчитался перед партией о поездке на Кубу и посетовал на свое пошатнувшееся здоровье. Он попросил НДПА освободить его от обязанностей руководителя государства и революции. Власть перешла к премьер-министру Амину, на мой взгляд, самому деспотичному и кровожадному из руководителей Народно-Демократической партии Афганистана (НДПА). Оставалось лишь гадать, будет ли болезнь товарища Нура тяжелой и продолжительной, либо он покинет этот свет скоропостижно, «сгорев» на работе. Меня снова вызвали в часть. Время начало отсчитываться по-новому…

Кабул, осень 1979 года

.

Ахмаджан встретил «мошаверов» (советников) подчеркнуто вежливо, попросив зайти на несколько минут к нему в кабинет. Меня, впрочем, оставили за его пределами, в комнате для советников — видимо, как политически незрелого. Совещались они около часа. Затем Пясецкий объявил, что для переводчиков (нас на тот момент было двое) вводятся дежурства по бригаде, в том числе и ночные. Это меня вовсе не порадовало — накануне я познакомился с симпатичной девушкой из группы медицинских советников, работавшей медсестрой в афганской клинике нейрохирургии. Галя Живова, собственно, и спасла мне жизнь, вовремя затолкав в медицинский УАЗ и отправив в госпиталь «Чарсад бистар» («Четыреста коек») на лечение, когда вертолет доставил меня с тифом из Джелалабада. Но те неприятности ждали меня еще только следующим летом.

Перспектива проводить ночи среди кровожадных заговорщиков энтузиазма не вызывала, но делать было нечего. Дежурить, так дежурить. Мы с переводчиком-азербайджанцем Азимом менялись через два дня на третий, заезжая домой лишь для того, чтобы выспаться и помыться. В бригаде по ночам как-то не спалось. В задачи переводчиков входило сообщать вечером по телефону советникам о том, что происходит в бригаде. В силу субъективных причин я этого сделать не мог: сама мысль о прогулках с оружием в кромешной тьме по территории воинской части меня угнетала, и уже часов в пять я начинал выстраивать баррикады из мебели возле двери и около окна, наивно надеясь, что это меня спасет в случае нападения. Ночь напролет я обнимал «калаш» и торопил приход утра. Однажды ночью ко мне постучали…

Ахмаджан налил в красивые пиалы зеленого чаю, который за минуту до этого принес его денщик. Сам порезал лимон, предложил открытую пачку «Мальборо». Говорили долго и, как мне показалось, откровенно. Комбриг пристально смотрел мне в лицо своими красивыми карими глазами с удивительно длинными ресницами. Он начал первым, как бы упреждая мой немой вопрос. «В партии произошли большие перемены, Андрей. Ты многого не знаешь, но я хочу, чтобы между нами «кошки не бегали». — Думаешь, я не знаю, что ты там мебель двигаешь? — спросил он и ухмыльнулся в пышные, очень аккуратные густые усы. — Не надо, мы к тебе хорошо относимся, ничего не бойся. Я невольно покраснел, но оправдываться не стал. Вместо этого

задал вопрос в лоб: — «Ахмаджан, а вы человека убить можете? Ну, не так как в бою, а просто — взять и убить?» На его лице не дрогнул ни один мускул. «Ты, Андрей, кого имеешь в виду? Я никого не убивал. Я могу лишь уничтожить предателя из этого вот пистолета, — Ахмаджан достал из ящика стола ТТ и положил на стол. — Ты представляешь, что такое танковый батальон с полными боекомплектами в городе? Видимо, не очень. Если бы предатели сделали свое дело, Андрей-джан, могло пролиться много крови. — Он вдруг побледнел и нервно затянулся. — Ее еще может пролиться много, очень много…»

Мы долго сидели и курили, пили чай и коньяк, играли в шахматы, рассказывая, кто о чем — я о своих родителях и сестре, он — о жене и детях. Передо мной сидел красавец-капитан, с иголочки одетый, чисто выбритый, невероятно преданный, как мне тогда казалось, своему воинскому долгу.

Последующие события показали, что Ахмаджан на деле оказался порядочным человеком, и хотя принимал участие в репрессиях против неугодных Амину офицеров, искренне и по-хорошему относился к советским советникам вообще и ко мне в частности. Однако, все это не помогло ему, когда он был арестован в 1980 году после ввода в Кабул советских войск. Он был адъютантом Амина, и этим все сказано.

Время начиналось совсем смутное. Газеты сообщали «о раскрытии и предотвращении новых заговоров против товарища Амина». По ночам по микрорайону бесшумно шуршали «Волги» афганской службы безопасности (АГСА) — производились аресты. Главным «защитником» революции от посягательств заговорщиков на три месяца стал двоюродный брат Амина Асадулла, возглавивший это ведомство на несколько месяцев. Он рьяно бросился наводить «революционный» порядок в столице. По его приказу все водители автомобилей-такси должны были в течение 2-х недель перекрасить свои авто в желтый цвет. В противном случае их ждала конфискация транспортного средства и тюремное заключение сроком на полгода. Примечательно, что за некоторое время до этого люди Асадуллы взяли под свой контроль все автомастерские по покраске кузовов автомобилей, так что этот «революционер» за несколько недель стал богат как Крез. Прогуливал он свои капиталы красиво. В окружении сразу нескольких красивых девушек и свиты охранников в серых костюмах, обычно по вечерам в четверг, он прибывал в маленький ресторан, располагавшийся на углу Вазир Акбар Хан и Шахренау, где и «гудел» до утра. Некоторые девицы, как водится, куда-то потом безвозвратно исчезали. Мы, по молодости, также иногда, невзирая на запреты, посещали этот ресторан, где проводили

редкие часы отдыха у маленького каменного водопада. Мне тогда казалось, что никто не знает о наших «прогулках», но однажды Ахмаджан, не скрывая тревоги, предупредил меня, что мое появление там крайне нежелательно. Я искренне удивился, откуда это ему известно, но вида не подал, послушался его и сменил место вечерней дислокации, променяв «водопад» на ресторанчик «Голден свит рестаурант», располагавшийся прямо в центре города.

Асадулла Амин тем временем вплотную взялся «курировать» Кабульское Радио и Телевидение — дикторши исчезали одна за другой. Одновременно он выступал и как блюститель нравственности дочерей своего кузена. Надо признать, дочки у Амина были одна красивее другой. У старшей был непродолжительный и бурный роман с популярным тогда певцом Ахмадом Захиром — мега-звездой кабульской эстрады. Что-то они тогда не поделили. Для Захира это закончилось плачевно: он был арестован по приказу Асудуллы и зверски замучен в застенках АГСА. По слухам, там над ним издевались, отрубили руки, оскопили, а затем задушили. В газетах появился некролог под заголовком: «Сердце певца революции не выдержало». В нем указывалось, что легковой автомобиль, в котором ехал Захир, попал в автокатастрофу на перевале Саланг.

Все происходившее тогда здорово напоминало мне свежевыученную Историю КПСС в ее разделе «Третий Московский процесс, или разгром бухаринского блока». Стиль работы Асадуллы Амина мало, чем отличался от методов «товарища» Ежова. Военных арестовывали сотнями вместе с женами и малолетними детьми и отправляли в «накопители», один из которых располагался в центре города неподалеку от пакистанского посольства. Потом, через 10 лет, я побывал в этой секретной тюрьме афганского МГБ, где разговаривал с приговоренным к смертной казни членом Исламской партии Афганистана. Казематы, надо сказать, мрачнейшие. «Накопленные» в период с понедельника до среды отправлялись затем в тюрьму Пули-Чархи, где безвозвратно исчезали.

В какой-то мере приоткрыть завесу тайны над исчезновением военных мне невольно удалось во время проведения учебных танковых стрельб на полигоне 4-й танковой бригады. В Кабуле тогда стояла ясная и чуть ветреная погода. Я как-то заметил, что в районе полигона восточный ветер доносит до КП смрад, но по началу не придал этому особого значения — в Афганистане воняет везде, где только можно — и на улице, и в больнице, и в дукане, и в харчевне. Однажды после «отстрела» мишеней я отправился с командиром батальона БМП старшим лейтенантом

Маджидом посмотреть, куда легли снаряды. Чем ближе мы приближались к горе, у подножия которой располагались танковые мишени, тем невыносимее становился запах — гнилостный и сладковатый. Метрах в 100 за фанерными «танками», куда ложился перелет, мы увидели собак. Обычно боязливые, на этот раз они никуда не убегали, и что-то рыли в свежей воронке, куда угодил один из снарядов. В зубах рыжего пса я увидел кусок человеческой руки. На мой немой вопрос Маджид только отвел глаза. Для меня это было уже слишком — голова кружилась, от смрада тошнило.

Свежезасыпанных траншей было три, каждая длиной метров по сорок. У одной из них стояла брошенная землеройная машина. Долговязый и нескладный Маджид, поняв, что ему несдобровать из-за того, что тарджоман (переводчик) стал невольным свидетелем творящихся здесь злодейств, постарался «переманить» меня в свои союзники. Он осознал в тот момент, что если я буду задавать кому-нибудь соответствующие вопросы, то он запросто может разделить участь этих несчастных. Вопросов я задавать не стал — под «дришами» (военная форма) по спине катился холодный пот, в голове тупо билась и болела жилка у виска.

— Это комбат-2 и его ребята, — выдавил из себя Маджид. — Я здесь ни при чем. И сразу замолчал, сам, испугавшись своих слов.

Уныло бредя обратно, я вспомнил, что действительно, командир второго батальона куда-то пропадает по выходным, что глаза его постоянно красные — то ли от гашиша, то ли от бессонницы, а Ахмаджан подчеркнуто не интересуется этим краснолицым здоровенным офицером. Я шел и думал, знают ли об этом комбриг и наши советники? И так и не смог ответить себе на этот вопрос.

Уже значительно позже, когда после ввода советских войск Ахмаджан еще некоторое время был «свободен», и находился лишь под домашним арестом в своем доме в Пули-Чархи, мы поехали (это делалось в строгой тайне) его навестить, заодно и морально поддержать. По дороге около маленького деревянного мостика на глаза опять попались свежевырытые траншей и ямы. Народ здесь в землю закатывали тысячами. Иначе, куда они все подевались, когда 1 января 1980 года двери кабульского централа открылись?

Тем временем, Ахмаджана внезапно перевели на новую работу наверх. Новым комбригом к нам был назначен майор Рузи, который еще месяц назад в чине стершего лейтенанта занимал пост замполита Национальной Гвардии. Он был правой рукой командующего Гвардией Джандада. В последствии оказалось, что

это именно он вместе с начальником караульной службы президентского дворца Экбалем и начальником связи Гвардии Водудом задушил Тараки подушкой по приказу Амина. Роста Рузи был выше среднего, очень худой. Короткие, не очень густые, зачесанные набок черные волосы. Колючий, настороженный взгляд близко посаженных глаз, казалось, сверлил насквозь. При первом знакомстве я еще не знал, что разговариваю с убийцей главного афганского революционера, но интуитивно чувствовал, что этот человек мне неприятен. За время своего командования бригадой (это длилось всего 3 недели) он ни разу не улыбнулся. Рузи постоянно сидел один в своем (ахмаджановском) кабинете и никогда не оставался в части на ночь. Утром на работу его привозила темно-зеленая «Волга» Минобороны. Он по традиции здоровался с советниками и переводчиками у «кантина» (буфета) напротив комнаты отдыха советников, пожимая всем руки. Его узкая ладонь с длинными пальцами была железной.

После того, как по Кабулу поползли слухи об удушении вождя революции аминовскими «соколами», Рузи бесследно испарился. Впоследствии он объявился где-то на территории Ирана. О дальнейшей его судьбе мне ничего не известно. К нам снова прислали старого знакомого — Ахмаджана. Я почему-то очень обрадовался этому событию, повеселели и советники. Вместе с афганскими офицерами это событие решено было широко отпраздновать. На чамане у бригадного клуба солдаты зажарили двух баранов, приготовили плов. По традиции, мошаверы привезли молдавский коньяк «Белый Аист». После непременного тоста за нерушимость афгано-советской дружбы офицеры набросились на мясо. Баранов разорвали на части со скоростью звука. Все это произошло настолько неожиданно, что в моей руке осталась совершенно пустая тарелка, и положить на нее было уже просто нечего. Мое невольное смущение с противоположного конца стола заметил Ахмаджан. Казалось, он самолично вызвался по жизни меня опекать — оторвал половину своего куска бараньей лопатки, не спеша, обогнул стол и переложил ее мне на тарелку. «Зэндэ (живы) будем — не забудем», — сказал он на ломанном русском и улыбнулся. Улыбка его была настолько искренняя и обезоруживающая, что я, поддавшись ее гипнозу, сразу забыл обо всех своих страхах и сомнениях.

Жизнь катилась своим чередом. Репрессии не прекращались. Амин вместе со своим двоюродным братом взялся за духовенство. Работа по «строительству социализма» шла как в центре, так и на местах: вырезались целые семьи и кланы, причем как противников социалистического пути развития, так и соратников

по партии. Помимо заговорщиков из «интеллигентского» крыла НДПА — «Парчам» (Знамя), зачистка шла и в стане рабоче-крестьянского крыла «Хальк» (Народ), поддерживающего Амина. Все больше героев революции падало от рук изменников Родины. Все больше некрологов о них, безвременно ушедших из жизни, печатали газеты.

Слово «душман» — сокращенно «дух» — тогда еще не было в ходу. Врагами режима были «эхваны» (братья). Против НДПА первыми выступили именно представители духовенства и пуштунские племена, которым оказала финансовую помощь исламская организация «Братья-мусульмане». Самым популярным шлягером того времени, денно и нощно крутившимся в радио- и телеэфире, была песенка про неминуемую погибель «братьев шайтана». «Нафрин бату бэ карэ ту, эхванэ шайатин» («зубодробительный удар по вашим делишкам, братья шайтана») вертится у меня в голове и по сей день. Однако «братки» почему-то не гибли подобно мухам, как это предписывала им песня, а наоборот, размножались со страшной быстротой.

Еще летом 79-го мы вдвоем с молодым советником батальона БМП Костей Корневым, прибывшим в Афганистан из Молдавии, вооруженные на двоих одним пистолетом Макарова, свободно могли съездить на ГАЗике в соседнюю провинцию Парван, чтобы проверить дислоцировавшуюся там нашу роту. Помню, «полетел» у нас на машине бензонасос в каком-то глухом кишлаке. Кругом одни камни, да красноватый песок. Ветер задувает как бешеный. В общем, безрадостная ситуация. Сели на капот перекурить. Вдруг, откуда ни возьмись, появились люди. Дали напиться, принесли свежей морковки. Где-то раздобыли старую камеру, из которой сообща вырезали прокладку на бензонасос. Узнав в нас русских, местные очень обрадовались тому, что мы не китайцы. Тогда китайцев они недолюбливали, уж не знаю, по какой причине. Я, правда, спросил: «А мы что, на китайцев похожи?» Оказалось, что они вообще никогда иностранцев не видели.

К исходу осени о таких «идиллических» поездках не могло уже быть и речи. Вместо прежнего, радушного приема у крестьян, которые традиционно со времен Дауда уважали военных, теперь там можно было запросто схлопотать пулю. Почти в каждой семье были репрессированные. Образ советского военного советника уже четко ассоциировался у них с пособниками аминовского режима.

Именно в то время произошел первый «откат» волны военных советников — перестали приезжать замполиты, их сокращали, На их места прибывали зампотехи, по афгански — «мосташары». Военная техника, которая все чаще использовалась режимом

против недовольных, требовала ремонта и обслуживания.

В Кабуле тем временем стали спешно, один за другим, закрываться приличные магазины и рестораны, доставшиеся в наследство республике еще от президента Дауда. Мой любимый «Голден свит» с традиционной индийской кухней, находившийся напротив Зеленого базара — излюбленного места шопинга совграждан — был взорван братьями-мусульманами за то, что его хозяин посмел работать в священный месяц Рамазан и продавать там пиво. Открытые плавательные бассейны, построенные тем же Даудом для военной элиты, стояли без воды, полуразрушенные. Мини-маркеты распродавали остатки молочных продуктов, сыров, курятины, модных журналов. Закрывались антикварные лавки, где в то время еще продавались шкуры барсов, именное холодное оружие белогвардейцев, оказавшихся в Афганистане в итоге гражданской войны, тульские самовары с медалями и эмблемами древних купеческих семей царской России. Их хозяева уезжали из страны в основном Индию и Пакистан.

Впоследствии молоко и молочные продукты на многие годы станут для Афганистана редкостью, доступной лишь богатым, а место экзотических мехов займут дубленки времен советской оккупации. Жизнь тускнела на глазах, надвигалась свойственная эпохе перемен разруха.

В кинотеатры стало ходить небезопасно — в «Синема-парк» вполне могли пырнуть ножом. Кабульский Университет превратился в рассадник антисоветчины, и его также не рекомендовано было посещать. Вооруженные группы противников режима все чаще нападали на посты военных, машины с горючим. Тревожная обстановка складывалась в Джелалабаде — там контрреволюционеры оказывали наиболее упорное сопротивление властям, им открыто стал помогать Пакистан. В частях Кабульского гарнизона усиливалось брожение. То там, то здесь вспыхивали стихийные вооруженные выступления военных. Наиболее крупное из них — в 7-й пехотной дивизии было подавлено с помощью танков 4-й и 15-й ТБР. Неизвестные произвели подрыв склада боеприпасов на учебных военных Курсах «А», в центре города. Оружие — пулеметы, патроны и гранаты — разлетелось на многие километры вокруг. Организаторов этих выступлений, как правило, расстреливали без особых церемоний. Преданные Амину командиры танковых экипажей из нашей бригады заступили со своими боевыми машинами на охрану Гостелерадио и других ключевых объектов города. Несколько наших танков «реквизировали» для охраны дворцового комплекса Тадж-Бек — Дар уль-Аман.

Амин, видимо, подспудно чувствовал, что его вполне может

постичь судьба, которую он сам уготовил Тараки. Не было у него особой надежды на наших военных — когда его люди кончали Товарища Нура, они вроде обо всем знали, но не вмешались, да еще предстояло разобраться в истории с гробами, в которых, по слухам, вывезли в Союз его сторонников. А ну, как его самого задумают прикончить? К американцам обращаться с этим вопросом было просто глупо — если русские узнают, а с их контрразведкой узнают точно, его, скорее всего, постараются оперативно уничтожить. Гарантией его безопасности могла стать лишь громогласная поддержка Советского Союза и проведение в жизнь марксистского учения, подкрепленные присутствием советских войск. Ведь не станут же, ей-богу, на виду у всего мира марксисты-ленинисты лишать жизни вождя себе подобных? В противном случае престижу СССР на международной арене придет конец. Расчет Хафизуллы Амина был, по его мнению, вполне логичен. Он с удвоенной энергией стал просить советское руководство ввести в Афганистан войска, хотя бы один полк. Что советские солдаты хороши — он уже понял. Его как-никак охранял прибывший недавно в Кабул из СССР «мусульманский батальон» — черноволосые парни, похожие на афганцев. В отличие от Тараки, с войсками Амину не отказали.

В то время для меня это было более чем удивительно и странно, так как одновременно с его просьбами о вводе войск среди афганских офицеров усиленно циркулировали слухи о том, что русские-де пытались отравить Амина, причем аж несколько раз.

Кабул, декабрь 1979 года

В стане советских военных советников царило предпраздничное оживление — близился Новый год, многими впервые встречаемый на чужбине. В городе и в магазинах производились массовые закупки продовольствия, подарков. Скинувшись по 100 афгани, купили Ахмаджану дорогой бритвенный прибор. Батальонные офицеры рыскали по рынкам в поисках сувениров для своих подсоветных. Мы с приятелями занялись украшением нашей квартиры. К тому времени число жильцов в ней поубавилось — некоторые переводчики переехали жить в другой блок. Двоих студентов из нашей группы — Володю Юртаева и Виталия Пономаренко — перебросили из Кабула в Газни и Асадабад. Это было сделано в качестве наказания. Во время подрыва складов в Кабуле они натащили домой бесхозного оружия — пулемет, две винтовки, много патронов, а также немецкие военные каски, и сделали из своей комнаты нечто вроде музея. Какая то сволочь настучала особистам. В квартире был произведен шмон, меня военные контрразведчики тоже долго мучили, так как доброжелатели из числа соседей стуканули им, что я изготавливал из артиллерийского пороха ракеты. Все это было конечно так, ракеты я делал, и сам же запускал, любуясь их дымным шлейфом. Но визг и грохот от начиненной артиллерийским порохом пивной банки, которую мы взорвали рядом с подъездом, привел в дикий ужас афганцев, подумавших, что на них напали. Не мудрено, что за нас серьезно взялись. Но ничего не добившись, особисты потеряли ко мне всякий интерес и удалились, пообещав прищучить меня позже.

На работе также произошли кое-какие перемены: нам прислали нового переводчика — очень важного и «надутого» выпускника ВИИЯ майора Салкина. В отличие от меня, он классно переводил письменные тексты, но зато по телефону афганцы с первых слов узнавали в нем русского. Я же старался возместить свою письменную орфографическую безграмотность совершенствованием устного «второго родного» языка, свойственного поголовному большинству малограмотных афганцев. Здесь я был на высоте. Загвоздкой в наших отношениях стала жена майора Салкина. Дежурить по части стал оставаться преимущественно я, так как Салкина дома ждала жена. В этом ему потворствовали Пясецкий и его зам по политчасти. В моей душе клокотала ненависть, а сам я стал похож на немой укор…

С помощью приданного мне Ахмаджаном (для смелости) его денщика я совершил рейд «в тылы» 15-й ТБР, где средь бела дня,

вскарабкавшись на каменистый утес, срубил штык-ножом маленькую пихту — за неимением елки. Как нас заметили и как мы оттуда драпали, рассказывать не буду. Скажу лишь, что припрятанное на складе вооружений «новогоднее дерево» под покровом ночи мне домой доставил на личной машине один из бригадных офицеров, заодно передав подарок Ахмаджана: я давно просил его о настоящей гвардейской фуражке с халькистской эмблемой. Он пообещал ее для меня достать, и сдержал свое слово. Помимо фуражки в отдельной маленькой коробочке, красиво обернутой упаковочной бумагой, вероятно руками его жены, лежали новенькие гвардейские погоны лейтенанта и латунные гвардейские эмблемы в петлицы. Радости моей не было предела.

Елку-пихту наряжали, как могли, Энвер раздобыл где-то в посольстве пару настоящих елочных игрушек, я захватил с собой из Москвы стеклянные бусы-гирлянды. На стене цветным мелом написали: «С новым, 1980-м».

…Как странно и страшно было увидеть эту надпись на стене, сделанную моей рукой, спустя 9 лет, когда я случайно забрел в свою бывшую квартиру. Как будто и не выезжал отсюда, а просто вышел покурить на улицу…

К нам с другом должны были заглянуть в гости девушки. Решив, прежде всего, поздравить себя родимого и приурочить крупную покупку к такому светлому празднику, я приобрел стереосистему «Панасоник», выполненную в черном металлике, которой, кстати, пользуюсь и по сей день. Хотя она и старая, выбросить ее жалко — сразу вспоминаю Кабул. Ездили в город покупать новые кассеты. По выписке из посольства получили модные диски. В общем, все было на мази. До Нового года оставались считанные дни…

В эти предпраздничные вечера мы подолгу засиживались на кухне и прислушивались к ночному кабульскому небу. Что-то там творилось неладное. Со стороны баграмского аэродрома вот уже несколько дней доносился беспрестанный гул, будто там каждую минуту взлетали и садились самолеты. Откуда нам было знать, что в своих догадках и предположениях мы попали в самую точку. Именно там концентрировались силы советских десантников, готовившиеся к штурму Кабула. Мы, так же как и Амин, ждали прибытия советского полка. В результате прибыла дивизия, 108-я. Но отнюдь не для охраны президента, а для его убийства.

Чуть забегая вперед, скажу: первыми погибшими на этой страшной войне советскими военнослужащими стали среди прочих и женщины. Перегруженный самолет с десантниками и работницами армейского Военторга, доверху забитый

продовольствием, рухнул близ Баграмского аэропорта, задев крылом гору еще за день до штурма дворца Тадж-бек.

27 декабря вечером после работы я отправился к приятелю-азербайджанцу Мамеду Алиеву в «Старый микрорайон», прихватив с собой бутылку «Аиста». У него был классный японский телевизор и радиоприемник (все «в одном флаконе»), который он, по его словам, выменял в городе на бесхозный пистолет. Хотели послушать без посторонних радиоэфир: вот уже несколько часов в нем творилось что-то невообразимое. Работали сразу несколько радиостанций, называющих себя «Радио Кабула». По одной на пушту говорили об очередном заговоре контрреволюции против НДПА и Амина, а по другой — на дари — заглушаемый помехами голос рассказывал, что власть переходит к «здоровым силам партии».

Почему-то запомнилось, что мы в тот момент жарили картошку и горячо спорили как ее солить — побольше или поменьше. Когда вдруг все вокруг загрохотало и на улице стало светло, как днем, мы выбежали на балкон посмотреть, что же происходит. Но мгновенно были вынуждены нырнуть обратно — прямо в нашу сторону полетели трассеры. Пули зацокали по балконным перилам, одна из них выбила окно. Немного в стороне раздались несколько орудийных залпов. «Танки бьют», — про себя отметил я, и тут же в голове вспыхнула мысль: какие такие танки?! Кроме наших, бригадных, в городе их нет. Значит, стреляют наши. Интересно по кому? Наверное, опять какой-то мятеж, будь он неладен. Потом раздались два мощнейших взрыва, потрясших микрорайон. Господи, да это ж Гостелерадио! Там же наши ребята! Опять полезли на балкон, но в тот момент это было уже не так безопасно, как в первый раз. Трассеры расчертили небо во все стороны, пули резали воздух как масло и щелкали, щелкали по балкону, стенам дома. Вдали, над Дар уль-Аманом, казалось, кто-то зажег огромный костер, небо было просто белым. Сыпались стекла, на улице кто-то дико закричал. «Надо бы домой, — подумал я, — наверняка сейчас советники прибегут, потянут на работу».

Но добраться в ту ночь до дома, мне было не суждено. Выбежав из подъезда во двор, я прямехонько угодил в лапы огромного мужика, одетого в темную «Аляску» и вооруженного короткоствольным иностранным автоматом. «Допрыгался», — подумалось мне, и я стал что-то ему горячо объяснять на языке дари — мол, надо на работу бежать — контрреволюция, измена! «Работа отменяется на сегодня, парень, — вдруг тихо и спокойно сказал он на чистом русском языке. — Скажи спасибо, что мама родила тебя белобрысым, а то бы шлепнули тебя ни за что. Вали-

ка обратно, откуда пришел». Он незаметным движением так ухватил меня повыше локтя, что в руке что-то хрустнуло…

К Мамеду я стучался минут десять. Он все не открывал. Потом признался, что здорово испугался, что к нему в квартиру сейчас вломятся и, перепутав с афганцем, убьют. Остаток ночи мы провели у окна, выходящего во двор, наблюдая, как к подъездам подкатывают машины и оттуда кого-то выводят — военных и гражданских. По улице грохотали еще не виданные мной боевые машины десанта без характерных для афганской бронетехники красных кругов на бортах, на их броне сидели вовсе не афганцы. Отовсюду слышалась беспорядочная стрельба…

Часов в пять утра следующего дня удалось пробраться к 4-му блоку — там обитал Главный военный советник. На площадке перед домом что-то усиленно жевала советская десантура, восседая на броне БМД. То и дело приезжали и уезжали УАЗики с мошаверами. Меня до «Нового микрорайона» подбросили советники ВВС. Один из них, выслушав мою невеселую историю, улыбнувшись, сказал: «Не горюй, еще навоюешься». Это был генерал Орлов. Он как в воду глядел…

Подъехав к дому, даже опешил — так все до неузнаваемости изменилось. На кругу, откуда начиналась дорога на Пули-Чархи, ощетинившись стволом в сторону моей работы, стояло вместо цветочной клумбы врытое в землю противотанковое орудие. Жены мошаверов кормили чем-то домашним советских солдат, обутых в совершенно непригодные для здешних условий «кирзачи». По дороге грохотали БМП и БМД, все почему-то с белыми флагами. Царила сумятица. Я открыл дверь квартиры: внутри никого не было. Это еще больше меня раздосадовало — точно теперь влетит по первое число. Покурив, пошел на улицу смотреть, что же там деется. Встретил водителя из нашей бригады — Латифа. Одет он был довольно странно — сверху армейские дриши, а снизу национальные шаровары, «мотня», как я их называл. Довершали нелепую картину галоши на босу ногу. Увидев меня, он очень обрадовался, и пока мы курили, не отходил от меня ни на шаг. «Наши танки подбили у Телевидения из гранатометов. Все ребята погибли», — прошипел он, озираясь по сторонам. Я хотел спросить «Кто?» и осекся, понимая всю глупость своего вопроса. Ясно кто, советские. На душе заскребли кошки. Я грубо матерно выругался по-русски, а потом долго на дари облегчал душу нелестными выражениями в адрес своей Родины и ее руководителей. Сейчас это может показаться странным, но в тот момент и еще долгое время потом я идентифицировал себя как «нашего», то есть как афганца, а не как «советского», то есть как «вторженца». Я даже порадовался в

тот момент, прости меня Господи, когда Латиф рассказал, что перед тем, как охранявший здание Гостелерадио экипаж погиб, он подбил из орудия первую прорвавшуюся со стороны аэропорта БМД-шку с советской десантурой. «А где остальные наши танки?», — спросил я его. «Не знаю, в город они не вышли», — ответил Латиф. Посоветовав водителю скрыться куда-нибудь подальше и поглубже от греха, я побрел домой и там, в полном одиночестве и унынии, стал ждать своей участи, пока не заснул.

Через четыре часа в дверь позвонили. Вошел Пясецкий, излучавший отнюдь не радужные флюиды. Как мне потом рассказали, он подумал, что я испугался во время переворота и решил «уйти в тину». Гнев на милость он сменил только ко времени окончания своей командировки — через полгода после того, как мошавер-зампотех Василий Михайлович Лисов рассказал ему о наших несладких буднях в Джелалабаде. Впрочем, я на него не в обиде, по большому счету, мужик он был хоть и жесткий, но порядочный. Без особых предисловий Пясецкий скомандовал: «На выход». Прихватив «калаш», я вышел на улицу. У подъезда стоял армейский ГАЗ-66 советских связистов. Сел в кабину, поздоровавшись с первым «захватчиком». Где-то через километр, встали головной машиной в колонну армейских грузовиков связистов, и повели их на территорию нашей бригады. Вдоль всего пути по обеим сторонам дороги стояли обложенные мешками с песком самоходные артиллерийские установки. «Хорошо, что наши танки в город не пошли, а то бы было металлолому… — подумалось мне. — И когда только успели. Вот это прыть».

Въехали на территорию бригады. У здания штаба бригады стояли две БМДшки. На площадке прогуливались советские офицеры. Я придавался на время в их распоряжение, чтобы наладить контакты с афганскими офицерами и хоть как-то устроить их быт. Ночевать опять же выходило мне на кровати в комнате советников. Про Новый год пришлось забыть и с головой погрузиться в работу снабженца. Пясецкий уехал домой, а я пошел смотреть, как разбивают армейские палатки и устанавливают на возвышенности антенны.

Побродив минут пятнадцать по грязи, я вернулся в комнату советников, плюхнулся на кровать и стал тупо смотреть в стену, вспоминая Москву и все то, что там оставил. Афганские офицеры отсутствовали, кантин был закрыт, общаться было совершенно не с кем. Ближе к вечеру пришел «оккупант» — прапорщик Сережа — и пригласил меня отпраздновать ввод войск в Афганистан. Сидели в связной машине и пили спирт, пока не настала ночь. Там я и остался ночевать, решив, что так безопаснее. Утром, к

приезду советников, уже сидел в комнате и читал привезенные из Союза нашими военными «Известия». На вопрос Пясецкого, почему вечером не подходил к телефону, ответил, что помогал связистам обустраиваться. Потом я каждый вечер уже по своей инициативе уходил к связистам коротать вечера. Они по приезду первым делом поставили баню и оборудовали внутри огромной палатки бассейн с холодной водой. В этой бане и встретили Новый год. Накануне в Кабуле впервые за много лет выпал снег…

Дома, в микрорайоне я появился лишь третьего января. Ребята ужасно обрадовались, стали рассказывать новости и подробности переворота. Как спецгруппа КГБ закидывала гранатами кабинеты президентского дворца, как пристрелили в затылок полумертвого от отравления «советскими друзьями» Амина и его малолетнего сына, как убили врача Кузнеченкова, на сутки отсрочившего смерть диктатора…

Повторно справили Новый год.

Тем временем, прибывшие из Праги революционеры-латифундисты во главе с Бабраком Кармалем не стали церемониться со своими политическими противниками. Опять начались аресты и расправы. Несколько недель продолжалась вакханалия. «Ревтройки» арестовывали людей, зачитывали им приговор и расстреливали на месте в затылок. Первой жертвой нового революционного режима стали президентские гвардейцы. Некоторые из них, застигнутые врасплох во время переворота, не сумевшие оказать сопротивления и добровольно сдавшиеся, были расстреляны. Командиров воинских частей и подразделений, верных Амину, арестовывали и заполняли ими следственные изоляторы и тюрьмы. Кабульский централ Пули-Чархи простоял пустым совсем недолго. Остатки тех, кого не успел уничтожить Амин, сменились новыми арестантами. Стоявший в правом углу тюремной территории маленький каменный домик с глухим забором, обнесенный колючей проволокой, принял новых постояльцев — жена Нура Мухаммеда Тараки вышла на свободу, а ее место заняла женская часть семьи Амина (мужская была уничтожена). Старшую дочь диктатора, раненную в коленную чашечку во время штурма дворца, прооперировали, а затем тоже засадили в этот домик вместе с грудным ребенком. По слухам, она была там неоднократно изнасилована.

На исходе лета 1980 года, находясь на излечении в военном афганском госпитале «Чарсад бистар» (четыреста коек), я познакомился с одним из членов ЦК НДПА — членом ЦК НДПА Сангаром, который лежал в соседней палате с желтухой и каждый день принимал делегации высокопоставленных «товарищей». По его собственным словам, после свержения Амина он принимал

живейшее участие в репрессиях против «халькистов» в уезде Баграми. Я с ужасом узнал, что там под его личным командованием народ казнили сотнями и, опять же, закатывали в землю с применением землеройных машин и бульдозеров.

Чтобы хоть как-то завоевать популярность у афганцев и обелить свое пребывание у власти, новое афганское руководство через некоторое время распорядилось уменьшить масштабы репрессий. Расстрелы прекратились, в основном происходили аресты. Не избежал его и наш комбриг Ахмаджан. Пясецкий чудом «выдернул» его из числа тех, кто подлежал расстрелу, и дело на первых порах ограничилось домашним арестом. Чтобы его не ликвидировали, мы с одной стороны конспиративно, а с другой — демонстративно — посещали арестанта в его доме в Пули-Чархи. Это возымело тогда свое действие и, по крайней мере, где-то года до 1983 он был точно жив. Вплоть до 1990 года я пытался раздобыть хоть какие-нибудь сведения о его судьбе и судьбе его близких. В 1989 году замначальника 4-го Управления МГБ Афганистана — двухметровый здоровяк, который от греха подальше собирался отбыть в Прагу на дипломатическую службу, сообщил мне, что Ахмаджан был арестован, но данных о расстреле у него не имеется, скорее всего, выпущен на свободу. Впрочем, он мог меня запросто обмануть: для него не составляло труда придушить своими здоровенными ручищами подследственного террориста во время допроса в собственном кабинете. Где уж тут говорить о милосердии.

Кабул, февраль 1980 года

Тем временем грянуло большое событие. Впервые 23 февраля 40-я армия встречала не на родине. В Кабуле были отмечены первые случаи мародерства и грабежи. Дуканщики рассказывали о том, что на окраинах города «шурави» (советские) забирали у них продовольствие и ширпотреб, а затем быстро укатывали на своих «железных конях» в неизвестном направлении. В основном страдали индусы-сикхи, составлявшие большинство торгового сословия афганской столицы. Простой народ начинал понимать, что вместо «кладбищенского» порядка Амина пришел разбой «оккупантов». Хорошее отношение к русским быстро улетучивалось, в афганском обществе стал быстро формироваться образ врага — иностранного захватчика.

Одновременно с этим советские войска численностью до батальона начали вести первые боевые действия. Отрабатывались в основном оперативные данные, полученные от афганской стороны, причем не всегда достоверные. В ходе рейдов и вооруженных столкновений, от которых душманы в первое время уклонялись, гибли в основном мирные жители. Афганское духовенство призвало граждан страны оказывать вооруженное сопротивление захватчикам. В Кабуле появились первые листовки, призывающие к свержению просоветского режима. В городах Гардез и Хост вспыхнули военные мятежи в 12-й и 25-й пехотных дивизиях. Солдаты и офицеры отказывались стрелять в мусульман, в массовом порядке дезертировали. Совсем неспокойно стало на трассе Кабул-Джелалабад, которую контрреволюционеры начали усиленно минировать. Грузовые автомобили уже не могли по одиночке ехать по дороге — это стало смертельно опасно — и стали сбиваться в колонны и двигаться по трассе под защитой военной техники. Стремительно меняющаяся в провинциях общеполитическая обстановка отозвалась и в центре. В феврале мощное трехдневное восстание вспыхнуло в Кабуле. Впоследствии некоторые арестованные зачинщики выступлений на допросах с пристрастием признавались, что оно специально было приурочено к Дню Советской армии, а «за их спиной» стояли некоторые сотрудники посольства США, снабдившие организаторов манифестаций крупными суммами денег.

Танки и БМП 4-й танковой бригады по приказу Ватанджара выдвинулись в город на разгон манифестантов. В первый день были только демонстрации с антисоветскими лозунгами. На следующий день город заполнили сотни тысяч разъяренных

людей. Все улицы и переулки были просто запружены народом. Летели камни, затем начали стрелять. Особенно жарко было на тесной улочке, которая связывала площадь Пуштунистана с районом, ведущим к проспекту Майванд. Там подожгли несколько машин и ранили несколько наших (афганских) солдат. Из четырехэтажного дома на перекрестке этих улиц кто-то вел прицельный огонь по солдатам. Танк из состава 2-го батальона одним осколочным снарядом, попавшим в первый этаж, превратил здание в груду камней и глины. Оттуда неслись крики и стоны — в доме находились десятки живых людей, которым требовалась срочная медицинская помощь. Но ни о какой помощи не могло быть и речи — машины не могли никуда проехать, всюду были толпы народа. БМП на полном ходу врезались в обезумевшую толпу, и, не снижая скорости, месили гусеницами тех, кто не успел отскочить. Общий кошмар сложившейся ситуации усугубляли пролетавшие над головами истребители, бравшие звуковой барьер прямо над местом разыгравшейся трагедии. Из вертолетов, зависших над Майвандом, велся автоматный огонь по толпе на поражение. Восстание подавлялось «на полную катушку», были убиты сотни человек, тысячи получили ранения и увечья.

У советского военного командования хватило ума не ввязываться в эту драку. Был лишь отдан приказ — блокировать совместно с афганскими войсками все подступы к Кабулу и не пропускать народ в обе стороны. На следующее утро восстание продолжилось, но носило уже не столь ожесточенный характер. Повсеместно люди стягивались к центру города на митинги, и все несли и несли гробы и обтянутые белой тканью носилки с убитыми. Я сидел на броне в афганской военной форме, сшитой из материи, похожей на верблюжье одеяло, и наблюдал за этой безрадостной картиной, а люди плевали в мою сторону и посылали проклятья, впрочем, не предпринимая больше никаких агрессивных действий. Так из русского «биядара» (брата) я превратился в «шурави» со всеми вытекающими отсюда последствиями. С того момента и на протяжении долгих лет я больше никогда не чувствовал себя в Кабуле в полной безопасности. Нерушимая афгано-советская дружба в те памятные дни дала серьезную трещину.

Весной 1980 года советские войска полностью освоились в Афганистане. Нашим солдатам поначалу пришлось несладко — жили в землянках и палатках, питались бог знает чем. Военная амуниция явно не соответствовала афганским условиям — тяжелые сапоги не позволяли лазить по горам, а советская форма (кроме десантной) делала солдат отличной мишенью для

афганских горных стрелков, которые из кремневых ружей времен афгано-британской войны могли за пару километров легко «снять» цель.

Военные стихийно меняли сапоги на кроссовки, дабы обрести себе подвижность в бою. Чтобы хоть как-то обустроить свой быт, солдаты за неимением ничего другого стали приторговывать патронами. Зеленый базар в центре Кабула усилиями прапорщиков наполнился армейским добром. Парадоксально, но именно на тот период времени пришлось формирование нового класса афганских торговцев-дуканщиков, впоследствии сколотивших на оккупации большие капиталы. Торговля заметно оживилась. Из стран Юго-Восточной Азии в Афганистан хлынул поток ширпотреба и бытовой техники. Через некоторое время почти каждый отбывающий на родину офицер и прапорщик стремился привести домой магнитофон «Трайдент» или «Шарп»». Солдаты могли лишь мечтать о приобретении «джентльменского набора», состоявшего из кейса-«дипломата», в котором лежали бы джинсы, батник, солнцезащитные очки и платок для матери. На рынке появились отменная армейская тушенка, рыбные консервы, советские сигареты, печенье, греческий сок в 100-граммовых баночках. Наш рацион заметно разнообразился, чего, к сожалению, нельзя было сказать о солдатах 40-й армии. Еда для рядового состава в частях и подразделениях, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Грошей, которые им выплачивались в виде денежного довольствия, для борьбы с авитаминозом явно не хватало. По мере возможности мы старались им помочь — в расквартированный на территории бригады полк привозили свежие овощи и огромные, похожие на авиабомбы арбузы. Но это была капля в море.

Рынок до предела наводнился советскими дензнаками и чеками «Внешпосылторга». Наверное, впервые в советской истории они стали реально конвертируемой валютой, котировавшейся наравне с долларом, маркой и фунтом. Впоследствии советское руководство попытается остановить этот процесс вводом в обращение особых внешпосылторговских чеков с типографской надпечаткой «Специальный. Для военной торговли», однако и это не даст видимых результатов.

Все происходившее убеждало в том, что решение о вводе войск в Афганистан было принято скоропалительно, в последний момент. Никто всерьез не подумал о том, что советский солдат будет на чужбине есть и пить, в чем воевать и на чем спать. Импортные сильнодействующие препараты против косивших солдат амебной дизентерии, брюшного тифа и гепатита в армии в то время отсутствовали. Мы покупали по просьбам армейцев эти

лекарства на рынке — благо безвозмездная помощь ООН распродавалась повсеместно. Все это ставило советских солдат и афганских боевиков в неравные условия. К тому же испепеляющая летняя жара днем и пронизывающий ночной холод на высокогорьях были привычны для воинственных афганцев, но не для наших, видевших войну лишь в кино подростков, которым сунули в руки автомат и насильно погнали воевать. Можно лишь преклонить голову перед героизмом советских мальчишек, которые в этих нечеловеческих условиях били противника почти повсеместно и в плен по своей воле не сдавались.

Москва старалась сбить шок международного общественного мнения от ввода «ограниченного» (лишь финансовыми возможностями СССР) контингента войск публикациями в местной и советской прессе о мифической посадке садов и восстановлении народного хозяйства солдатами 40-й армии. На самом деле происходило прямо противоположное. Уже через полгода-год после ввода войск начались жесткие «контактные» боестолкновения. Уничтожались целые кишлаки, а афганцы спиливали реликтовые деревья на дрова. В Союз потянулись сотни цинковых гробов, в афганских деревнях, как грибы, росли кладбища.

Джелалабад (Восточная провинция Нангархар), лето 1980 года

После первых месяцев эйфории от прихода к власти новое афганское руководство приступило к тактическим перестановкам в рядах Вооруженных сил. «Неблагонадежные» части расформировывались, отдельные их подразделения придавались местным гарнизонам в провинциях. Кабул вычищался от тех, кто посмел в свое время поддержать приход к власти Хафизуллы Амина. Не избежала этой участи и 4-я танковая бригада — оплот «халькистов» и постоянная реальная угроза режиму. Ее стали потихоньку расформировывать, усиливая танковыми батальонами полки «коммандос». Часть танков были переброшены в провинцию Газни. Часть — в административный центр провинции Нангархар — город Джелалабад. Уже через несколько недель после этих «перебросок» пришлось вылететь в командировку в этот негостеприимный город.

Техника, двигавшаяся своим ходом из Кабула к пакистанской границе, была основательно потрепана в дороге как душманами, так и нерадивыми водителями, запоровшими двигатели у нескольких боевых машин. В уезде Сорхруд на самых подступах к Джелалабаду во время марша на мине подорвался и упал в горную реку танк. Экипажу спасти не удалось, так как люки были задраены. Нам с советником по техническому обеспечению и обслуживанию Василием Михайловичем Лисовым и афганским зампотехом Абдуллой предстояло вылететь на место событий и разобраться в сложившейся обстановке.

В кабульском аэропорту торчали несколько дней — из-за непогоды бортов на Джелалабад не было. Можно было вылететь лишь на старинном 5-местном «кукурузнике» с четырьмя крыльями. К подобного рода экзотике мы отнеслись с прохладцей — и мне и советнику через пару месяцев выходил дембель — и все-таки дождались афганского МИ-6. Вертолет, правда, тоже не глянулся. Снаружи он был весь какой-то обшарпанный, да и внутри, по всей видимости, недавно перевозили скот. Кстати, перевозка мелкого и крупного рогатого скота военными самолетами и вертолетами в Афганистане была вещью обычной. Впоследствии мне неоднократно приходилось летать из Кандагара и Герата в окружении блеющих и гадящих от страха овец.

Недоброе случилось уже через 20 минут после взлета. Из-за тряски поползли ящики с боеприпасами, под натиском которых

лопнул один из двух железных обручей, державших 200-литровую бочку — самодельный резервный бак с топливом. Он стал угрожающе отъезжать от левого борта в нашу сторону, и мы, не сговариваясь, вместе с борттехником вчетвером уперлись ногами в резервуар. Так и летели приблизительно еще 1 час 20 минут, моля бога о благополучной посадке. Бог был милостив.

На аэродроме, окруженном сеткой-рабицей, натянутой на пронумерованные асбоцементные столбы и разделенном масксетью на две половины — афганскую и советскую — нас уже ждал УАЗ с офицерами бригады. После традиционных «брежневских» поцелуев и многократных заклинаний «четур асти, хуб асти?» (как Вы? Все ли хорошо?) мы рухнули на заднее сиденье авто и тронулись в путь. Кстати, о «четур асти, хуб асти». Если таким образом поинтересоваться о делах иранца, он примет спрашивающего за врача. Наши переводчики придумали замечательный ответ на это приветствие. — «От вертолета лоп асти, в Кабул попал по дур ости».

Джелалабад встретил нас адским зноем. Дня за четыре мы сбросили килограммов по десять — жидкость выпаривалась из организма вместе с потом. У меня от беготни по раскаленным камням расплавились подошвы отечественных вельветовых туфель за 11 рублей, а с ушей, поволдырившись, сошла кожа. Стопроцентная влажность не позволяла высушить постиранную одежду. Утром приходилось надевать все влажное, но зато прохладное. Единственным спасением от жары стала мокрая простыня, в которую можно было обернуться и сесть под вентилятор. Но электричество подавалось всего на 1 час вечером, и к вентиляторному часу мы готовились заранее, окружая себя баррикадами из никелированных чайников и лимонов. Поначалу мы, как и наши афганские коллеги, поселились в бывшей шахской летней резиденции — крепости, превращенной революционерами в казарму. Условия для жизни там были мрачные. В саду, где росли сотни видов реликтовых деревьев с цветами вместо листьев, было нагажено, и зловоние человеческих испражнений забивало цветочные ароматы. Мы перебрались в военную гостиницу. Гостиница — это, конечно, громко сказано. Наверное, еще пару лет назад название и соответствовало содержанию, но к нашему приезду строение представляло собой двухэтажное здание без стекол, с не запирающимися дверями и окнами — все металлическое, включая замки и шпингалеты, было растащено местным населением.

Помыкавшись там с неделю, переехали к одному из военных советников в Самархель — городок, где раньше обитали советские специалисты в области ирригации, построившие

афганцам фермы по выращиванию оливок. Там был просто рай земной: кругом зелень и прохлада. Вытяни руку из окна и рви, что хочешь — лимоны, апельсины, наренджи и грейпы. Советник пехотной дивизии, слегка ошалев от одиночества, иногда «подзабывал», зачем он здесь находится, и занимался тем, что отстреливал из пулемета душманов, свив себе «гнездо» из матрасов в одном из военных вертолетов (советская вертолетная эскадрилья дислоцировалась на джелалабадском аэродроме). Наши летчики, которым тоже иногда бывало скучно, с удовольствием брали его с собой на отработку разведданных. Одним словом, провинция…

Лисов часто ездил на аэродромную башню связываться с Кабулом — докладывал, как продвигаются ремонтные работы, а я от нечего делать ловил рыбу в одном из бывших «захир-шахских» водоемов и кормил ею оголодавших танкистов. Специфика приготовления ухи заключалась в том, что рыбу нужно было доставлять в батальон почти бегом, чтобы она не протухла от жары. Ловились плотва и красноперка. Прекратил я рыбную ловлю, когда однажды на крючке повисла огромных размеров змея. Здорово испугавшись, я побросал снасти в озеро и больше туда не ходил. Впоследствии получил нагоняй от советника — в зарослях «зеленки» вполне могли сидеть душманы. По его словам, то, что меня еще не взяли в плен, наверное, произошло из-за того, что моджахеды впервые наблюдали за тем, как иностранец ловит с мостков рыбу на удочку, бросив автомат на берегу.

Из Кабула требовали срочно достать из реки упавший туда танк, снять с него пулемет ДШК и вытащить снаряды. Безумство этого приказа можно оценить лишь по прошествии лет. Видимо, в центре наивно полагали, что контрреволюционеры полезут под воду в танк, и будут извлекать оттуда боеприпасы для изготовления фугасов, а из пулемета стрелять по вертолетам. Увы. Уже в то время у душманов уже были новейшие мины итальянского производства и крупнокалиберные пулеметы, которые доставляли в Афганистан караваны из Пакистана. Границы были совершенно открыты — вернее, их не было вообще. Окрестности Джелалабада контролировались формированиями Исламской партии Афганистана (ИПА) Гульбеддина Хекматира, отколовшимися от этой организации отрядами одноименного движения под предводительством местного авторитета Юнуса Халеса, а также отморозками из «Движения исламской революции Афганистана» (ДИРА) Наби Мохаммади, которых даже сам Гульбеддин за их жестокость называл «осквернителями ислама». Ночью вертушки не летали, и караваны преспокойно проходили через зону свободных племен, которые хорошо оплачивались из-

за рубежа.

Но, как известно, приказы не обсуждаются, и пришлось ехать. С нами в дорогу собрались прилетевшие из Кабула родственники двух офицеров, погибших в танке, и два «водолаза» из числа местных жителей. Внешний вид «водолазов» привел меня в некоторое замешательство — худосочный старик и мальчик лет десяти были одеты в лохмотья, а их экипировка состояла лишь из длинной веревки. Два дня собирали колонну. Во главе конвоя шли два танка, за ними три БМП, танковый тягач с платформой. За тягачом — наша БРДМ. Замыкали ее три ЗИЛ-131 а с афганской пехотой. Колонна по афганским меркам вышла устрашающая, поэтому мы без особых опасений раненько утром двинулись в путь. Военный советник афганской пехотной дивизии также поехал с нами, чему я впоследствии был очень рад.

По дороге Джелалабад-Кабул двигались спокойно где-то минут сорок. Слева — отвесные скалы, справа — крутой откос и горная река. Сама дорога метров пятнадцать в ширину. Я сразу про себя отметил — если что-нибудь случится, то придется, по всей видимости, двигаться задним ходом — места для разворота не было. Успокаивал лишь огромных размеров пулемет КПВТ, за турелью которого сидел афганский сержант. Связь в тот день работала отменно — Абдулла постарался и накануне лично проверил все шлемофоны. Минут через пятнадцать началось. Раздался взрыв, и столб черного дыма окутал головной танк.

«Мина», — я отметил про себя, что никакого страха не испытываю. Происходящее напоминало кадры из фильма «Освобождение» — и не больше. Колонна по инерции двигалась еще несколько десятков метров, пока боевые машины ни сбились «в стаю». Лисов отдал приказ двигаться задним ходом, чтобы растянуть конвой. Тут раздался второй взрыв. БРДМ тряхнуло так, что все снаряжение коробки с патронами, откуда-то взявшийся полевой телефон, автоматы и разная прочая дребедень сорвались с креплений и разлетелись по всему салону. Танки из БМП открыли беспорядочный огонь во всех направлениях. Со стороны, наверное, могло показаться, что нас атакуют отовсюду, но из открытого люка «духов» видно не было. Позади нас лежал завалившийся на бок ЗИЛ. Противотанковой миной у него оторвало переднее колесо, которое как снаряд и ударило по нашей машине. Водитель был ранен в ноги и контужен. Два солдата были убиты, два получили ранения, остальные залегли вокруг поверженного грузовика и стреляли в белый свет как в копейку. Невообразимый грохот стоял минут пятнадцать, пока я не доорался через шлемофон до танкистов, и те не прекратили огонь. С противоположного берега реки поднимался дымок —

оттуда по колонне несколько раз шарахнули из гранатометов, но не попали. Стрелять из пушек по зеленке не было никакой необходимости — «духи» уже растворились.

До сумерек сумели поменять траки на подорванном танке. Пришлось двигаться вперед еще с километр — там дорога немного расширялась, и можно было развернуться. Ночью въехали в Джелалабад и передохнули минут двадцать. Потом на БРДМе отправились в Самархель. По пути нас несколько раз останавливал патруль из советских воинов. Они стояли по одному через каждые 500 метров, вооруженные лишь автоматом, а вокруг — заросли «зеленки» и ни души. В общем, подарок для «духов». Услышав родную речь, солдаты заметно приободрялись, Мы на свой страх и риск стали собирать их и сажать на броню, к ночи всех доставили в их часть.

Совсем поздно ночью приехали в Самархель, а оттуда вновь поехали в гостиницу афганских летчиков, где пили гидролизный спирт, подаренный советнику пехотной дивизии нашими вертолетчиками. Я чувствовал себя хорошо, но очень устал. Поэтому не заметил стекла, вставленного накануне в дверь гостиной комнаты. Я вышел через дверь, даже не порезавшись. Это было единственное стекло во всем здании.

Утром, попив чаю с лимонами, сорванными прямо из окна, стали обдумывать план следующего марша. Через четверо суток все было готово. На этот раз нас должны были прикрывать сверху вертолеты, предварительно «поработав» по целям с раннего утра. Предполагалось, что к месту «работы» мы должны были прибыть к 12 часам дня, а вертушки раз в два часа долетать до нас, и в случае необходимости подавлять огневые точки духов.

Все повторилось снова, правда, на этот раз мы успели добраться до места, где затонул танк. На мине подорвалась БМП — слава богу, обошлось без потерь. Нас удивило, что боевые машины следовали точно по следам, проложенным головной машиной, а БМП все-таки «схватила» мину. Потом оказалось, что рвемся мы на компрессионных «итальянках». Миноискателем ее обнаружить невозможно — корпус пластиковый. Она срабатывает при замыкании контактов, которое происходит постепенно, а не сразу. Целая колонна автомобилей может проследовать по заминированной дороге, и лишь последняя машина, замкнувшая контакт, взлетает на воздух. Тогда мы этого еще не знали. За неимением саперов, послали обследовать обрывистый спуск афганскую пехоту — никто не подорвался, и решено было приступить к работе.

Афганский старик «водолаз» прикрепил себе на шею тяжелый камень и обвязал торс веревкой. В правой руке у него был трос с

карабином, который он был должен зацепить за танковый крюк. При виде «водолаза» родственники погибших танкистов заплакали, а меня почему-то стал душить невесть откуда взявшийся хохот. Худшие предположения оправдались, и через пятнадцать минут мы дружно откачивали захлебнувшегося в стремнине «водолаза». Он долго поводил глазами, не соображая, на каком свете находится. Окончательно он пришел в себя лишь когда мы его напоили чаем и заплатили 100 афгани за риск. Он остался очень доволен. В реку полезли мы с Абдуллой. Меня и зампотеха страховали двумя тросами, каждый из которых держали четыре человека. С горем пополам карабин удалось за что-то зацепить, и мы стали разворачивать тягач. Выходило так, что ни при каком исходе танк вытянуть на платформу тягача было невозможно — слишком узка была дорога, но все же решили тянуть, чтобы достать из танка погибший экипаж и передать тела родственникам. Трос рвался раз десять. Мы с Лисовым посчитали на бумажке, что для подъема потребуется аж 8 блоков, через которые продевается трос, а в наличии было только 5. Все же, презрев законы физики, мы вытащили злополучную машину на откос. Когда вода через открытые люки слилась, внутрь танка полезли добровольцы. Их рапорт был неутешителен: от воды трупы разбухли так, что вытащить их не представлялось возможным. Достали нож, стали прокалывать тела, чтобы выпустить из них воду. К сумеркам удалось извлечь лишь механика-водителя и снять ДШК. Вернулись домой. Через неделю вновь отправились пытать счастье в район падения танка.

Вероятно, «духи» следили за манипуляциями по извлечению танка и заминировали всю округу. Но и мы были не лыком шиты — впереди уже шел танк с минным тралом, похожим на каток для укладки асфальта. Правда, после трех-четырех мин водитель окончательно оглох от разрывов, и пришлось сажать на его место батальонных офицеров. На излучине дороги, еще за километр до вытащенного танка, в этот день нас зажали серьезно. Стреляли сверху слева — с горы, и из зарослей на правом берегу реки. Местонахождение их позиций выдавали лишь дымки от выстрелов. Колонна вела ответный огонь на подавление из пулеметов и орудий. Нога нашего стрелка просто влипла в педаль турели КПВТ. Мы стреляли сначала через бойницы из автоматов, затем, поняв, что нас сейчас сожгут, выскочили из брони и залегли у колес. Духи продолжали нас долбить.

Ситуацию спасли вертолеты — слава советнику-стрелку! Раздалось характерное «хрюканье» — полетели НУРСы (неуправляемые реактивные снаряды) и когда пыль опустилась, на месте «зеленки» на островке остались лишь обгорелые пни да

воронки. Пехота полезла вверх на гору, а мы силами двух БМП, которые стояли почти в хвосте конвоя, столкнув в реку грузовик и филигранно развернувшись на одном месте, пошли назад в сторону Джелалабада, чтобы обогнуть злополучное место с тыла. Маневр удался. Правда, через полтора часа, когда мы ворвались в забытый богом кишлак, состоявший из пяти-шести дувалов, там уже хозяйничали афганские солдаты, реквизировавшие у местного населения продовольствие. Перечить мы им не стали — злоба на «духов» еще не утихла. Хотелось все разбить и всех уничтожить. Правда, сдержали себя, и пошли искать воду — жара была невыносимая. Нашли какой-то арычок. Откуда там, на горе взялась вода, я в тот момент не подумал. Она воняла тухлятиной, но решили, что это все же лучше, чем пить из реки — сразу вспоминались трупы танкистов. Хотя из реки я тоже до этого попил, чтобы не изжариться на солнце. Зараза в воде была везде.

Вечером следующего дня в Самархеле меня бил озноб, лоб горел. Начались рвота и понос, которые не проходили несколько дней. Лисов в итоге, отвергнув мои просьбы остаться, погрузил меня в вертушку и отправил в Кабул. На джелалабадском аэродроме при построении перед отлетом я блевал и меня запустили раньше времени внутрь, где я лег на скамейку. Из кабульского аэропорта в город пошел пешком — я никому был не нужен. От жары и температуры, почти терял сознание, автомат волочил за собой будто собаку на веревке. Ехавшие из аэропорта незнакомые советники, заметив меня, уже сидевшим на обочине дороги, притормозили и доставили домой. Я открыл дверь квартиры и рухнул на койку. Организм не принимал ничего — и еда и вода выходили через несколько секунд через все отверстия, которые имеются в человеческом теле. Дома никого не было — как назло все уехали по командировкам. В таком состоянии через пару дней меня и застала дома знакомая медсестра Галя Живова, сама одела в теплую куртку (на дворе стоял июнь) помогла доковылять до «таблетки» — медицинского УАЗика-«батона», которая отвезла меня в афганский госпиталь. Под капельницами я пролежал около трех недель, попутно принимая внутрь швейцарские лекарства — медицинскую «гуманитарную помощь» ООН. С тех пор я очень сильно зауважал международное сообщество — если бы не оно, то неизвестно чем бы все это кончилось. Знаю точно, что в то время таких лекарств в советских медсанбатах не было, да, наверное, и мест свободных — из провинций пошел вал раненых и больных, так что некоторых пациентов клали в афганские госпитали.

Мой сосед по койке — борттехник вертолета Сережа с ранениями в обе ноги — ковыляя на костылях по палате, старался

меня развлечь, как мог. Его сюда доставили из Джелалабада неделей раньше — в раны попала инфекция, и наш медсоветник по инфекционным болезням опасался худшего сценария развития болезни. Однако мы были молоды и сильны духом — болезни потихоньку отступали. Узнав, что через четыре недели у меня выходит «дембель», врач от чистого сердца предложил мне остаться полежать в больнице — от греха подальше. Человек он был очень сердечный, до Афганистана работал в Центральном военном госпитале в Москве. Говорят, что за полтора года, проведенных в Афгане, он от ужасов войны спился, и его отправили на родину.

После завтрака мы с Серегой обычно выползали в больничный сад — погреться на солнышке и посмотреть на обитателей больницы. Мы были единственными в то время пациентами-иностранцами, и пользовались заслуженным вниманием афганских медсестер. За нами ухаживали две афганские медсестры — красивая Джамиля и похожая на балерину Нагиля. Правда, у последней лицо было немного попорчено оспинками. Выписали меня после того, как мы устроили в палате инсценировку нашей «безвременной кончины». Включив бактерицидную лампу, изливавшую на все окружающее сине-зеленый свет, мы завернулись в простыни и легли в койки, взяв в руки зажженные свечи. От лампового излучения лица наши приняли мертвенно-бледный оттенок. Позвонили в звонок экстренного вызова медперсонала. Что там творилось — словами передать невозможно. Медсестра с криками «шурави умерли!» неслась по больничным коридорам в реанимацию. Вбежавший солдат-охранник сделал свои выводы: заорал, что «русские сошли с ума».

В общем, через три дня я поступил в распоряжение добродушных военных советников-одесситов саперного полка, располагавшегося на полпути от Кабула к Баграму. Они не особо загружали меня работой вплоть до самого отъезда на родину. А его отложили на полтора месяца — в Москве начиналась Олипмиада-80, и ЦК КПСС принял решение отсрочить возвращение на родину «афганцев» во избежание их контактов с иностранцами. По мнению ЦК, как мне объяснили потом военные, мы могли «проявить политическую близорукость и донести до иностранцев версии афганских событий в искаженном свете». Но я ЦК благодарен. Хотя бы за то, что, будучи «нежелательным свидетелем», был оставлен родной партией в живых.

Ровно через месяц сменивший меня на боевом посту в бригаде переводчик, кстати, тоже Сергей, получит ранения,

спасая потерявшую управление машину (водителя снял снайпер) от падения в пропасть на дороге Кабул-Джелалабад. Три наших советника, ехавших в УАЗике из Кабула в район Саруби, погибнут, а один после ранения в голову на всю жизнь потеряет зрение.

За неделю до отъезда советники, будь они неладны, подсуропили мне поездку в Хост — надо было доставить туда мошаверскую жену с чемоданами. Когда летели, я спросил летчиков — когда назад? Ответили, что только через четыре часа.

Шлепнулись на красноватый грунт посадочной полосы. Странно, но нас никто не встречал, как было обещано. На территории всего аэродрома я обнаружил только две афганские «хаймы» (палатки), где афганцы прятались от жары и, якобы, что-то охраняли. Ни советников, ни армейцев не было. Присели с барышней на чемоданы, закурили. Так прошло полчаса, никто не приезжал. Я ей предложил вернуться в Кабул, если не встретят, она — ни в какую. Я ей и про дембель рассказал, и про то, что самолеты сюда не так часто летают, и что вообще — мне в Кабул по делу. Но она была очень упрямой. Говорит, мол, — ждать будем до победного конца. Вот так сидели и ждали. Дождались, да не ее супруга — подлетели армейцы на трех БТРах, забрали у летчиков почту и подогнали к борту грузовик — перегружать боеприпасы. Я подошел к ним со своей «бедой». Лейтенант согласился нас отвести до городка мушаверов. У барышни той все сложилось нормально, а я в результате бежал по рулежке к борту, который собрался улетать без меня. Так быстро я в жизни не бегал, и впервые в Афганистане, помнится, здорово перетрусил. Аэродром пустой — наши меня выкинули на подъезде и тут же назад. Вот ситуация — время часов шестнадцать, самолет улетает, а до города пилить пешком — к утру не дойду. Притормозили летчики, обматерили, но не бросили одного на красном песке. А 12-го августа 1980 года мы «штурмовали» в кабульском аэропорту гражданский борт — Ту-154-М, который должен был отвезти нас на родину. Это был первый массовый «дембель» военных переводчиков, многим из которых довелось не только отдыхать на этой войне. У всех был огромный перевес — везли «колониальные» товары на голодную социалистическую родину. Работники афганской авиакомпании «Ариана» заартачились, и не хотели пропускать через границу лишний вес, вызвав себе на подмогу вооруженных солдат-афганцев. Завязалась массовая потасовка, в которой с обеих сторон приняли участи около тридцати человек. Исход побоища был предсказуем — поверженные на землю и разоруженные солдаты не сопротивлялись. Бесчисленные чемоданы и коробки были

погружены на борт.

Советские барышни-стюардессы поначалу пытались унять праздновавшую «дембель» толпу, но уже после Ташкента, где все затарились пивом, они поняли, что лучше скрыться где-нибудь в укромном уголке самолета, отдав нам на разграбление все запасы спиртного, которые были на борту. В Москву мы прилетели в три часа ночи.

В «Шереметьево-2» встречавшая меня мама плакала, говорила, что я стал похож на скелет. Действительно, весил я тогда 46 килограммов.

Разве мог я в то время предположить, что отдам Афганистану еще семь лет своей жизни, и буду провожать из Кабула на родину последний советский БТР, возьму на память с кабульской пересылки табличку с меню последнего солдатского обеда? Бог распорядился именно так, возможно именно поэтому день моего рождения приходится аккурат на 7 число афганского месяца Саур — день Апрельской революции в Афганистане. Да причем здесь я. Шестеро наших студентов так и не вернулись домой из-за речки живыми. Первый из них — Игорь Адамов, служащий Советской Армии, переводчик афганского полка «коммандос», геройски погиб в бою с душманами в «зеленке» под Баграмом в 1981-м. Последнего — Владимира Соловьева, офицера КГБ СССР, раздавил афганский танк уже в 1990-м. Всего за годы войны в Афганистане более 50 выпускников и студентов одного из престижнейших вузов Советского Союза — Института стран Азии и Африки при МГУ воевали и работали в Афганистане. 12 из них награждены боевыми орденами СССР. Советскими и афганскими медалями — практически все. Такая она была, наша война в Афганистане.

Кабул, февраль 1989 года

Накануне Дня Советской Армии утром ко мне на виллу заехал корреспондент радио и телевидения Владимир Фадеев, попросив меня договориться о встрече с Наджибуллой. Я и сам намеревался проведать президента, чтобы его устами поздравить наших военных с праздником, а также пронюхать о контактах госвласти с представителями моджахедов и племенными формированиями. После провозглашения политики национального примирения, и особенно начиная с 1988 года, советские СМИ крайне неохотно размещали материалы о боевой работе наших военнослужащих. Акцент делался на политическую составляющую этой войны — Женевские переговоры, успехи политики национального примирения, развитие и становление афганских вооруженных сил, жизнь афганского общества. В то же время после ухода советских войск сам доктор Наджиб оказался в тени, в своего рода информационной изоляции. Военные и политики так увлеклись решением афганской проблемы в кабинетах, что практически забыли про главу государства, который независимо от их воли по-своему правил страной, работая почти круглосуточно в здании Минобороны. Я набрал номер канцелярии президента, представился и изложил свою просьбу на языке дари адъютанту о намерении взять у Наджиба интервью, и был немало удивлен, когда на том конце провода на чистом русском языке мне ответили: «Хорошо, Ваша просьба будет передана президенту сейчас же. Вам перезвонят в течение часа» А когда я хотел дать номер своего телефона, тот же голос уверенно произнес: «Не трудитесь ничего объяснять, мы Вас прекрасно знаем, номер вашего телефона тоже». Через двадцать минут раздался звонок, и тот же бесцветный голос произнес: «Доктор Наджиб ждет вас послезавтра к 11.00 в бывшем штабе 40-й армии, дорогу Вы знаете». Я оценил такую оперативность по достоинству. Она свидетельствовала лишь об одном — Наджибу есть, что сказать, и он хочет напомнить о себе в прессе и по телевидению. С другой стороны зазор в один день свидетельствовал о его выдержке и самообладании, подчеркивал дистанцию между нами и руководителем государства.

В назначенное время мы явились к президенту во дворец на моей зеленой «Ниве». Странно было видеть на первом КПП заменивших советских солдат афганцев. Впрочем, в и в 80-м мне также странно было видеть на месте афганцев наших военных. Но время идет, все изменяется.

В «предбаннике» нас встретил щеголеватый майор,

предложил присесть в роскошные кресла, сказав, что Наджиб освободиться через 15 минут, а сейчас он работает с документами. Через 10 минут нас пригласили в кабинет к Наджибу. Президент был одет в застегнутый на все пуговицы военный френч, по покрою отдаленно напоминавший униформу Мао Цзе Дуна. Говорил он почти шепотом. Привычка говорить в пол-голоса появилась у Наджибуллы после его тесного общения с министром иностранных дел СССР Эдуардрм Шеварднадзе, который в последнее время вместе с Крючковым зачастил в Кабул. Как и Шеварднадзе, Наджибула полагал, что, разговаривая шепотом, он заставляет присутствующих внимательней прислушиваться к его словам. И это было так.

Первым стал задавать свои вопросы Фадеев. Оператор Вадим Андреев, расположившийся за нашими спинами с кинокамерой, снимал беседу. Ответив на несколько дежурных вопросов, Наджибулла сам предложил нам чаю. Мы не отказались, беседа приняла менее формальный характер. Я посчитал, что настал самый удобный момент для того, чтобы поздравить советских солдат устами президента. Это оказалось непросто. Сначала он профессионально, как чекист, уходил от ответов о боевой работе 40-й армии в Афганистане, говоря лишь общие слова о положительной роли военной помощи СССР Афганистану. Однако загнанный в угол моими наглыми вопросами, все-таки сказал: «Лично я высоко ценю то, что делали в Афганистане советские солдаты. Они отдавали свои жизни за чужую страну, чужой народ. Погибшим — вечная память. Живым — вечная благодарность и слава». Я в полной мере оценил смелость слов афганского руководителя, который еще несколько дней назад выступил с обращением к афганскому народу, моджахедам с призывом прекратить братоубийственную войну. В том обращении президент сказал тогда, что борцам за веру — моджахедам, которые также являются неотъемлемой частью афганского народа и чей жизненный выбор он даже как политический и военный противник уважает, не с кем больше воевать. «Если вы воевали против иностранной оккупации, то воевать больше не с кем. Иностранные войска ушли, и никто больше не угрожает исламу. Вы должны по достоинству оценить этот шаг афганского руководства, которое пошло на это, исходя из желания осуществить на деле чаяния афганского народа, восстановить мир и спокойствие на многострадальной афганской земле», — сказал тогда президент, выступая по афганскому телевидению. Сейчас он отдавал дань памяти подвигу советских солдат, практически подставляя себя под огонь критики противников режима. Наверное, это далось ему нелегко. Впрочем,

президентом никогда быть нелегко, особенно в Афганистане.

Через три года замученного пытками доктора Наджиба повесят на площади перед гостиницей «Ариана» озверевшие подонки из организации «Талибан».

Кабул, февраль 1989 года

Две недели, прошедшие после вывода Ограниченного контингента советских войск, были очень спокойными. Казалось, душманы вняли призыву президента и провозглашенному им месячнику прекращения огня. Ракетных обстрелов не было, жизнь катилась своим чередом. Проводив на Родину сослуживцев, мы переехали вновь на дальнюю виллу, замыкающую улицу «Ж» района Картэйе-Сех, в трехстах метрах от посольства. Нашему нафару (слуге) хазарейцу Яхье, который каждый день после работы был вынужден возвращаться домой к семье куда-то высоко на одну из гор, опоясывающих Кабул, я выделил отдельно стоящее подсобное помещение во дворе виллы. Раньше оно служило складом для дров. Это был каменный домик с одной комнатой площадью примерно в 25 квадратных метров. Яхья был несказанно рад возможности перевезти в собственное жилье свою семью — жену и малолетнюю, почти грудную дочь. Мы перетаскали все дрова под навес на чамане, предоставив возможность как следует убраться в помещении его супруге. Жена Яхьи, немного похожая на хорька из-за выдающихся вперед зубов верхней челюсти, оказалась женщиной компанейской. Кроме обустройства быта своей семьи, она выносила мусорные ведра с нашей кухни, иногда мыла скопившуюся грязную посуду. Свой домик они перегородили ширмой на жилую и нежилую части. В нежилой части, ближней к двери, устроили нечто вроде кухни, используя для приготовления пищи электроплитку, подаренную нами. Когда электричества не было, готовили на керосинке. Точно также осуществлялся и обогрев помещения. Яхье была временно презентован мощный калорифер, а также один керосиновый обогреватель. Хотя на дворе стояла зима, дома у хазарейца почти всегда было тепло. Впоследствии Яхья надыбал где то еще и печь-буржуйку и топил ее нашими дровами для камина. Мы закрывали глаза на это, так как в тяжелых условиях войны камин был роскошью, а у него мерз ребенок. Яхья умел быть благодарным. Он тратил свой бензин, когда мы просили его что-нибудь приобрести в городе. Где он его доставал — знал только он один. Его ярко-желтый Фольксваген-жук часто не заводился, и его приходилось толкать. Вместо переднего сиденья пассажира у Яхьи в машине стояло перевернутое оцинкованное ведро, на котором иногда приходилось ездить. Потом, пару раз ударившись лбом о лобовое стекло, решили ездить прямо на полу, расстилая под собой мягкую и плотную телогрейку. Иногда пронырливому хазарейцу удавалось разжиться бензином и для

нас. Денег мы ему за это не платили — у нас был натуральный обмен. Когда мы разжились, наконец, солярой для обогрева основного помещения на ТАССовской вилле и для пуска резервного движка, вырабатывавшего электроэнергию, мы поделились с ним дизтопливом, не скупясь.

Жизнь в Кабуле без солярки была очень экстремальной. В конце февраля душманы потихоньку оседлали горную дорогу Джелалабад-Кабул, порушив опоры ЛЭП, связывавшие проводами гидроэлектростанцию в Саруби с Кабулом. Без движка, работавшего на соляре, не работал водонасос — центральная вилла лишалась воды. Не работали за отсутствием электроэнергии телетайпы, отопление. В первые мартовские дни после ряда безуспешных попыток прорваться в управление ГСМ, торгующее соляркой в промышленных масштабах, нам все же удалось оформить заявку на бензовоз дизтоплива. Раньше водители бензовозов, обслуживавших наше Отделение, знали, что входная горловина трубы нашей цистерны, соединенной с дизель-генератором, уже чем рукав перекачки на машине и всегда возили с собой переходники. За это им доплачивали какую-то символическую сумму. На этот раз приехал новый водитель, который забыл этот самый переходник. В результате мы оросили солярой всю улицу и внутренний двор. Около двухсот литров горючего вылилось на улицу, но цистерна так и осталась полупустой. Пришлось наливать соляру в бочки и черпать ее ведрами, заливая в горловину трубы, выходившую на крышу. На нашей улице был праздник. Афганцы, жившие по соседству, посылали своих малолетних отпрысков с ведрами и банками, которыми те черпали солярку из огромных луж. Моя одежда — джинсы и рубашка — превратились в промасленную ветошь, но я стойко стоял на лестнице и заливал соляру в трубу. В результате цистерна была на три четверти наполнена. На вилле вновь загорелся свет, заработали телетайпы. Яхья тоже успел урвать свою долю горючего, чему был несказанно рад.

Спустя ровно три недели после официального вывода войск, моджахеды сорвались с цепи. С западных предместий Кабула в сторону советского посольства и окружавших его вилл полетели в неимоверном количестве реактивные снаряды. Если раньше ракетные обстрелы обычно продолжались не более 10–15 минут, то сейчас грохот разрывов не смолкал более получаса. Иногда, выпущенные неумелой душманской рукой, снаряды улетали в жилые кварталы города, но в основном все сыпалось в квадрат Картэйе-Сех и район Дарульамана. Обстрелы происходили как в дневные часы, так и поздно вечером. В основном ракеты попадали в окружавшие посольство виллы, сея там смерть и разрушения.

Но уже спустя несколько дней, несколько РСов легли на территорию посольства, одна ракета, пробив крышу консульства, залетела внутрь помещения, однако не взорвалась. К счастью, было обеденное время, и сотрудники миссии расползлись по домам на полуденный отдых. Это их и спасло. После этого инцидента всем сотрудникам консульства выдали каски и бронежилеты, а также автоматы. Ничего умнее придумать не смогли, разве что кое-где устроили небольшие заграждения из мешков с песком. Естественно, что никто из консульских работников эти причиндалы на себя не пялил. Им нужно было выдавать визы, а не пугать афганцев своим видом. Поэтому все амуницию обычно складывали на стол в помещении консульства. Все равно ни каски, не бронежилеты от прямого попадания снаряда спасти не могли, разве что навредить в случае необходимости незамедлительно перебежать по коридору в подвал, в убежище.

Обстрелы становились все чаще и продолжительней. Офицер безопасности не нашел ничего умнее, как предложить возвратившемуся, наконец, из Союза послу перевести всех совграждан с вилл на территорию дипмиссии. С одной стороны, его, конечно, можно было понять. Этим шагом он огораживал себя от головной боли за жизнь советских граждан в случае возможных нападений на их жилища. Но с другой стороны у душманов появилась вполне определенная и конкретная цель, которую во что бы то ни стало нужно было размолотить ракетами — советское посольство. Концентрация совграждан в нем значительно возросла, поэтому и шансов попасть «под душманскую раздачу» прибавилось. Тассовцев также заставили переместиться на территорию советского городка. Юрию Тыссовскому предоставили отдельную квартиру в доме аппарата экономсоветника, а меня заселили вместе с одним работником консульства в посольский дом.

Вспоминая полтора месяца, которые я проживал в этом доме, могу со всей откровенностью признаться, что это были самые тяжелые дни моей жизни в Афганистане. Каждый мой шаг был под контролем, о любом телодвижении сразу становилось известно в аппарате офицера безопасности. Кроме того, чисто с бытовой точки зрения, проживание с незнакомым человеком в малогабаритке с одной ванной и одним туалетом, было дискомфортным, тем паче, что к нему частенько заглядывали его друзья и сослуживцы. О том, чтобы поспать или поработать, не могло быть и речи — в квартире постоянно кто-то находился. Порой, мне приходилось идти спать на работу — в хлеборезку. Чтобы стук телетайпов и телекса не мешал мне заснуть, я затыкал

уши ватой, сверху надевал шапку или обматывал голову полотенцем и, сидя в кресле, засыпал. Но и здесь не было покоя. В наш «кабинет» постоянно кто-то заходил и пытался со мной заговорить. На улице было еще не очень жарко, я иногда забирал ключи у инженера и оглядываясь по сторонам, тихонько забирался в связной ГАЗ-66, где спокойно засыпал, не тревожась, что меня разбудят.

После обеда, мы обычно выезжали на виллу, чтобы покормить собаку и приглядеть за домом. Но и это было сопряжено с неудобствами. Каждый выезд фиксировался на воротах комендантами, а собственно для выезда нужно было истребовать разрешение офицера безопасности. Населявший посольство разношерстный люд очень негативно реагировал на то, что днем, когда все работают, я то купаюсь в бассейне, то играю с оператором телевидения Андреевым на бильярде в клубе. Естественно, факты «аморалки» немедленно доносились по разным адресам, в том числе и парторгу посольства Петрову. Он неоднократно вызывал меня, чтобы «протрясти с песочком». Никакие объяснения на него не действовали, он упорно не хотел понять того, что я работаю рано утром, пока все посольские еще спят, и поздно вечером, когда все уже спят. Именно в эти часы к нам в корпункт приходили новости с ленты информационного агентства Бахтар. Днем, обычно в обеденные часы, я, за неимением возможности выезда в город, созванивался со своими знакомыми афганцами, но откровенного разговора по телефону, конечно же не получалось. Афганцы знали, что мы все заблокированы в посольстве, и что все разговоры прослушиваются. Иногда по ночам мы до самого утра переводили речи и выступления руководителей афганского государства, перегоняя их в Москву, вечерами, обычно, писали «нетленки». Бытовые неурядицы сопровождались еще и непрекращающимся «стуком» доброхотов в известные адреса. Посидеть со знакомыми «за рюмкой чая» без того, чтобы утром об этом не узнал офицер безопасности, было нереально. Кроме того, в этих условиях, мое пребывание в Афганистане становилось бессмысленным. Переводить Бахтар можно было с таким же успехом в Москве, и не за чем для этого было сидеть под ракетными обстрелами. Такие элементы работы как живой контакт, поездки по провинциям, работа в армии, министерствах и ведомствах, отсутствовали полностью. Да и «общий сбор» сотрудников различных организаций под одной посольской «крышей» с точки зрения обеспечения их безопасности являлся чисто воды профанацией. Это мы уже проходили. В середине 80-х, когда в Кабуле стало модно закладывать под автомобили магнитные

мины, контрразведчики из Представительства КГБ в Кабуле учудили откровенную дурость. Они решили, что все советские граждане, проживавшие в «Старом» и «Новом» микрорайонах столицы, должны отныне парковать свои авто на специальных площадках, которые будут охранять солдаты афганского царандоя (народной милиции). Идиотизм этого распоряжения был очевиден. Теперь каждая собака могла точно указать, на каких автомобилях ездят «шурави». Если раньше этого было не понять — на машинах висели по большей части белые афганские или зеленые — «представительские» номера, которые периодически менялись, то теперь весь советский автопарк был как на ладони. Ночью их никто и не охранял. Я самолично в этом убедился, выйдя под покровом тьмы из своего 8-го блока, где проживал, и спокойно дойдя до «автостоянки». Мало того, что весь царандой (народная милиция) спал, на самой стоянке охраны не было вообще. Я преспокойно сел в свою машину, отогнал ее к дому и пошел спать. Наутро смотрел с балкона, как вокруг моей машины ходят царандоевцы и подозрительно заглядывают под колеса. Я вышел на улицу и имел с ними нелицеприятный разговор, суть которого свелась к следующему: моя машина будет стоять здесь, а не где-либо в другом месте. И охранять ее будут те, кому это будет поручено. К слову сказать, мою машину охраняли помимо знакомых солдат царандоя, живших в подвале подъезда, еще и два афганских пацаненка. Их отец был офицером-пограничником и воевал где-то под Хостом. Жили они крайне бедно, и я иногда подбрасывал им за работу продукты. Спустя несколько лет, однажды утром ко мне в двери постучали. Передо мной стояли два молодых офицера — один в форме сотрудника МВД, другой — пограничника. Это были мои малолетние охранники! В свое время я им сам присоветовал идти служить в эти войска. Они запомнили где я живу, и пришли ко мне в гости, принеся скромные подарки — конфеты и кульчу (орехи, закатанные в расплавленный сахар). Мы пили чай и вспоминали их недавнее детство, смеялись. А когда они ушли, мне почему-то стало очень грустно. Я уже знал, что наши войска будут уходить, и что этим паренькам придется самостоятельно биться с контрреволюционерами. В тот момент я почувствовал себя предателем, осознанно бросающим друзей в беде. Я ничего не мог для них сделать, да и они ничего не просили. Просто, наверное, пришли ко мне попрощаться. Больше я их никогда не видел…

В вопросах личной безопасности я исходил из совершенно иных посылов, нежели контрразведчики, стараясь совершать поездки в одиночестве и «не сбиваться в кучу», постоянно быть на виду, однако не у них, а у афганцев… Моя «публичность» была

моей охранной грамотой Чем больше народа знало кто я, тем спокойней я себя чувствовал. Я специально приобрел яркую футболку с белыми и красными полосами, чтобы она сразу бросалась в глаза. Ходячая мишень, постоянно мелькающая в выпусках новостей афганского телевидения. Меня узнавали торговцы в городе, военные и сотрудники органов безопасности. Моджахеды и симпатизирующие им люди тоже узнавали. Но так как, приезжая на рынки за овощами, я смело оставлял им ключи от своей машины, и просил посторожить ее от набегов воришек, не чурался прямых откровенных разговоров о настоящем и будущем Афганистана, никто из них так и не посмел сделать мне подлость. Я старался понять их, а они меня. Мало того, частенько они предупреждали меня иносказательно о том, когда мое появление в том или ином месте Кабула будет нежелательно. Обычно в эти дни многие дуканы не работали. Тот, кто был на Востоке, знает, что это не сулит ничего хорошего…

За долгие годы пребывания в Афганистане я вывел для себя определенную формулу поведения, позволявшую оставаться целым и невредимым. Она довольно проста. Если ты слишком долго живешь в чужой стране, тебе рано или поздно придется понять и полюбить этот народ, узнать и начать уважать его обычаи и жизненный уклад, постараться стать «одним из них». Никогда не показывать, что ты чего-то или кого-то боишься, смело идти на контакт с самыми «подозрительными» личностями и по возможности постараться их не обманывать. Жизнь показала, что опасаться стоит, прежде всего, того, в ком ты, на первый взгляд, не сомневаешься, в ком ты уверен и с кем ты давно знаком. И если в силу тех или иных причин тебе не удается наладить контакт с пуштунами, нужно смело «двигать» в среду нацменьшинств, их недолюбливающих. Мимолетная отрицательная характеристика пуштунов станет твоей охранной грамотой в среде таджиков и хазарейцев. Хорошее знание разговорного фарси сделает тебя в их глазах «настоящим таджиком». Неплохое знание пушту, увы, вызовет в пуштунской среде удивление и подозрения, что ты шпион. Пуштунское общество очень закрытое и самодостаточное, чтобы терпеть чужаков. Общество афганских нацменьшинств — наоборот, очень открытое и благожелательное. Оно запросто может ассимилировать в себя иностранца, если, конечно, к тому есть предрасположение и желание.

Осознавая бесперспективность прозябания в посольстве, я позвонил в Москву в отдел кадров и имел почти часовую беседу с одним из «направленцев». Игорь Иванович Уваров был поистине золотой человек. Старший офицер ГРУ помимо высоких деловых

качеств обладал еще очень редкой чертой — умел внимательно выслушивать собеседника, быстро делать правильные выводы и оперативно принимать решения без согласования с начальством… Он обладал колоссальными связями со всеми смежными ведомствами, поэтому после нашего разговора я ничуть не удивился, когда решением посла корреспонденты ТАСС были отпущены «на волю», то есть на принадлежавшую им виллу, из посольского периметра. Правда, Гоев — офицер безопасности, которому пришлось выполнять команду из Москвы, взял с нас письменную подписку о том, что мы «самостоятельно и обдуманно, принимаем решение о выезде из посольства» и что «аппарат помощника посла по административно-правовым вопросам более не несет ответственности за нашу безопасность».

Неизгладимый негативный осадок от дней, проведенных в посольском городке, усугублялся тревожными сводками с фронтов. С наступлением ранней и на редкость теплой весны моджахеды с утроенной энергией стали терзать гарнизоны правительственных войск в провинциях. Самые мощные наступления моджахедов при поддержке воинских подразделений регулярной армии Пакистана произошли в округе Хост и провинции Нангархар. Но если Джелалабадский гарнизон еще кое-как держался, то под Хостом правительственные войска отступали, оставляя, один за одним, рубежи обороны. В один из апрельских дней 1989 года Хост пал под натиском вражеских банд… Афганские полки отступили на заранее подготовленные позиции, в город вошли душманы.

Кабул, весна 1989 года

Еще до начала вывода советских войск из Афганистана в Москве сделали ставку на применение в РА доселе невиданного здесь оружия — оперативно-тактических ракетных комплексов. Моджахеды, привыкшие, уже казалось, к тому, что на их родине отрабатываются все запрещенные международными конвенциями виды вооружений, включая бактериологическое оружие, оказались психологически не готовы к применению против них этих ракет. Пуски, которые я увидел впервые в жизни, производили прибывшие в Афганистан советские военные специалисты-ракетчики. Если говорить об этих ракетчиках, стоит упомянуть и о том, что сам вывод Ограниченного контингента советских войск из Афганистана 15 февраля 1989 года — в некотором роде миф. Когда генерал Громов с сыном картинно выходили по Мосту Дружбы через Аму-Дарью, связывающему афганский порт Хайратон и советский Термез, на территории Афганистана оставались подразделения советских войск. В горных массивах на удалении до 18 километров от советско-афганской границы выполняли свои задачи спецподразделения ГРУ и пограничники, отряды которых уже самостоятельно через некоторое время выбирались из Афганистана. На охране советского посольства и для выполнения оперативных задач также оставались спецподразделения ГРУ и связисты. Разница была лишь в одном — этих людей никто и никогда не должен был видеть и официально помнить. В прочем, официально забыть было положено и о тех 120 советских гражданах, которые «добровольно» остались работать или служить в Афганистане. Когда в апреле 1989 года ситуация в Республике Афганистан накалилась до предела и казалось, что афганская армия не устоит под натиском отрядов оппозиции, Совет Министров СССР решил «поощрить» тех, кто остался в Кабуле на «съедение» душманам, издав секретный документ, определяющий статус их пребывания в стране.

Из межведомственной переписки МИД РФ и Минздравсоцразвития России от 06.01.2006 года

…В связи с поступившим в Минздравсоцразвития России обращением по вопросу возможности оформления и выдачи удостоверений ветеранам боевых действий в соответствии с распоряжением Совмина СССР от 6 апреля 1989 года № 607-рс, хотели бы сообщить следующее: В Архиве внешней политики Российской Федерации на закрытом режиме хранения находится распоряжение Совмина СССР от 6 апреля 1989 года № 607-рс,

которое имеет гриф «Секретно». Статья 16 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» устанавливает, что взаимная передача сведений, составляющих государственную тайну, осуществляется органами государственной власти с санкции органа государственной власти, в распоряжении которого находятся эти сведения. Поскольку сведения, содержащиеся в распоряжении Совмина СССР от 6 апреля 1989 года № 607-рс не находятся в распоряжении МИД России, они в силу указанной статьи Закона без соответствующей санкции не могут быть представлены в Минздравсоцразвития России…

Таким образом, нас здорово поощрили и продолжают поощрять, спустя уже 16 лет после афганской войны. Так как уже совсем скоро из жизни один за другим уйдут те, кого этот документ касается, хотелось бы вскользь упомянуть о том, что было написано в этой так и не дешифрованной бумаге. Под роспись у шифровальщика «посвященные в гостайну» узнали, что помимо льгот, предусмотренных пунктом 1 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 января 1983 года, на них распространяется еще целый ряд привилегий. Упомяну лишь две из них. В соответствии с «тревожностью» текущего момента в стране, оставшимся в Афганистане советским гражданам полагалась прибавка к заработной плате в размере 20 процентов от должностного оклада в свободно конвертируемой валюте (доллары США). Совграждане не без основания сразу окрестили эту прибавку «гробовыми». В документе прописывался и ритуал похорон в случае гибели одного из нас. Похороны должны были быть проведены за государственный счет с отданием надлежащих почестей, но, ввиду «секретности» миссии, без военного салюта. Как приятно сознавать, что Родина иногда вспоминает о гражданах, ее защищавших.

Прозрачный горный воздух голубого афганского небо корежил грохочущий рев преодолевающей звуковой барьер ракеты. Падали отделяющиеся ступени. Грохот смолкал, огненный шар устремлялся или на юг, в район Хоста или на юго-восток, к Джелалабаду. О том, что произойдет там через несколько минут, думать не хотелось…

Краткая характеристика ракетного комплекса Р-300.

…Армейский оперативно-тактический ракетный комплекс 9К72 (Р — 300) с ракетой Р -17 (8К-14) предназначен для поражения живой силы, пунктов

управления, аэродромов и других важнейших объектов противника. Разработан в НИИ-88 (ОКБ-1) и принят на вооружение в 1967 году. Отличается от ранее существовшего комплекса на базе ИСУ-152 с аналогичным обозначением использованием модернизированной ракеты и пусковой установки 9П117 на четырехосной колесном шасси высокопроходимого автомобиля «МАЗ-543А». Комплекс широко поставлялся на экспорт в страны Варшавского договора, Иран, Ирак, Афганистан, Ливию, Сирию, Иемен и другие. Согласно заявлению Комитета министров обороны Варшавского договора от 30.01.1989 г. в странах Варшавского договора состояла на вооружении 661 ракета Р-17.

К 1989 году комплекс 9К72 являлся морально устаревшим. Он был громоздким, но пока еще достаточно надежным. Чтобы его не утилизировать в Союзе, его «утилизировали» в Афганистане. На западе комплекс получил обозначение «Scud»-B.

Иногда ступени у ракет не отделялись, это означало, что по душманам работали «Луны».

Краткая характеристика ракетного комплекса «Луна-М»

Неуправляемая одноступенчатая твердотопливная ракета 9М21 для комплекса «Луна-М» предназначалась для поражения живой силы, боевой техники, огневых средств и оборонительных сооружений, расположенных в тактической глубине обороны противника. Ракета проектировалась в нескольких вариантах, различающихся боевыми частями. В Афганистане применялись ракеты с осколочно-фугасной боевой частью, содержавшей. 200 килограммов сильнодействующего взрывчатого вещества ТГА-40/60 и дававшей не менее 15 000 осколков. В 1969 году была принята на вооружение 9Н-18К осколочная головная часть кассетного типа весом 420 килограммов…

Одному из немецких журналистов, попавшему в Афганистан нелегальным путем, «посчастливилось» побывать в Хосте во время разграбления города душманами и «работы» по ним Р-300. По его свидетельству, занявшие на несколько дней город моджахеды открыто показали свое звериное лицо. Тех, кто в силу различных

причин не успел или не захотел покидать Хост до входа туда бандитов, выволакивали из домов и расстреливали прямо на улице. «Борцы за свободу ислама» не щадили никого — улицы Хоста были буквально завалены трупами людей и не успевших стать душманской пищей животных. Над трупами вились рои мух, разносящих заразу. В стане моджахедов, так и не понявших для чего они заняли город, началась эпидемия тифа и холеры Об установлении какой бы то ни было «власти» в занятом районе моджахедами даже речи не шло. «Дикая дивизия» головорезов сметала все живое на своем пути, сея смерть и разрушения. Завершив, как им казалось, «справедливый суд» над «неверными» они приняли решение отходить к Пакистану. Бандиты шли по улицам городка толпой, полагая, что им уже ничто не угрожает. И вот тут то к ним прилетел «привет» из Кабула. Ракета попала прямо в центр вражеского войска, скосив его добрую треть и оставив на месте падения воронку, подобную кратеру вулкана. Побросав раненных боевиков, даже не пристреливая их хотя бы из жалости, душманы в панике бежали вон из Хоста.

По свидетельству очевидцев два или три точных попадания «Скадов» в скопление сил моджахедов вызвали в их рядах невиданную доселе панику. Через три дня в город и его окрестности вновь вошли правительственные войска. Уцелевшие жители Хоста встречали их как своих освободителей. Совместными усилиями военных и гражданских лиц с городских улиц были убраны трупы и восстановлена порушенная инфраструктура. Значительно серьезнее складывалась ситуация под Джелалабадом. Город превратился в какое-то адское гнездо, которое спешили покинуть мирные жители. На март-апрель 1989 года население Джелалабада и окрестностей составляло на бумаге около 400 тысяч человек. На деле оно было вдвое меньше. Люди бежали от войны кто куда может. Кто в Кабул, кто в Пакистан, кто просто умирать от голода и жажды в пустыню, кто прятался в горах. В провинции Нангархар шли тяжелейшие бои афганской армии с «непримиримыми» группировками моджахедов, костяк которых составляли Исламские партии Афганистана Гульбеддина Хекматира и Юнуса Халеса, а также Движение исламской революции Афганистана. Новости оттуда поступали очень тревожные и противоречивые. Нервы у всех были на пределе. Все прекрасно понимали, что если падет Джелалабад, второй по величине город Афганистана, дни нынешнего режима будут сочтены. Ситуация усугублялась тем, что душманы оседлали горную трассу Джелалабад-Кабул, по которой в афганскую столицу поступало продовольствие — в основном овощи, которые составляли основу рациона афганцев. Цена

минимальной продуктовой корзины в Кабуле выросла за пару недель в три с лишним раза. Над кабульцами, которые лишились в одночасье еще и электричества, нависла реальная угроза голода. Бои в Джелалабаде шли, несмотря на то, что в самом разгаре был священный для мусульман месяц рамазан. Но всем было уже не до религии. Драка шла насмерть.

В один из этих тревожных дней я встретился с секретарем Высшего Совета Обороны генерал-лейтенантом Абдул Хаком Олюми, попросив его дать реальную оценку тому, что происходит на востоке Афганистана. Обоих братьев Олюми — Нурруль-Хака — командующего Вторым армейским корпусом в Кандагаре и Абдул Хака — Начальника Отдела обороны и юстиции ЦК НДПА — я знал очень давно и достаточно близко, поэтому рассчитывал на откровенность и искренность в разговоре. Момент для разговора был выбран как нельзя более удачный — афганцы боялись, что мы их бросим на произвол судьбы и старались изо всех сил сгущать краски, описывая ситуацию в стране. Раньше в разговорах информацию из них приходилось выуживать по крупицам. Пока в стране присутствовали советские войска, говорили они в основном о скорой победе. Теперь информацию нужно было уже фильтровать, отсекая эмоции.

В сухом остатке ситуация под Джелалабадом выглядела следующим образом. В результате обстрелов, в том числе и с пакитанской территории, за неполный месяц рамазан убито 400 и ранено около 900 человек. При обстрелах разрушено 95 домов, 105 дуканов, 15 мечетей, 3 школы, 5 мазаров (мусульманских святынь). По городу и окрестностям выпущено 80 тысяч реактивных снарядов и мин. Более 80 процентов всех разрушений произошло непосредственно в городской черте. Одновременно с Джелалабадом моджахеды вели активную артподготовку по городам Хост, Гардез, Газни, населенным пунктам в провинциях Кандагар, Заболь и Гильменд. Только за один день — в праздник жертвоприношения («ид-аль-Фитр») от снарядов в Джелалабаде погибли 45 мирных жителей, в основном женщины и дети (мужчины воевали по обе стороны баррикад).. 22 человека ранены и госпитализированы. Разрушен 31 дом, одна мечеть, 31 дукан, повреждены две больницы. Всего по афганским городам в этот праздничный для мусульман день выпущено более трех тысяч снарядов, из них более 70 процентов — по Джелалабаду. По словам Олюми, под командованием американских и пакистанских военных инструкторов готовится вторжение в Джелалабад. Дата решающей битвы определена на 14 мая. Таким образом, по его словам, оппозиция хочет доказать, что за три месяца, прошедших после вывода советских войск, сможет

сбросить существующую народную власть. Регулярные части и подразделения пакистанской армии перебрасываются в приграничные с Афганистаном районы — зону свободных племен. Пакистанских военных одевают в афганскую военную форму и инфильтрируют на территорию страны, где они к началу мая должны перегруппироваться в один мощный кулак. Олюми выложил на стол документы, которые ему утром привезли военные контрразведчики, вернувшиеся накануне из Джелалабада. Это были фотография убитого араба, лист заступа пакистанцев в караул, документация пакистанской армейской разведки. Олюми вовсе не лукавил, когда сказал, что Пакистан стремится военными действиями под Джелалабадом помимо стратегических целей — свержения афганского режима — достигнуть и тактических — ослабления слишком независимых и сильных пуштунских племен на афгано-пакистанской границе. Истребить пуштунов в «войне с неверными», а потом заселить районы их проживания «своими», более сговорчивыми пуштунами. Это было здорово похоже на правду.

Попив чаю с Олюми в его кабинете, располагавшемся на втором этаже первого слева подъезда здания ЦК НДПА, я уже собрался было уходить. Встал и протянул руку для прощания. Из окна кабинета генерала был виден стоящий на постаменте танк бывшего командира родной четвертой танковой бригады Мохаммада Аслана Ватанджара.

— Подожди, сказал Олюми. — Запиши ка на всякий случай пару телефонных номеров. При обращении ссылайся на меня — двери перед тобой сразу откроются.

— Ну вот, мой собственный — 21 689, ты знаешь… Теперь я уже не «военно-партийный прокурор» как раньше. Генерал улыбнулся. — Теперь моя должность звучит несколько иначе — начальник отдела Вооруженных сил ЦК НДПА. Запиши еще один телефон — заместитель начальника гвардии генерала Лудина — Хамиди — 34 527. И вот еще, командующий кабульским гарнизоном — 24 141. Если меня не будет на месте — звони дежурному — 21 170 или на коммутатор — 24 393.. Будешь в Кандагаре — передавай привет брату.

Мы пожали друг другу руки, чтобы больше в этой жизни уже никогда не встретиться. Я вышел из здания ЦК НПА и пошел к пьедесталу, на котором стоял зеленый Т-54. Он был совсем как новый. Я обошел его и встал под пушкой. Зачем я это сделал? Не знаю. Вот так точно я стоял под этим танком десять лет назад, за несколько дней до неожиданного ввода в страну советских войск и думал, почему у него не забита пушка? А вдруг он на ходу, и из него можно пальнуть? Пушка смотрела аккурат на ворота

президентского дворца. Тогда на мне была бежевая ветровка и я был почти пацаном. Танки, броня, горы. Это, наверное, судьба. Не самая плохая из миллионов судеб. Впрочем, у танков тоже свои судьбы. Именно этому танку в 1992 году суждено было быть угнанным прямо с пьедестала отступавшими из города под натиском гульбеддиновцев бойцами Ахмад Шаха Масуда. Оказывается, и пушка стреляла, и двигатель был рабочим. Просто залили соляры, поставили новый аккумулятор и укатили в Панджщер. Чудны дела твои, Господи!

В начале апреля в Кабул неожиданно прорвалась большая колонна частных грузовиков с продовольствием из осажденного душманами Джелалабада. По району сосредоточения банд мятежников близ ГЭС в Наглу несколько дней работала авиация, наносились БШУ (бомбо-штурмовые удары). Одновременно под Джелалабадом нашим (афганским) войскам удалось отбить у душманов стратегически важный мост перед горной трассой на Кабул и закрепиться в начале старой «английской» дороги, которая также вела в Кабул, огибая слева гряду высоченных черных гор. Хотя сама по себе старая дорога, построенная еще англичанами, была не проездной ввиду ее тотального минирования с воздуха советской авиацией, район был очень важен для организации обороны города. Под чьим контролем будет находиться дорога на Кабул, значило очень многое. США, Пакистан и поддерживаемые ими моджахеды собирались еще до наступления лета выбросить народную власть из Джелалабада и посадить там свое альтернативное правительство. И хотя осажденному джелалабадскому гарнизону боеприпасы поставлялись вертолетами, это было лишь палиативом. Контроль над дорогой означал наличие снабжения. Нет дороги — прощай Джелалабад.

Руководители контрреволюционных организаций отлично понимали, что если до лета не успеют установить контроль над городом, потом сделать это им будет очень затруднительно. Крестьяне, составлявшие львиную часть войска моджахедов, летом, все-таки предпочитали не только воевать, но и заниматься сельским хозяйством. Джелалабад с его огромными оазисами и субтропическим климатом был идеальным местом для выращивания цитрусовых и оливок. Выручка от экспорта этих сельскохозяйственных культур в свое время составляла значительную долю афганского бюджета. Крестьяне растили урожай, пуштунские племена контролировали приграничную торговлю, рэкетиры имели свою долю с того и с другого. Все были «при делах» и зарабатывали деньги. Когда битва за урожай несколько стихала, становилось выгоднее получать зарплату от

пакистанских инструкторов за участие в боевых действиях. Даром пуштуны не воевали. Делали то, что считали более выгодным. Боевая активность в Джелалабаде с началом весны, как и везде, традиционно возрастала, а летом, когда в огромных количествах поспевали цитрусовые, заметно снижалась. Впрочем, в Джелалабаде тепло почти всегда. Хотя в горах дикий холод, на равнине — дичайшая жара. Когда в Афганистане находились советские войска, активность духов летом снижалась еще и искусственно. Травились водоемы, туда запускалась всякая гадость от холеры до тифа и желтухи. Иногда травили и питающую их влагой реку Кабул. Тогда «поголовье» моджахедов резко сокращалось. Но и боеспособность наших войск значительно снижалась. Желтуха и амебная дизентерия для Джелалабада почти также характерны, как легкий насморк и покашливание для жителей высокогорных кишлаков Саланга Выборочно травить не получалось. Просто у афганцев медицинская помощь отсутствовала вовсе, поэтому им было несравненно хуже, чем нашим солдатам. Хотя нашим парням пришлось хлебнуть здесь лиха сверх всякой меры. Инфекционными заболеваниями здесь переболели почти все.

Из оперативной сводки командования джелалабадским гарнизоном.

…За минувшие 24 часа различные группы оппозиции при прямой поддержке подразделений пакистанской армии продолжали наносить артиллерийские удары и производить обстрел реактивными снарядами жилых кварталов Джелалабада и близлежащих населенных пунктов. По городу произведено около 3 тысяч выстрелов (артиллерийские и танковые снаряды, мины и РС). Большинство снарядов ложится в жилых кварталах города. Прямым попаданием снаряда разрушен мавзолей Хана Абдул Гаффар Хана, нанесен материальный ущерб жилым постройкам, госучреждениям и частным дуканам. Серьезное значение для противодействия отрядом непримиримой оппозиции имеют пуски тактических ракет из Кабула и БШУ при поддержке авиации. Район аэропорта вновь находится под контролем правительственных войск, самолеты имеют возможность совершать боевые вылеты. По данным разведки, в результате применения ракет и нанесения БШУ за 24 часа уничтожено 360 моджахедов и приграничных «малишей» (приграничное племенное ополчение), 150 противников правительства ранены. Уничтожено 120 транспортных средств, подавлены 23 огневые позиции, захвачено 20 минометов, 11 безоткатных орудий, два «ОБУЗа» (разновидность орудий с большой дальностью стрельбы) …

Из выступления на пресс-конференции в гостинице «Интерконтиненталь» представителя Минобороны РА, (апрель 1989 года)

…С момента начала весеннего наступления на Джелалабад уничтожено 3100 противников режима, в том числе 4 подданных Саудовской Аравии, два гражданина США, 31 боец формирований «малишей». Неспособность овладеть городом привела к тому, что моральный дух наступающих сломлен. Группы моджахедов и «малишей» отходят в Пакистан. В целях недопущения бегства из районов боевых действий пакистанцы расстреливают возвращающихся с поля боя. Арабские инструкторы препятствуют возвращению в лагеря афганских беженцев трупов, забранных с поля боя в целях недопущения паники в рядах беженцев и дестабилизации обстановки в лагерях подготовки контрреволюции. Согласно донесениям с мест, трупы складывают в кучи, обливают бензином и сжигают…. В минувшую пятницу два вертолета ВВС Пакистана перебросили в район Газиабад (Пакистан) за несколько вылетов 80 иностранных военных советников и важных персон. На месте было проведено совещание с журналистами, на котором им было официально запрещено освещать события под Джелалабадом для сокрытия цифр реальных потерь Население Джелалабада и окрестностей сократилось до менее, чем 200 тысяч человек. Основная масса беженцев отходит в Пакистан. За сутки наши потери составили 11 человек убитыми. Сочувствующие контрреволюционерам снимают с домов зеленые знамена с символикой НИФА (Национальный исламский фронт Афганистана) и «Вахдат-е мелли» (Национальное единство), вывешенные во время начала наступления для собственной безопасности…

Бои под Джелалабадом — административным центром провинции Нангархар — весной 1989 года приняли ожесточенный и бескомпромиссный характер. Обеим сторонам было понятно — от того, кто выиграет эту битву, будут зависеть дальнейшие судьбы Афганистана. Со стороны моджахедов в ней принимали участие практически все контрреволюционные группировки, за исключением «Исламского общества Афганистана» Бурхануддина Раббани, подразделения регулярной пакистанской армии, пакистанская авиация и бронетехника, проплаченые американцами пуштунские племена. Со стороны правящего режима — джелалабадский гарнизон, военная авиация и советские ракетчики. Число уничтоженных и захваченных в плен иностранных инструкторов стало исчисляться десятками, потери среди мирного населения — тысячами, а сама битва приобрела настолько масштабный и ожесточенный характер, что по военным

меркам ее можно сравнить разве что с битвой за Сталинград.

Важная роль в организации решающей победы под Джелалабадом принадлежит проживающему ныне в Исламабаде бывшему начальнику Генерального штаба афганских Вооруженных сил генерал-лейтенанту Шах Наввазу Танаю — одному из самых талантливых и бесстрашных афганских военачальников. В тот момент положение афганского гарнизона в Джелалабаде было настолько угрожающим, что он лично вылетел в район боевых действий на вертолете Ми-8. Лету от Кабула до Джелалабада на этом типе вертолетов 30 минут. Когда вертолет стартовал из Кабула, джелалабдский аэродром был еще под контролем правительственных войск, когда заходил на посадку — к рулежке уже бежали вооруженные бандиты. Пренебрегая опасностью, боевой генерал лично встал к бортовому пулемету и уже с земли, с борта, расстреливал противника прямо на аэродроме. Вертушка, пробив сетку-рабицу, окружавшую аэродром, выехала на грунт, в сторону позиций оборонявшихся. Генерал Танай лично возглавил контратаку на аэродром, и уже через час он снова перешел под контроль правительственных войск. Танаю удалось не только организационно восстановить разрозненные очаги обороны, но и личным примером воодушевить бойцов на подвиг.

Мне доводилось неоднократно встречаться с этим боевым генералом и в Афганистане ив Советском Союзе. Принадлежавший к «халькистскому» крылу НДПА, этот военачальник был сторонником силового решения конфликта, яростно выступал против политики национального примирения, считая ее капитулянтством и предательством идеалов революции. В свое время он командовал Первым армейским корпусом афганской армии, лично принимал участие в боевых операциях против Ахмадшаха Масуда в долине Панджшер. Из-за своей непримиримой позиции в отношении врагов революции, генерал часто попадал в опалу. В 1988 году без надлежащего на то указания, Танай прибыл с тайным частным визитом в Москву для переговоров с руководством советских Вооруженных сил. Практически он противопоставил себя партии в лице руководившего в то время страной Наджибуллы, выходца системы Службы государственной информации (афганского КГБ). Мне пришлось выполнить очень деликатную миссию — огородить Таная от неминуемых репрессий, которые могли бы ждать его по возвращении на родину. Наша встреча проходила в одном из «гостевых» особняков МО в Москве. Спустя два дня, центральные советские газеты, включая «Правду», «Известия» и, естественно, «Красную Звезду», опубликовали интервью корреспондента ТАСС

с боевым генералом. По возвращении в Кабул тронуть Таная не посмели, однако между группировкой «Хальк», к которой примыкал Танай и «Парчам», которую возглавлял Наджибулла, трещина заметно расширилась.

Через два года Танай вступит в вооруженное противостояние с доктором Наджибом, предприняв попытку насильственного захвата власти, но военный переворот будет подавлен и Танай на вертолете перелетит в Пакистан. Как это ни странно, убежище в Пакистане он получит от самой одиозной личности в стане афганской контрреволюции — руководителя «Исламской партии Афганистана» Гульбеддина Хекматира. Как бы мы ни относились к тому или иному персонажу афганской войны, следует признаться, что при всей ненависти к просоветскому режиму, Гульбеддин умел ценить военный опыт и талант отдельных личностей. И до сих пор живущий в бедности в Исламабаде бывший боевой генерал пользуется уважением в стане бывших моджахедов. Они несколько раз «навещали» его у него дома, в Исламабаде, однако так и не посмели тронуть его и пальцем.

К концу мая стало ясно — афганкая армия одержала решительную и бесповоротную победу под Джелалабадом, наголову разгромив врага. Отголоски этой победы были слышны в разных уголках Афганистана. Врага теснили по всем фронтам. К июню 1989 года стало очевидно, что врагу не удалось опрокинуть ни один правительственный гарнизон, ни овладеть сколь-нибудь значимым административным центром. Переход некоторых малозначимых территорий под контроль моджахедов был вызван тактической перегруппировкой сил и новыми реалиями, в которых велась война. Огромный вклад в организацию решительной победы над моджахедами внесли солдаты царандоя — народной милиции, которые сражались плечом к плечу с армейцами, а также работники Министерства государственной безопасности Афганистана. Именно благодаря самоотверженной работе сотрудников МГБ, на сторону народной власти перешли многие «колеблющиеся» отряды оппозиции, которые воевали на стороне моджахедов во время присутствия в стране советских войск. «Иностранного вмешательства» в лице «советских оккупантов» больше не было, многие вчерашние враги народной власти стали переходить на ее сторону, оказывая вооруженную поддержку правительственным гарнизонам в административных центрах. Умело организованная пропагандистская работа в кишлаках стала решающим фактором укрепления власти на местах. И хотя контрреволюция еще агонизировала, сея смерть и разрушения на афганской многострадальной земле, многие государства потеряли интерес к этой войне, осознав, что силой

оружия вопрос в свою пользу решить невозможно. Афганские Вооруженные силы на тот момент стали самыми боеспособными, оснащенными и мобильными в регионе.

К исходу лета 89-го, после крушения духовских планов по захвату Джелалабада, Хоста и Шинданта, обстановка в афганской столице несколько стабилизировалась. Ракетные обстрелы продолжались ежедневно, но население, увидев, что армия Наджибуллы с помощью наших ракетчиков умело сопротивляется полчищам моджахедов, несколько успокоилось. Очереди к индийскому посольству из желающих покинуть родину резко поубавились, а в Кабуле стали даже циркулировать слухи о возможном возвращении нескольких подразделений советской армии. Хотя я знал, кто распространяет эти слухи, иногда очень хотелось, чтобы они вдруг как в сказке воплотились в реальность. Заработал «воздушный мост», по которому в афганскую столицу доставлялись боеприпасы и оружие. По земле проходили колонны с дизтопливом и мукой.

Полу-мирная жизнь налаживалась. В город на несколько часов в день подавали электроэнергию. Столичные гостиницы наводнили иностранные журналисты, полчища которых все прибывали и прибывали, чтобы запечатлеть в своих репортажах крах коммунистического режима. Но кроме многочисленных пропагандистских пресс-конференций, шоу с «раскаявшимися» душманами и горами «захваченного» оружия, оставленного в наследство афганским воинам нашими армейцами, ничем «жареным» для своих репортажей они разжиться не могли. На каждый взрыв РСа иностранцы слетались как мухи на говно, надеясь застать на месте падения снаряда ужасающие картины. Но их не было. Вернее, не было для них. Просто их туда не допускали, ограничивая хитрыми уловками свободу передвижения пишущей и снимающей империалистической братии.

Из «точных» попаданий ракет запомнилось всего три. Первое попадание РСа — рядом с нашей виллой, в мальчика, который ехал на велосипеде. Мальчишка просто испарился. Воспоминанием о нем могло служить лишь большое кровавое пятно на стене дувала — все, что от него осталось, да и то, уже на следующий день его замыли. Второе попадание советской ракеты Р-300 в жилой район за Элеватором. На моих глазах ракета вылетела с позиций, располагавшихся далеко за Дарульаманом, и пошла в сторону Чарикара. Однако, наверное, от старости, когда вторая ступень хлопнула, но не отделилась, ракета как бы зависла на мгновение в воздухе, а потом, испуская желтый ядовитый дым, по плавной дуге устремилась на жилые кварталы.

Слава богу, что не взорвалась. И так под ее обломками погибли семь человек. Посольство узнало об инциденте по сообщению МИД из Москвы, полученному через отделение ТАСС в Кабуле. Нас чуть живьем не съели. Третий снаряд просвистел над нашими с Яхьей (хазарейцем) головами, когда мы воровали бензин. Воровали, собственно, у меня самого. Если бы начальник узнал, что я делюсь бензином с этим прохиндеем, он бы меня убил на месте. К слову сказать, легенды о том, что РС свистит или воет, когда летит мимо — пусть так и остаются легендами. Перелетев через наши головы, снаряд уделал одну из «хадовских» вилл, располагавшихся всего в нескольких десятках метров от места совершения нашего преступления. Трое убитых, из них — двое детей.

Ну, а акулам империализма этого видеть было не дано. Они в основном жили в гостиницах «Интерконтиненталь», «Ариана» и «Кабул», где под воздействием спиртного выдумывали всякую ересь, чтобы оправдать огромные командировочные. Среди них особенно выделялась корреспондентка Франс-Пресс с хриплым голосом, которая пила как лошадь водку и пиво, а также все вместе и сразу. Ее корректно предупредили, что в мусульманской стране это не принято. Она, отослав всех по известному адресу, продолжала бухать до тех пор, пока ей в «Кабуле» не проломили череп местные «братки». В коматозном состоянии журналистку увезли на родину. Из иностранных журналистов приятное исключение составляли лишь два человека — корреспондент Би-Би-Си Лайза Дусет (в народе — Лиза), с которой у нас потом сложились очень доверительные рабочие отношения, и корреспондент солидного издания «Нью-Йорк Таймс Джорнэл». Эти двое ахинеи не несли, а пытались с нашей помощью в чем-то разобраться, впрочем, тоже изнывали от тоски.

Какова же была их радость, когда выдалась поездка в Кандагар. Женщин, правда, в нее не взяли. Зато пригрузили в довесок к иностранцам еще несколько советских корреспондентов, прибывших с Родины описывать героику афганских будней. Среди них были и нормальные ребята. Но я их боялся еще больше, чем иностранцев. Из-под их перьев порой выходили такие опусы, что у меня волосы на голове поднимались дыбом. И вообще я заметил: чем меньше человек находился в стране, тем больше он писал на различные темы. К слову сказать, репортаж одного советского корреспондента из этой поездки в Кандагар настолько травмировал мою мать, которой я писал много лет про нормальную жизнь в Афганистане, что она с тех пор стала звонить мне на работу в два раза чаще обычного, чтобы справиться о здоровье.

Кандагар, лето 1989 года

Ранним утром я привычно набивал всякой ерундой походную сумку из красно-коричневой кожи, купленную по случаю в Кабуле. Вроде бы все взял, и лишь на подъездах к аэропорту хлопнул себя по голове — забыл купить водки. А впрочем, подумалось, кому ее теперь везти? Наших-то уже нет. Накатила волна тоски, но я ее быстренько задавил — в Кандагар с таким настроением лететь было негоже.

Погрузившись в 26-й, с радостью отметил, что афганские летчики одеты в советскую летную форму. Как выяснилось, ее наши летуны им подарили, чтобы «лучше» воевалось. Настроение поднималось — хоть что-то светлое, значит, все будет в порядке. Подпихнув для удобства под задницу старый парашют, который почему-то насквозь был пропитан керосином, я стал смотреть в иллюминатор и прислушиваться к режиму работы двигателей. Вот ведь люди, думал я, глядя на афганцев. В нашей форме летают, не боятся. А ведь не приведи господи, что случится — верная смерть. Летчиков, как и артиллеристов, в живых не оставляют. У них конец один, как ни верти. Ритуал умерщвления что для наших, что для афганцев был придуман одинаковый — разденут догола и водят по кишлакам. А женщины и дети забрасывают их камнями. И так, пока те дух не испустят. Потом уже мужики над мертвыми телами изощряются.

В Кандагаре я уже бывал неоднократно. Первая поездка в эту негостеприимную провинцию и ее административный центр состоялась весной 1983 года. Тогда мы должны были полететь туда с министром культуры Афганистана. Поездка не задалась с самого начала, когда при взлете у нашего самолета отказал один из двигателей, и мы жестко приземлились на минное поле к западу от аэродрома. Пришлось сидеть несколько часов внутри борта, изнывая от жары, пока советские солдаты-саперы с собаками не пробили к нам тропу, не извлекли нас из чрева самолета и не сопроводили к аэродрому. Толпа «командированных» тогда резко поредела, но мы все же отправились в Кандагар на военном самолете вместе с советником ХАД (Служба государственной информации) Эдуардом, который работал под крышей афганского радио-и телевидения.

Кандагар, лето 1983 года

…Сухой послеполуденный ветер обдувал наши с Валеркой лица, неся прохладу и дремоту. Прислонившись к задним колесам БТРа, прячась с правой его стороны от надоедливого солнца, мы курили и вели неторопливую беседу. Валерка был явно рад тому, что я оказался не особистом и расспрашивал про Джелалабад. Из люка, спешно закрытого Лехой с внутренней стороны, как он ни старался, все-таки тянуло горелой травой. Ветер завихрялся о броню и отбрасывал запахи обратно. Аромат жженой полыни был хорошо знаком, он располагал к чему-то близкому и родному, вызывал приятные воспоминания. Впервые дернув чистого чарса (гашиш) и запив его водкой в 79-м, я долго смеялся, пока не стало судорогами сводить живот, а потом всю ночь снилось, что я разговариваю со зверями и птицами. К утру я забыл самую малость — тот код, который позволял нам понимать друг друга. Чтобы вспомнить заветные слова, я курил опять. Опять вспоминал и опять забывал. Потом понял, что это обман. Но ощутить здесь в степи, что кто-то пытается пройти этим же путем, было почему-то приятно и по-доброму смешно. Такой же, как я три года назад, только форма другая.

— Слышь, вы с нашим сержантом тезки. Во дела!

— А у меня брат тоже Валерка, только двоюродный. Гитарист. А Валеркин брат тоже Леха. Он за дубль «Локомотива» играет. Чудно, у всех одинаковые имена. Бывает же!

— Да уж, офигеть. Везет же, сколько братьев.

— Родная-то у меня сестра, все братья двоюродные. Хорошо, что сестра, ей хоть здесь не париться. Вы с рейда без потерь? Что-то вас больше недели не было.

— В общем, потерь нет, устали только как черти. Один только того… контуженый.

— На мине?

— Не, с БТРа свалился.

— Ну, до свадьбы заживет.

— Андрей, а как в Джелалабаде было? Говорят, там вообще п…ц?

— Лично у меня, Валер, своя была специфика. Не война, а не пойми что. От жары к танку подходить боязно, не то, что бы в него залезть. Да и не сохнет там ни хрена, намастырились на броне трусы сушить. Вот и весь опыт. Лазали с афганцами по трассе, особо и не воевали. Только мин противотанковых было очень много, в основном технику свою горелую оттаскивали. С вашей войной не сравнить, конечно. Кандагар. Как вы вообще

здесь живы то? Ничего? Ну-ну. Что здесь ничего — так это погода — вон ветерок задувает, просохнуть хоть можно.

Валеркино лицо сначала смешно вытянулось, а потом расплылось в простодушной широкой улыбке.

— Во, бля, Джелалабад. А мы здесь про него ужасы впитываем. Бывает же!

Голый по пояс худой и жилистый пацан, хитро повернув голову влево, покосился в сторону сидевшего к нам спиной и обнимавшего правой рукой КПВТ сержанта в хэбэ и панаме и широко улыбнулся.

— Слышь, это не мушавер, а тарджоман джелалабадский.

Сержант даже не обернулся, только что-то злобно прошипел ему через плечо. Валера тяжело вздохнул, встал зачем-то, а потом опять уселся в тень. Потом опять встал и полез в люк, закрыв его за собой. Через минуту он опять вылез и протянул мне коробок спичек. Я закурил «Яву» и, затянувшись, выпустил большое облако табачного дыма, давая понять, что совершенно не чувствую знакомого запаха, которым тянуло из люка. Подумалось, что я действительно мог быть похож на мошавера — зампотыл отдал мне свою выгоревшую на солнце, почти белую хэбэшку, чтобы при поездке на кяризы (подземные рукотворные многокилометровые оросительные Канады) я ничем от других не отличался. Черноволосый, с огромными, как у Буденного, толстыми усами, спокойный, плотный и коренастый Эдуард деловито и обстоятельно объяснял мне цель «проката» куртки: «духи» постоянно наблюдают за окрестностями бригады, в том числе и за этим кяризом, расположенным в самом начале дороги на Спинбулдак. Собственно, их по этому кяризу недавно и гоняли, а потом решили завалить его от греха гранатами. Если что-то «цепляет» их глаз, начинают обстреливать это место, если видят обычную картину — БТР и купающихся военных — ничего не предпринимают, потому что просто привыкли. А к джинсам душманы, наверное, тоже притерпелись — советники КГБ, которые жили в домиках-виллах, разделяющих бригаду и чисто поле в сторону Тор-Коталя, все как один носили джинсы. Наверное, поэтому зампотыл ничего мне про джинсы и не сказал. Но мой внешний вид ему явно не нравился. Я бродил по полупустой территории 70-й отдельной десантно-штурмовой бригады как махновец — волосатый, небритый, в голубых джинсах и «вареной» джинсовой рубахе с большими открытыми карманами. На носу — очки-капли. В общем, «Монтана». Не хотелось, конечно, так выглядеть, но что поделаешь. Летел я сюда на пару дней, а завис уже на десять. С министром культуры, правда, в городе свиделись. А то как-то совсем неудобно

получалось Комитетский борт, на котором мы прибыли, зачем-то летал по кругу — по всем гарнизонам. Только потом стало ясно зачем. Аккуратно прикрытый брезентом за кабиной пилотов на обратном пути приютился цинковый ящик. Всего один. Своих возили потихоньку. Собираясь на два дня, я ни смены одежды толком не взял, ни бритвенных принадлежностей. Положил в сумку, правда, мушаверскую тонкую «форму» серо-голубого цвета — необычайно популярная в то время была в Кабуле одежда. Шили ее в ателье в городе. Но здесь, в Кандагаре, за день она превратилась в грязный пыльный мешок. После стирки носить ее не было возможности, потому, что не мог найти утюга. Когда раздобыл утюг — не было электричества. Джинсы от пыли стали белыми. Рубаха джинсовая спасала — пот остывал на ней белыми кривыми линиями под стать «мрамору» варёнки. Только подмышки приходилось постоянно тереть мокрым платком. Там белые круги все-таки выделялись. Целая беда была со стиркой одежды. Когда окончательно запаршивел, пошел в бригаду и попросил у зампотыла тазик и кружку. Он был нормальный человек и, глядя, на мою бытовую неустроенность, снабдил меня всем необходимым. Я с радостью постирал с порошком, купленным в кантине у здания аэропорта «Ариана», трусы, носки и рубаху, развесив их на веревке, натянутой перед входом на «виллу»». Стиральный порошок с девичьим именем «Дарья» (по-афгански — «море») продавался в почти игрушечных маленьких пачках, как раз на одну стирку. Пока сохла одежда, сидел у крыльца и смотрел на стоявший в поле на расстоянии более километра чуть правее бригады странный объект под названием «ракетный дивизион». Признаков жизни там за 10 дней я так и не заметил. Мне объяснили, что ездят туда крайне редко, чтобы не привлекать внимания душманов. Лишь однажды я все же рассмотрел ближе к вечеру стоявший рядом с объектом УАЗ, но и в нем людей не было.

За полчаса все высыхало, можно было ходить в чистом. Воду набирали из скважины-трубы, которая стояла за невысокой загородкой на взгорке у арыка, отделявшего домики советников от бригады, обнесенной масксетью. Скважина была не очень удобная. Чтобы сверху вниз пошла вода, нужно было нажимать на рычаг, располагавшийся высоковато от горловины трубы. Можно было налить кружку или тазик, а вот дотянуться ртом до трубы не было никакой возможности, и пока у меня не было емкостей, я частенько вспоминал басню Крылова «Лиса и виноград» и ждал, когда у скважины кто-нибудь появится. Кто-то держал, а я пил. Зампотыл объяснил, что кружка и таз — солдатские, я их поставил в караулку на оцинкованный стол сразу, как бойцы

пришли из рейда, поэтому последний день перед отлетом из Кандагара опять ходил грязным и хотел пить.

Прилетели мы тогда в 70-ю бригаду ВДВ вечером. Замначальника отдела борьбы с бандитизмом Иван Иваныч, потеснив кого-то из мошаверов, расселил нас с Эдуардом во втором справа домике в ряду, выходящем в степь. Эдик сразу пошел к начальству в крайнюю виллу обсуждать возможности претворения в жизнь планов начальника одного из управлений ХАД в Кабуле доктора Бахауддина, А я озирал окрестности и ждал намеченных на эти дни встреч в городе. В Кандагаре за два дня отработал по полной программе. Кроме того, набрался впечатлений — первая поездка в Кандагар незабываемая. Степная дорога, кое-где посыпанная гильзами, ООНовский городок с нашими военными. Огромный пустой бассейн, по периметру которого уложены мешки с песком, БТР на углу. Голые люди в трусах и бронежилетах Объект «шлагбаум» в чистом поле с аккуратными, выложенными большим квадратом, камнями. Враждебный, но красивый город с высокими тенистыми деревьями и попугаями, сидевшими на ветках. Отдел борьбы с бандитизмом ХАД.

Чтобы я не сильно скучал, начальник отдела — пуштун — дал мне почитать оперативные сводки месячной давности. Полистав эту дребедень, я понял, что здесь мне ничего не светит, и что все, включая наших советников, будут молчать как партизаны, чтобы я ненароком чего не разнюхал. Ну и хрен с ними, подумал я, афганцы — народ более разговорчивый, у них кое-чего надыбаю. Кстати, не ошибся. «Развести» пуштунов, которыми был населен Кандагар, особого труда не представляло. Стоило только завести разговор о принадлежности культурного наследия Афганистана различным этническим группам, как их «прорывало». Больше чем шурави, ХАД и царандой вместе взятые они не любили таджиков и хазарейцев. Поэтому при слове «Герат» или «Панджшер» их начинало «колотить», и за 10–15 минут, в течение которых они изливали свою злобу на «братьев меньших», можно было спокойно обдумывать свои вопросы, попутно кивая головой и вставляя в разговор милые их сердцу пуштунские словечки. Этот касалось как простых крестьян, так и высшего генералитета афганской армии, народной милиции и спецслужб. В ХАДе, правда, такие штуки не проходили. Зато с ними всегда можно было поговорить «за царандой» и узнать много нового о «пассивности», царившей в рядах «серых». «Серыми» солдат царандоя иногда называли по цвету формы народных милиционеров. Военнослужащие афганской армии соответственно были «зелеными». Однако про народную милицию

ничего по-настоящему дурного слышать не приходилось, причем не только в Кандагаре, но и в других провинциях. Воевали бойцы местных ВВ меньше, чем солдаты регулярной армии, но значительно лучше и иногда, я бы даже сказал, самоотверженно.

Меня познакомили с водителем-пуштуном Абдул Рауфом, которому предстояло показать мне живописные уголки Кандагара, а также свозить по моей просьбе к Элеватору — там за два дня до этого был проведен совместный с царандоем рейд, в ходе которого, по словам мошаверов, было уничтожено около 10 духов. Рауф подвел меня к своему довольно некомфортабельному авто. Просевший на задний мост УАЗ представлял собой огромную радиостанцию, из которой без перерыва неслись хрипящие звуки, перемежавшиеся выкриками «бидар-бидар» (не спи, вставай). Было жарко и, наверное, афганцы, склонные к дремоте, так сами себя будили. На крыше размещалась огромной высоты гибкая антенна, которая при езде обламывала сучья у деревьев. Рауф по афганским меркам был одет довольно модно. Из-под серой «мотни» выглядывали старые, но начищенные до блеска черные туфли. Поверх европейской рубашки — черный отглаженный пиджак. Сначала мы поехали к живописному особняку центрального ХАДа, где в засаженном цветами дворе к нам присоединились еще один УАЗ с тамошними гэбистами и белая «Тойота»-пикап с вооруженными людьми, больше напоминавшими моджахедов. Рауф мне объяснил, что это — формирование пограничной милиции, сотрудничающее с госвластью.

Говоривший со мной на очень своеобразном диалекте дари водитель при разговоре с коллегами использовал пушту, причем тот классический кандагарский диалект, который я, к своему удивлению, кое-как мог разобрать (на 4-м курсе Университета в течение года проходили факультативно). Речь шла о выборе маршрута и местном губернаторстве. Напрягши мозги, я освежил в памяти весь свой пуштунский лексикон джелалабадских слов и выдавил из себя нечто вроде «Моя не хотеть губернаторство, а хотеть Элеватор. Моя понимать пахто». И хотя вместо «ж» я употреблял безграмотное джелалабадское «г» (с кем поведешься — от того и наберешься), афганцы меня поняли, хотя и очень удивились. Больше при мне на пушту не разговаривали, чему я был несказанно рад. Они не догадывались, что я понимаю от силы процентов пять из сказанного, но свои инсинуации с одурачиванием шурави прекратили.

Я никогда в жизни элеваторов не видел. Как и каждый советский человек, иногда смотрел «Сельский час», из которого вынес, что это — нечто вроде ленты, с которой в закрома Родины

сыплется зерно. На этом мои познания ограничивались. Само название «Сило» (элеватор) располагало к чему-то деревенско-сельскохозяйственному, и я ожидал увидеть там группы мужественных защитников революции, охранявших городские продзапасы.

Сейчас уже помню довольно смутно, но ехали мы в направлении очень высокой то ли трубы, то ли антенной вышки, служившей ориентиром как для шурави, так и для душманов. Я все время спрашивал водителя, где же «Сило», а он тыкал пальцем в направлении желтых стен и каких-то не очень целых зданий. Где собственно находится «Сило», я увидел только тогда, когда там что-то громыхнуло. От нас это было довольно далеко, но видно было прекрасно. В воздух поднялся пылевой гриб, очень напоминавший ядерный. Афганцы занервничали и опять перешли на пушту. Я догадался, что концерт окончен, и сейчас поедем обратно в отдел. Однако к моему удивлению, мы поехали не обратной дорогой, а свернули и ехали еще довольно долго, пока не уперлись в очень длинную стену. Стена была необозримая, поехали вдоль нее мимо грязного базара, потом вновь занырнули в квартал. Так они меня возили минут сорок, пока не приехали, по их словам, в «старый» город, где кипела жизнь. Я, правда, заметил, что по пути следования торговцы довольно спешно опускают железные жалюзи на дуканах и сворачивают факторию.

Въехали во двор мэрии, откуда Рауф пошел звонить в отдел. Я про себя отметил, что внутрь этого двора, как и хадовского, наши машины проехали беспрепятственно, водитель знал тех, кто охранял ворота и сидел в будке, похожей на большую собачью конуру цвета «зебра». Минут через двадцать туда подкатили советники, я вновь пересел в «Волгу», и мы помчались вон из города по дороге к аэродрому. По пути ребята рассказали, что в районе элеватора, взорвалась машина царандоя. Бандиты заложили по обеим сторонам подходящей к одному из строений дороги снаряды и соединили их между собой проволокой. Сейчас в городе начнется прочесывание, и лучше оттуда линять. Мчались по пыли — снова очень быстро.

По пути советники показали мне трюк под названием «покупка помидоров». Так как Иван Иваныч, заведовавший режимом, ехал в первой машине, то стена пыли достаточно плотно прикрывала от него наш автомобиль. Резко затормозили. Сидевший на переднем сидении мошавер мухой подлетел к стоящей на правой стороне дороги деревянной лавке с овощами, расталкивая афганцев, и уже через мгновение вновь сидел в машине с огромным бумажным пакетом помидоров. Вся операция заняла не более двадцати секунд. Я, помнится, поинтересовался,

к чему такая спешка и почем нынче овощи, и был крайне удивлен, когда услышал, что цены на помидоры здесь в два раза выше, чем в Кабуле, на базарах которого продавались дешевые ранние кандагарские овощи и сладкие дыни, зеленые изнутри. Мое недоумение по поводу скоротечности помидорной сделки советники объяснили незнанием местных особенностей. «Здесь не торгуются», — сказал один из них. Несколько дней назад на этом месте подстрелили двух человек, потому что они долго торговались». Про себя я отметил, что ребятам здесь приходится туго, и при всем изобилии рынков Кандагара они себе практически ничего позволить не могут ввиду опасности быть убитыми. У ООНовского городка снова остановились, мошаверы пошли что-то сообщать военным. Я подошел поближе к одной из вилл и увидел, куда, собственно, прячутся люди во время обстрелов. С тыла дома был взгорок, который переходил в арык и рощицу. У основания этого холма были вырыты два коротких, но очень глубоких окопа, похожие на ямы.

Почему-то в голове остались именно эти незначимые детали, а, скажем, городская коричнево-желтая крепость не произвела тогда на меня никакого впечатления.

Бронежилет, шляпа на глаза и синие «Жигули»». Смотрю в пол, по сторонам не глазею — таково указание. Проносимся как пуля по Черной площади к ГСМ. Огромная желтая лысая поляна, дороги по периметру квадрата. На центральной прямой дороге афганский пост. Туда ездить нельзя — мины. Каменное кресло с цепями, вырубленное в скале — памятник древнего зодчества. Прапор с канистрами. Дуканы, дуканы, базар. Блокпост с позывным «Памир» — за огромным котлованом, застроенным глинобитными домиками в «зеленке» — вышка. Правее, на дороге, сквозь деревья, стволом справа налево советский танк, мешки с песком. Бешеная гонка домой из города. Пыль, пыль, пыль. Белая как мука..

…Валерка рассказывал мне про свою родину, а я слушал, надеясь запомнить его слова на всю жизнь. Ни ручки, ни блокнота у меня не было. Просто запоминал. А потом все же попросил у него что-нибудь пишущее. Он крикнул Лехе — худому пареньку с напряженным, заспанным лицом и тот, поерзав внутри БТРа, выкинул оттуда шариковую ручку «Бик». На смятой пачке сигарет я нацарапал; «Валера. Кяризы». И еще номер их БТР. Эта пачка хранилась у меня очень долгое время. Собираясь куда-то, я всегда предварительно вытряхивал свою кожаную сумку, чтобы посмотреть, нет ли в ней чего-то полезного. И всегда натыкался на эту пустую смятую пачку. Два раза выбрасывал ее в пластиковую корзину для мусора на рабочей вилле, но,

спохватившись, перерывал мусорное ведро и находил ее. Потом, устав от этой неравной борьбы со своим «оставлю на потом», перенес эти три слова в записную книжку. И еще, чтобы уж точно не забыть, записал эти данные на ремень одного из двух своих желтых чемоданов.

Эти желтые чемоданы мы покупали с мамой, когда я в первый раз летел в Афганистан. Так и таскал их за собой все годы, а потом не было сил выбросить. Память. Теперь я был уверен, что не забуду эту встречу никогда. Но забыл. Уже когда не стало СССР, я иногда натыкался в своем хламе на вырванный из книжки листок с надписью: Валера. Кяризы. Трехзначная цифра. Куда-то делся тот листок. Выброшен за ненужностью один из чемоданов. По иронии судьбы, именно тот, на котором все это было записано…

Яркое, жгучее, почти ядовитое солнце, постполуденная тишина. На первом КПП, выходящем в сторону взлетки и «Майданека» (от слова «майдан» — площадь), никого нет. Все спят. Я тихонько захожу на территорию 70-й бригады. И через 23 года я с закрытыми глазами мысленно могу пройти по ней, не споткнувшись. Тридцать шагов вперед. Слева караулка. Полуторная, всегда открытая дверь-проем. Внутри слева маленькая табуретка и под левой рукой большой оцинковкой стол. Напротив какая-то стеклянная стела. Наверное, знамя или вымпел. За столом проход внутрь, там, в темноте ряды стеллажей и коридор влево. Если не заходить в караулку, а идти прямо от КПП, упрешься в торец вагончика — «Березки». Там что-то внимательно пишет на листочке прапорщик. Он проводит учет, пока весь личный состав в рейде, и ни за что — ни за чеки, ни за афгани, не продаст вам пачку сигарет. Правее валютного продмага деревянно-щитовые офицерские модули с входом посередине. В одном из них, в левой половине, живет зампотыл Эдуард, который богат новыми армейскими куртками. Чтобы дойти до «Березки», необходимо пересечь плац. Ровно с середины плаца направо уходит аллея. Сорок шагов вперед. Слева — кухня и столовая. Справа — большая коричневая деревянная постройка. Двадцать шагов вперед. Ряды палаток. По левую сторону аллеи — маленькие сержантские палатки, с плаца они кажутся треугольными, как паруса на лодке, потому, что их что-то заслоняет. Во второй по счету живет Сержант Андрей. Справа от дорожки — огромные солдатские палатки, выходящие торцами-входами к коричневому зданию и немного к аллее. Во второй палатке живут Валера и Леша. Один спит на верхнем ярусе кроватей по середине второго ряда, другой в самом конце палатки, в третьем ряду. Это спит разведрота. Ровно за их

палатками, с противоположной стороны — еще один плац с флагом, он напоминает линейку в пионерском лагере. Флаг спущен…

…Ночь, гул и свет от прожекторов боевых машин. Я просыпаюсь и выхожу наружу из домика-виллы. Со стороны, противоположной первому КПП, в бригаду въезжают машины. Солдаты пришли из рейда и будут спать весь следующий день, они это заслужили. Девять утра, бегу в бригаду, жду, когда проснется замполит. Стою на плацу и смотрю на аллею деревьев, которые посадили солдаты. Навстречу мне идут три бойца. Один, голый по пояс, с перекинутым через плечо полотенцем, чешет в сторону арыка со стороны сержантских палаток. Он бодр, и у него наглая морда. Двое других, тоже голые по пояс, растворяются в солдатских палатках — наверное, возвращаются из сортира. Опять тишина, и никого нет. Проснувшийся Эдуард говорит, чтобы я шел домой, и что раньше обеда никто не встанет — все в умате. Иду к «собачнику», обогнув бригаду со стороны арыка. Сонный солдат разносит собакам еду и воду. Собаки не реагируют — все поголовно спят в зарешеченных вольерах и видят страшные сны — повизгивают, поскуливают. «Устали», — говорит солдат.

Пока бойцы спят, пытаюсь себя чем-нибудь занять. Иду дальше, на кладбище битой техники захожу направо в закуток. Среди разного рода железа внимание привлекает странный пулемет. С виду, он похож на «Максим», только больше раза в три. Гибрид между пулеметом и ЗУшкой, с огромным щитком. Залезаю за этот пулемет, и представляю, какая у него скорострельность и убойная сила. Наверное, духовский или афганский. Раритет. Рядом стоит огромных размеров полуразобранный мотор-дизель. Целый клад полезных гаек и болтов. Выхожу из загона и иду дальше по периметру. Кто-то окликает, конкретно матом. «Куда пресся, ох. ел?» Понимаю, что неправ, возвращаюсь. Действительно, кто-то еще позавчера сказал, что где-то здесь минное поле. Иду назад, сажусь на бетонный порог виллы и начинаю ждать полудня. Становится жарко, и я засыпаю прямо на пороге своего временного дома.

Будит замполит. Рядом с ним Эдик, Иван Иваныч и еще двое офицеров из бригады. Ни фига себе, уже три часа дня. Сколько же я проспал? Идем с усатым Эдуардом обратно в бригаду. Теперь на КПП уже сидит и полу-спит прапорщик, но пароль не спрашивает. Мы доходим до плаца и идем к аллее, останавливаемся возле палаток. Офицер заходит во вторую палатку, у входа которой в левом ряду на панцирной кровати мирно спит, обняв автомат, дневальный. Он осторожно будит его. Боец не вздрагивает, а тихо

автоматически встает, потом опять ложится. Офицер вновь тихонько его трясет. Тогда солдат, уже понимая, что это пришли к нему, поднимается и пытается уловить смысл сказанных ему слов. Бросает на кровать автомат и бежит будить двух бойцов. С верхней койки во втором ряду спрыгивает боец и начинает метаться, ничего не понимая, потом бежит через аллею во вторую сержантскую палатку, потом несется назад к себе. Мы выходим через второе КПП, где нас уже поджидают два УАЗа. Через пять-семь минут из-за «собачника» выныривает БТР. Спереди на броне сержант Андрей, правой рукой держится за пулемет. Он здесь человек уважаемый. Все обращаются к нему только по имени. Зампотыл рассказывает, что они постоянно ездят только с этим экипажем, так как, по его словам, ребята очень надежные.

До кяриза совсем недалеко. Пока два офицера ищут возможные мины у подземного водоема, мы стоим в сторонке и смотрим, как БТР разворачивается пулеметом в сторону реки, у которой нет берегов. Вода и берега сливаются в одно совершенно ровное плоское пространство. Таких рек больше в Афганистане нет. Только здесь. Офицеры купаются, потом начинают ловить маленьких крабов и рыбу. Все они значительно старше меня, и у них ни у кого нет спичек — не курят. Прошу разрешения пойти к бойцам. Никто не возражает, даже особист. До БТРа метров 150–200. Иду по степи, оборачиваюсь. По тому, как внимательно смотрят мне в след офицеры, прекратившие купаться, догадываюсь, что смотреть лучше не в небо, а под ноги. Последние метры одолеваю быстрыми прыжками, стараясь не касаться поверхности. Благоприобретенный в Джелалабаде страх ко всему, что лежит в земле. При моем приближении бойцы запрыгивают внутрь БТРа. Сержант как сидел, так и сидит, даже головы не повернул. Не знаю, как к нему обратиться, и говорю глупое «здравствуйте, нет ли у Вас случайно спичек?». «Случайно есть». У него характерный сибирский выговор и огромные ладони. Сержант стучит два раза чем-то по броне, оттуда вылезает Валера..

…Какой приятный день. И главное, что он никогда не закончится, вечер не придет. Я так хочу, так оно и будет. За беседой не замечаем, как летит время. Возвращаемся в реальность только тогда, когда сержант говорит, что с кяриза уже руками машут. Спрашиваю, можно ли мне обратно с ними в БТРе поехать. Сержант не против, но вот как на это посмотрит особист? Бегу к кяризу, стараясь по своим же следам. Особист против категорически. То, что я так быстро сошелся с солдатами, его настораживает. Едем назад в УАЗе. У «собачника» уже стоит БТР, ребятам еще куда-то ехать. А УАЗы пылят к арыку и «виллам».

Прошу остановиться — не попрощался с бойцами. Бегу к бронетранспортеру. Добежав, понимаю, что никаких слов нет, только эмоции и ком в горле. Я в Кабуле, а они здесь. Спиной ко мне сидит сержант. Я называю его по имени, он оборачивается, в его вдруг широко открывшихся глазах удивление. Откуда я знаю, как его зовут? Валера сказал. Я все же нахожу нужные слова. «Удачи вам, ребята». Сержант протягивает мне руку. Она огромная. Он осторожно жмет мне ладонь — не сломать бы. Ладонь у него как струбцина, в которой зажата моя деревянная заготовка. «До свиданья, может, когда и свидимся» — я смотрю в его широкое и вдруг ставшее совсем добрым лицо. «Да, обязательно свидимся», — говорит он. Можем уже сегодня. Приходи футбол смотреть вечером. «За кого болеть то?». Из люка высовывается Валеркина голова — «За разведроту». На Сержанте великолепные кожаные кроссовки. Я завидую ему. Мне думается, что не так уж все и плохо у них, если у парня такие кроссы. Они смогут постоять за себя. Посмотреть игру не удалось. Борт пришел, как обычно, не вовремя. Солдаты только начали вешать сетку на ворота….

Я встретил сержанта Андрея, спустя 21 год в Санкт-Петербурге. У него все та же огромная ладонь и широкое доброе лицо. Характерный выговор слов. Он уверенно стоит на земле, но уже на железных ногах. Свои потерял на подрыве. Поначалу я постеснялся к нему подойти. Как тогда в Кандагаре у его БТРа, не мог подобрать нужных слов. Но все-таки я нашел слова, потому, что очень хотел и, наверное, всю свою жизнь, ждал этой встречи…

Потом были еще неоднократные командировки в Кандагар. Бала пыль, были взрывы, была кровь. Но свою первую памятную встречу с Кандагаром я запомнил на всю жизнь.

Кандагар, лето 1989 года

На этот раз, прибыли без приключений, на аэродроме встречал бывший командующий Вторым армейским корпусом, а ныне губернатор Кандагара генерал-лейтенант Олюми. Хотя мы с ним раньше неоднократно встречались, он сделал вид, что меня не признал. Еще несколько месяцев назад, когда решался вопрос, выстоит ли власть под напором мятежников в Джелалабаде, он находился в Кабуле. Зато одного старого знакомого из его свиты я встретил. Бывший лейтенант, а ныне капитан афганского МГБ Асадулла, который раньше работал в контрразведке отдела борьбы с бандитизмом, увидев знакомое лицо, приступил к ритуалу «четурасти-хубасти» к вящей зависти иностранцев. Олюми искоса смотрел на наши традиционные излияния дружбы. Вместе с ним в нашу сторону глазела и группа одетых в темные, но чистые одежды душманов, вооруженных автоматами и дисковыми пулеметами. Ветерок раздувал их очень длинные рубахи. Чем-то они отдаленно напоминали членов рок-группы «Ялла», приезжавшей несколько лет назад к нам в Кабул. «Что за персонажи?», — спросил я у товарища Асада. «А ты что, не в курсе? — удивился он. — Это же наши друзья, исматовцы». Я чуть не подавился от неожиданности. То, что Исмат Муслим уже давно контактирует с властями и имеет звание генерала, я, конечно, знал, но чтобы вот так, просто, эта бандитская рожа стала вдруг другом Олюми? Верилось с трудом. Некоторое время назад он приезжал в Кабул на джиргу пуштунских племен, где произвел на окружающих неизгладимое впечатление своей пламенной речью, криками с трибуны и чтением каких-то душманских стихов. О том, что этот персонаж был «популярен» в народе, могло свидетельствовать то, что из желающих его «замочить» могла бы выстроиться очередь, в которую плечом к плечу встали бы его соратники по борьбе с народной властью вплоть до 1985 года, сотрудники Службы государственной инфоромации (ХАД) и царандоя, которым он испортил много крови. Не говоря уже о советских военных.

«Ты еще не все знаешь, сказал Асад. — Исматовцы теперь полностью контролируют город, по существу вся власть принадлежит им и еще немножко… царандою. Мы сейчас не в фаворе». Что МГБ здесь несколько не «при делах», я понял как-то сразу, посмотрев на погоны Асадуллы. За три года мог бы и побольше подрасти в звании на столь ответственном участке фронта. Да уж, времена меняются, вот и Исмат Муслим в «дружбаны» заделался. От таких друзей надо будет держаться

поодаль, подумал я, сразу вспомнив про объятия с «куратором» этого отребья. — Неровен час, и прибьют где-нибудь в кустах.

Кто такой Исмат Муслим — отдельная история. Он был зверем со стажем. В апреле 1981 года вооруженная группа, принадлежавшая к группировке «Федаине ислам» (Федаины ислама), возглавляемая Исматуллой Муслимом, похитила в первом районе Кандагара учительницу сельской школы по имени Латифа. Под покровом ночи ее увезли из города. По свидетельству очевидцев, в одном из кишлаков учительницу раздели догола на глазах согнанных к месту экзекуции крестьян. Бандиты долго глумились над женщиной, после чего разнесли ей череп из пулемета.

2 мая 1981 года вооруженный отряд Исматуллы Муслима в уезде Панджваи провинции Кандагар под покровом ночи атаковал мирную деревню, в которой был избран представитель государственной власти. В результате нападения было убито и ранено более 30 человек, среди которых — женщины и дети. Чтобы замести следы, бандиты согнали раненых в центр кишлака, облили керосином и сожгли заживо. После этого оставшиеся в живых жители деревни, побросав скудный скарб, ушли в Пакистан.

Этот список злодейств Исмата можно было бы продолжать до бесконечности. Однако местные власти и ХАД посчитали, что лучше иметь дело с ним, чем с представителями других пуштунских кланов и экстремистских контрреволюционных организаций. По данным Асадуллы, «под ружьем» у Исмата в 1989 году стояло до четырех с половиной тысяч вооруженных «малишей» — членов пограничных вооруженных формирований. «Малиши-плохиши», узурпировав власть в городе, тем не менее, помогали сдерживать атаки «непримиримых», коих вокруг Кандагара было в избытке. Вокруг второго пояса обороны города выгодные позиции оседлали более тысячи боевиков из гульбеддиновской ИПА под предводительством некоего Саркатеба Ага-Мохаммада. За горами «ГСМ» расположились около 900 человек из группировки Абдула Расула Сайяфа. По словам Асадуллы, к счастью, они были не так агрессивны, как гульбеддиновцы. Костяк враждебных группировок составляли выходцы из пуштунского клана нурзаев, в то время как кланы дурани и очагзаи, если не поддерживали, то «сочувствовали» народной власти. Да это было и не мудрено — сам Олюми принадлежал к клану дурани. К несчастью, мой знакомый Асадулла принадлежал к другому клану — клану МГБ, и этим все сказано. Ему приходилось лавировать между ними всеми, чтобы сохранить жизнь себе и своей семье.

Пока решались организационные моменты (ждали БТРы), я решил прогуляться с Асадом по «ряду», где раньше проживали хадовские советники. Квартиры-клеточки стояли заброшенными. В одной половине ряда еще жил обслуживающий майдан персонал, в другой — не было даже дверей. Все было утащено и разграблено. В месте дислокации советской части расположился полк из состава Второго армейского корпуса, отражавший ночные атаки душманов. В степи за аэродромом стояла развернутая в сторону Тор-Коталя дальнобойная артиллерия. По периметру аэродрома в вырытых укрытиях ощетинились орудиями танки. «Надо поторапливаться, — сказал Асадулла. — Если ты еще помнишь, два часа дня — крайний срок для въезда в город или выезда за его пределы. И то уже неприятно. А сейчас в Кандагаре самое опасное место — аэродром». Разговор мы продолжили уже на броне, пыля по знакомой «дальней» дороге в сторону Кандагара. Что меня сразу порадовало — так это распоряжение Олюми внутрь БТРов не влезать, так как на пути могут быть мины. Вообще афганцы были молодцы, прагматики. Они жили реалиями, их за убитых гражданских в звании не понижали, и война была для них элементом повседневной жизни, просто как воды попить.

Вдоль дороги возникали знакомые и близкие сердцу пейзажи. Вот слева в чистом поле у дороги каменная будка — то ли сортир, то ли царандоевский пост, правда, в ней никого нет. Вся колея в пулеметных гильзах. Много не раздавленных, значит, стреляли еще недавно. Знакомый перекресток двух дорог, напрочь «уделаный» колесами и гусеницами военной техники. Останавливаемся. Олюми слезает с первого БТРа, к нему подходят едущие вслед за ним на пикапе «Семург» дружественные душманы. О чем-то шепчутся. Потом БТРр тихо преодолевает перекресток и берет левее от дороги, там, где растет редкая желтая травка. Мы двигаемся за ним, потом, метров через двести вновь втыкаемся в колею и уже весело мчим вперед. Справа от дороги ООНовский городок. Машу Олюми руками, чтоб остановился. Тормозим, но он говорит, что внутрь входить нельзя, городок уже принадлежит своим старым «новым» хозяевам. И правда, рядом с одной из белых вилл торчит из-за куста задница Лэндровера, на котором синим по белому выведено UN. Вот так, это — уже первые воспоминания о царившей здесь когда-то жизни. А сейчас и охранения никакого нет. Как они тут живут, эти ООНовцы? Может быть, ночью в город перебираются? Чудны дела твои, Господи…

Справа от дороги большой шлагбаум, отгораживающий ничто от ничего. По периметру, как бы очерчивая большой

прямоугольник, лежат средней величины белые камни. Этот странный объект так и останется для меня на всю жизнь неразрешимой загадкой. Американцы что-то фотографируют. А я думаю, что, если бы ученые придумали такой прибор, что можно было бы печатать фотографии прямо из головы, то и с закрытыми глазами получались бы хорошие картинки. Пошли зеленя, первые придорожные дуканы. Опять эти недружелюбные, настороженные взгляды. Город врагов, пропитанный ненавистью к шурави. Что же здесь изменилось? Да почти ничего, если не считать того, что Кандагар сильно разрушен. Я еще не видел последствий советской бомбардировки, произведенной 8 декабря 86-го, что уж говорить о периоде, когда Кандагар жил без советских войск. Теперь кое-что вижу.

Напротив того места, где раньше стояло кафе-дукан под вывеской «Тойота», останавливаемся. Знакомый райончик, но кафешки уже нет. Угла стены, стоявшей напротив метрах в пятнадцати, тоже нет. За стеной — какие-то руины. Прямо — дорога на ГСМ. Все узнаваемо, но все уже чужое. Бэтэры облепляют бачи (дети). Ингризи? Фэрансави? Амрикаи? Они галдят и стараются что-нибудь украсть. Я подминаю сумку задницей и спокойно говорю — шурави. Не верят. Тогда ругаюсь матом. Неистребимая войной детская радость. Пожалуй, они — единственные, кто вспоминает нас без лютой ненависти. Шурави, шурави, е… твою мать, хорошо, давай бакшиш, сигарет давай! Засовывают в рот грязные пальцы, давая понять, что голодны. Асад отгоняет их как мух — «буру, буру, бача!» (идите отсюда, дети). Трогаемся — едем в резиденцию Олюми. Она размещается в старой крепости. Туда исматовцев не пускают, да они особо и не рвутся. Здесь — царство царандоя. К Олюми подходит красивый, довольно высокий мужик с орлиным взглядом, очень ухоженный, в чистой царандоевской форме. Это Сардар — «моавенэ аваль» — первый заместитель губернатора. Он, похоже, здесь всем и распоряжается. Говорит исключительно на пушту, на дари переходит редко, о чем-то подолгу беседует с начальником. Нас приглашают в кабинет Олюми — комнату, обставленную в духе афгано-советской дружбы, но с новомодными элементами влияния ислама. На столе рядом с государственным стоит и зеленый флажок.

Губернатор начинает объяснять обстановку в городе. Первый неприятный момент — старейшины племен и муллы уже почему-то знают, что в группе журналистов есть шурави, поэтому запланированная с ними встреча отменяется. Они напрочь отказываются общаться с представителями СССР. Про себя отмечаю: ну и бачи — проныры. Все же Кандагар каким был —

таким и остался. «Сороки» с длинными хвостами по всему городу летают, да как быстро…

Обстреливать город из минометов и реактивными снарядами, продолжал меж тем Олюми, в настоящий момент могут только пять процентов душманов из числа «непримиримых». Это — гульбеддиновцы и сайяфовцы. Но сайяфовцы — в основном ваххабиты. Кандагарцы в религии — традиционалисты, поэтому этих бандитов, которые воюют на саудовские деньги, особо не жалуют. Правда, часть молодежи уходит к ним в погоне за «длинным» афгани. Саудовская Аравия проплачивает наступления на Кандагар из расчета 120 миллионов афгани за каждое. Когда моджахеды штурмовали Джелалабад, продолжал Олюми, внимание от Кандагара было отвлечено. А ведь мы выдержали сначала одно, а через две недели и второе массированное наступление. Сейчас в группах моджахедов идет своего рода «брожение». Кое-кто пытается объединить усилия для нападения на город, а кое-кто идет с нами на контакты.

Если вы пойдете на базар, радостным голосом сообщил здоровяк-губернатор, то увидите, что 80 процентов дуканщиков — моджахеды. Они приходят на городские базары отдыхать после боев. Оружие сдают на постах первого пояса обороны. Раньше приходили на 2–3 дня в месяц, потом шли на позиции. Теперь задерживаются на 15–20 дней. За их счет увеличилось население города. По сравнению с периодом, когда в провинции находились советские войска, оно выросло в 4–5 раз. «Батюшки, — подумал я. — Это ж трое из четырех кандагарцев — духи!». Тем временем губернатора понесло. Незаметно для самого себя он потихоньку перешел на пропагандистскую болтовню, изредка сдабривая ее скудной информацией. Русские, продолжал он, ушли из Кандагара раньше намеченного срока, хотя Кандагар, по планам советского военного командования, должен был стать последним пунктом, который покинут подразделения советских войск. Теперь бывшим душманам не за чем биться с правительственными войсками. Кто такие моджахеды? Это не те, кто хочет разрушить город, это — честные люди, которые хотят сделать его свободным.

Вот те на, куда же мы попали?. Честные моджахеды. В мозгу сразу всплыли угрюмые рожи исматовцев.

Олюми захлебывался, вещая о своих достижениях. Каждый день, говорил он, я принимаю от пяти до пятнадцати командиров вооруженных групп, которые жалуются мне на свои проблемы. Никто, правда, не знает, что я их здесь принимаю. Да и не только здесь, но и в других местах. Стоп! Явная специально сделанная утечка информации с целью донесения до кабульских властей.

Отмечаю в блокноте — переговорить с его братом в отделе ЦК. Наверное, готовит почву для занятия какого-то крупного поста в столице. Я встречаюсь с душманами, не снимая военной формы, продолжал Олюми. Когда наступит мир в нашем городе, я расскажу, как и где мы встречаемся. Начальника моей охраны пытались подкупить за большие деньги, подговаривали меня убить. Он посмотрел на сидевшего рядом Сардара. Да, такого подговоришь, пожалуй. Сам кого хочешь убьет без всяких денег. Я посмотрел на руки сидевшего на стуле царандоевца. Ладони были грубые, шероховатые, выдавая в нем, несмотря на внешний лоск, сурового бойца. Сейчас, продолжал губернатор, душманы готовят новую крупную операцию, пытаются захватить аэропорт.

Эта информация полностью совпадала с той, что снабдил меня Асадулла. Хитрый паренек из числа американцев не преминул уколоть толстяка, спросив, как согласуется все выше сказанное с вооруженной борьбой Олюми против душманов в должности командующего армейским корпусом и принципами марксизма — ленинизма. «Какой там марксизм? Какой ленинизм? У нас родоплеменные отношения не решены, — парировал губернатор. — Это все Тараки и Амин, которые, используя СССР, пытались проталкивать в жизнь эту вредную идеологию». Да, подумалось мне, слышал бы его сейчас убиенный Хафизулла Амин.

Настала очередь и мне задать свой вопрос. А что, товарищ Олюми, если вам предложат должность в Кабуле, поедете? Он почти с облегчением вздохнул и довольный, поглаживая живот, произнес: У нас, афганцев, есть такая пословица — «Я еще не все сделал на земле, чтобы парить в небесах».

Через некоторое время он уедет из Кандагара в Кабул, а его заместитель Сардар и «друг» Исмат останутся делить Кандагар между собой.

Весь следующий день мы провели на «экскурсиях» по городу. Посмотрели пушки на кругу по дороге за воротами «Идгах» (место праздничных церемоний), иностранцы делали фотографии, но далеко от машин не отходили. По городу нас возили царандоевцы на подаренных Исматом Муслимом белых джипах-«Тойотах». Причем на двух из них были флюоресцентные белые с красным номера. 001 — у Олюми, и 002 — у Сардара. Вот дают ребята. Их здесь каждая собака, наверное, знает. Местные дуканщики в старом городе Сардара пугались, подобострастно с ним здоровались, чего нельзя было сказать о губернаторе. Повсюду за нами ездили на пикапах молчаливые исматовцы. Сардар «гасил» все мои попытки войти в контакт с этими головорезами. Это получалось у него как бы невзначай, очень

интеллигентно. Вроде ничего и не делал, а подойти и поговорить с ними я так и не смог, впрочем, как и другие члены нашей группы.

Вечером в крепости, приустав от бесцельных скитаний по городу, я пожалел, что не взял с собой водки. В голове стал зреть коварный план. В этом городе почему-то в голову лезли какие-то безумные мысли. Подозвав АПНовца Андрея Правова, я завел разговор на тему спиртного. Вскоре к нам присоединились все члены нашей группы, включая двух сопровождавших группу кабульских «работников посольства». Тут я решил провернуть старую штуку — узнать, насколько быстро распространяется в этой среде информация. «Вот бы сейчас за спиртом съездить. Наверное, «навадо шаш» (цифра 96) — так в Афганистане называли спирт — в каждой аптеке имеется», — проговорил я, ни к кому не обращаясь. Через 15 минут ворота и входы в крепость закрылись и у них были выставлены усиленные посты народной милиции. Ай да царандой, вот как нас бережет. Через полчаса всех, исключая иностранцев, почему-то по одному, стали приглашать в кабинет Олюми. Там, как оказалось, свершалось таинство принятия внутрь алкоголя. «Посольский» твердой рукой наливал каждому полстакана водки и давал запить фантой. Губернатор взирал на эти процедуры так, как будто это было самым обыденным делом. За ужином, в котором принимали участие все, включая иностранцев, губернатор по одной извлекал из бездонных недр пристольной тумбы бутылки с пакистанской водкой без винтовой пробки, с «козырьком»». Подготовился.

Потом начали обсуждать программу на завтра. Тут я, ни с того ни с сего, выступил ее инициатором. Товарищ губернатор, обратился я к здоровяку, который, как мне показалось, за ужином подозрительно щурился в мою сторону, если тут все так мирно и хорошо, может, съездим на второй пояс обороны, посмотрим царандоевские и армейские посты? Заодно бы и выяснили, что нужно из центра для усиления безопасности города. Тут встрепенулся Сардар. А я и не подозревал, что он по-русски понимает. Он сам, вероятно, не хотел этого показывать, сразу собрался. И заговорил спокойно на пушту с Олюми. Но одна выпитая им «за победу» рюмка водки все же сделала свое дело. За всем этим толковищем следили ничего не понимавшие иностранцы. Им переводить с дари смысл разговора никто и не собирался. Их переводчик отлучился по малой нужде, а среди нас — бесплатных не было. Это мы с первых минут обозначили довольно понятным для капиталистов языком.

Наверное, Черт услышал мои слова. Посты мы увидели во всей красе…

Рано утром, погрузившись в две Тойоты и УАЗик, мы двинулись из Кандагара на эти, будь они неладны, посты. Я, естественно, залез в УАЗ на заднее сиденье. Слева от меня сел один из подчиненных Сардара, справа — корреспондент «Литературной газеты». На переднее сиденье упал немец из ФРГ. Ни по-русски, ни по-английски он не говорил, что меня вполне устраивало. Задняя форточка на УАЗе отсутствовала, вероятно, для лучшей циркуляции воздуха в салоне. Тронулись, помолясь. Все шло тихо и спокойно. Справа на горке возвышалась уже неоднократно виденная мной кишмишхана. Запомнилась потому, что ни в одном другом городе строений с подобным названием не встречал. Я не переставал удивляться — какой же я все-таки Фома неверующий, Олюми не поверил. А духов-то, действительно, нет. По пути на перекрестках попадались блокпосты, оборудованные пулеметами ДШК или ЗГУ (зенитная горная установка). Поблизости, закрытые масксетью, стояли японские пикапы, в кузовах которых топорщились маленькие минометы и безоткатные орудия. Исматовцы. Завидев увязавшихся с нами «друзей», они что-то громко кричали, а потом лезли целоваться с соплеменниками. На каждом блоке задерживались минут по десять, ждали, пока кончатся излияния нежности. Кое-где во дворах, за серо-коричневыми дувалами разрушенных домов, кучковались армейцы. Техники у них не было — только стрелковое оружие и минометы. Их было подозрительно мало. Это и был так называемый первый пояс обороны.

В «зеленке» было тихо, впрочем, как и на открытых участках местности. Так и ехали себе, потихоньку удаляясь от Кандагара. Исматовцы незаметно для глаз растворились где-то в кустах, и нас дальше не провожали.

Первые позиции армейцев. Вкопанные в землю танки, развернутые орудиями вправо от направления нашего маршрута, в сторону холмов, поросших редкими кустами. За холмами справа и чуть за спиной тянулась гряда темных гор. Мы ехали довольно медленно. Кое-где даже спешивались, делая фотографии. Затем дорога повернула круто влево, и мы стали двигаться, по словам сидевшего в машине царандоевца, к самым дальним — восьмому и девятому постам.

Неладное случилось уже на подъезде к восьмому посту. Раздался вой сначала одного, а потом сразу нескольких РСов. Где они рвались, понять поначалу было невозможно. Но когда в нашу сторону полетели мины, их, пожалуй, можно было бы при большом желании даже рассмотреть в полете. Били маленькими. Очень прицельно. Недолет, констатировал я про себя, обернувшись к «форточке». — Перелет. Вторая мина взбила клубы

пыли перед головной машиной. Ну, подумал, сейчас точно по нам. Додумать не успел — мина уже прошибла метрах в двадцати от УАЗа глиняный дувал, за котором располагалась выложенная из саманных кирпичей землянка афганских солдат. Мы остановились — дороги видно не было. Наволокло пыли. Колея шла по уступу холма. Солдаты были ниже и выше нас, мы же застряли между позициями.

В мозгу фотографией отпечаталась странная картинка: сарбазы стоят в ряд, перед ними сержант речь толкает, а за их спинами мина разносит дувал. А они стоят, худые как щепки, не шевелятся. Сами все цвета пыли. На головах кепки, скрывающие бритые головы и оттопыренные уши. Сержанту мины — до фонаря, он солдат за что-то отчитывает перед проезжающим начальством. Еще одна мина опять в тот же дувал — только камни летят. А они все стоят и не двигаются. Афганские солдаты. Пушечное мясо, которое никто и никогда не вспомнит. Разве что мельком, помянув всуе «зеленых». Сколько же их погибло на этой войне. Крестьян-бедняков, которым до фонаря была вся эта лениниана. Что они видели в своей жизни, кроме нищеты и горя? Ни достатка, ни женщин, ни еды вдоволь. Может, только солнце и горы были их счастьем? Их ловили на улицах городов, сгоняли из кишлаков, разлучая с родными и близкими, бросали умирать в окопах непонятно за что, непонятно зачем, заставляли стрелять в своих. А они, если не удалось сбежать, молились тихо своему богу. Уходили так же тихо и незаметно. Их просто зарывали в ямы, над которыми не всегда и ленточки зеленые развевались. И несть им числа…

Из сомнамбулического состояния вывел очередной разрыв, осколки камней хлестанули по машине. Пора было что-то предпринимать. В пыли мы все же успели заметить, как в разные стороны дали газу белые «Тойоты». Нам тикать было некуда — можно было сорваться с дороги и уехать к афганским солдатам вверх колесами. Выскочив из авто, мы укрылись в какой-то каменной ложбине. Когда пыль на дороге чуть рассеялась, крадучись посеменили к УАЗику. Водитель втопил педаль в пол, и мы подобно ракете дали ходу вперед. Как только автомобиль стал двигаться, мины полетели опять. Вероятно, корректировщик огня сидел где-то совсем близко. В мозгу промелькнула еще одна нерадостная мысль — а куда, собственно, мы едем? Впереди — девятый пост. Чем он лучше? До него добрались кое-как, блуждая по пыли. Одна из «Тойот», в которой находился Сардар, уже была там. Вся группа тоже. Другой джип вместе с Олюми ушел прокладывать дальнейший маршрут движения. Сардар повеселел, увидев нас живыми и невредимыми. Нас его присутствие тоже

взбодрило. Тут я, наконец, вполне удостоверился, что он владеет русским языком, хотя мне было легче говорить с ним на дари, чтобы другие не приставали. Огляделись вокруг.

Этот с позволения сказать «пост» представлял собой некое подобие Мамаева кургана, на который в детстве меня возили родители. На нем не было живого места — все в воронках и окопах, блиндажах, землянках и прочих аксессуарах, свойственных боевым действиям. Те же закопанные танки в количестве двух штук, блиндажи, ходы сообщения, ячейки. Внизу рядом с передовыми позициями лежала оторванная танковая башня. К ней вел ход сообщения, причем последние метров десять — под землей. Сардар сказал, что это — отличный наблюдательный пункт, в котором время от времени сидит корректировщик огня с биноклем. А что он собственно корректирует, спросил я у Сардара? — Потом увидишь, батареи дальше стоят, ответил он.

Еще значительно левее на соседнем холме раньше, по всей видимости, находились позиции нашего подразделения — обращали на себя внимание очень аккуратные окопы, укрепленные деревянными бревнами. И откуда только деревьев понавезли?

Минут через пять все журналисты и сопровождавшие их царандоевцы набились как сельди в бочку в «Тойоту» и УАЗ и, оставляя пост снизу, поехали дальше, огибая Кандагар по большой дуге — справа налево. Скатились с холмов в низину, где стояла артиллерия. Две огромные горные пушки и установка «Ураган». Машины сбили в кучу, сами пошли к артиллеристам. Тут выяснилось, что немец исчез, вернее, остался на девятом посту. В суматохе и давке отсутствие его, щупленького, никто и не заметил. Мне с Сардаром пришлось ехать за ним обратно на девятый пост, других желающих не нашлось. А мне было очень даже приятно. Сидя в УАЗе с командиром царандоя и цепляясь за переднее сиденье, чтобы не вылететь подобно птице через брезентовый верх крыши авто на ухабах, я испытывал давно забытое чувство легкого напряжения атрофировавшихся нервов, грудь щекотало какое-то свойственное только зверю предвосхищение добычи, чего я не испытывал уже очень давно.

Пока искали фрица, прошло еще минут пять. Он себе преспокойненько сидел в афганской землянке и таращился на сержанта, который пытался ему что-то втолковать на пушту. Подхватили его за шкирдон и мотанули вверх по горе, бежали очень быстро и слаженно, не останавливаясь. Склон был совершенно голый. Зелени вообще никакой не было — совсем открытая местность. Мы поднимались вверх, куда указывал

Сардар, потом провалились в хорошо оборудованный блиндаж с широкой панорамой обзора. Завыли РСы. Они рвались мощнее, чем мины. Изредка позиции накрывал шлейф из осколков и камней, и земля клубилась мелкими барашками пыли. Было такое ощущение, будто двадцать охотников в раз выстрелили дробью по земле. Но прицельности не было никакой. Ракеты падали хаотично, куда хотели.

Вернувшись к артиллеристам, мы плюхнулись на расстеленное одеяло, я с удовольствием закурил «Яву» из мягкой пачки, после чего вновь вернулся в «замороженное» состояние. Олюми, обрадовавшись, что все в порядке, сразу «прозрел» и, «вспомнив» меня, стал расспрашивать о жизни в столице. Огромный хитрый бычара был явно доволен, что поездка удалась, и никто не пострадал. Прожевав финики, которыми нас одарили артиллеристы, он окончательно развеселился и приказал командирам расчетов произвести показательный залп. Все цели, понятно, были давно пристреляны, но офицеры для порядка повертели какие-то многочисленные ручки и даже посмотрели через приборы в небо — орудия были задраны именно туда. Когда я глянул на снаряды, которые сарбазы тащили на железной телеге с подъемником к закрепленным на каких-то станинах, похожих на гигантские домкраты, пушкам, подумал, что наводить вовсе и не надо. Снаряды были гигантские, длиной с афганского подростка. Если эта «дура» рванет, то погребет под собой все живое в радиусе полукилометра. Лучше бы они, конечно, не стреляли.

Грохнуло так, что не только сарбазы, но еще и несколько человек из состава иностранного контингента повалились навзничь, а открытые рты сразу наполнились пылью и песком. Одновременно застонала реактивная установка. Белая и плотная как сырая мука пыль в мгновение ока окутала ложбину, в которой мы находились. Невозможно было рассмотреть даже пальца, поднесенного к носу. Но это было лишь началом дурацкого курьеза. Как только отстрелялись артиллеристы, в нашу сторону полетели РСы. Я интуитивно стал перебираться поближе к орудиям. Подумал, что если водители автомобилей вдруг решат тиканути, то в этой пыльной мгле передавят всех. Но ничего такого не произошло. Снаряды рвались, не причиняя ни малейшего вреда. Нужно отдать должное артиллеристам — позиция была ими выбрана идеальная. В ложбину снаряды могли попасть только на излете, а траектория их полета была несколько другой. Они или врезались в сопку с недолетом или, перелетая низину, уносились куда-то в светлую даль. Когда возвращались в город, в машине мы сидели с царандоевцем уже вдвоем. Остальные попутчики пересели в Тойоты — сказали, что машина

«невезучая»: в поездке по постам мы лишились зеркала заднего вида, выбитого влетевшим в «форточку» осколком и правого бокового, отбитого камнями.

Вечером после ужина, на котором отказался от водки (!), я совершил моцион по крепости, взобравшись по коричневым ступенькам, вырубленным из пористого камня, на самую верхотуру. Оттуда с удовольствие лицезрел гору Филькух (Слон-гора) и слушал надсадный вой муэдзинов. Ну и дела. Одни духи в городе, другие за городом. Друг друга уничтожают. Какая ж тут может быть революционная или народная власть? Да и могла ли она здесь существовать вообще? Вряд ли.

Когда на следующее утро мы пошли на один из базаров старого города, я еще больше укрепился в этой мысли. Мы съездили без иностранцев к «военному городку», вернее к тому месту, где некогда в городской черте жили семьи старших офицеров Второго армейского корпуса афганской армии. Сплошные завалы из спрессованного саманного кирпича и песка. Это — результаты бомбардировки с воздуха советской авиацией «душманских позиций» в декабре 1986 года. Тогда из Кандагара в Кабул сплошным потоком шли борты, груженые умирающими безрукими и безногими детьми и женщинами. Весь госпиталь «Чарсад бистар» был забит ими до отказа. Мужиков выкатывали из палат, а на их место поступали все новые и новые раненые. Тогда на Кабульском аэродроме началась заварушка. Афганцы под угрозой расстрела из зениток отказывали нашим бортам в посадке и принимали только транспортники из Кандагара. Усмирять их туда поехали десантники на БМДшках. Тогда же сорвалась и планировавшаяся Варенниковым очередная безумная крупномасштабная афгано-советская операция. Афганские офицеры, потерявшие близких, дезертировали, в массовом порядке переходили на сторону душманов или становились их пособниками.

По городу «с похмела» отработали «грачи», за штурвалом одного из которых находился лично замкомандира авиаполка. Ошибочный бомбовый удар пришелся по площади «Пушкина». Пушкинской эту площадь окрестили советские солдаты потому, что клумбу со старинным памятникам героям афгано-британской войны, стоявшую посредине площади, украшали старинные пушки, символизировавшие непобедимость афганского ополчения. Площадь и окружавшие ее постройки исчезли с лица земли. Чудным образом невредимым остался только памятник. Начальник отдела обороны и юстиции ЦК НДПА Абдул Хак Олюми, сам уроженец Кандагара, проводил расследование инцидента, пытаясь установить виновных. Однако советское

военное командование всячески прикрывало дебилов, уничтоживших мирных граждан. Была создана даже смешанная афгано-советская комиссия по расследованию инцидента. Однако все усилия Олюми восстановить справедливость наталкивались на стену корпоративной выручки советских военных. Ничего не принесла и поездка Олюми в Советский Союз и его беседы с руководством страны. Чтобы вывести из-под удара воздушных «диверсантов», была придумана легенда о том, что Кандагар разбомбили афганские летчики. Но эта попытка переложить ответственность за «беспредел» на афганские плечи, была обречена на провал. Никто из афганцев не собирался брать на себя ответственность за содеянное. В противном случае его ждала бы неминуемая смерть от родственников погибших. В результате советские военачальники выдумали новую версию происшедшего. По их версии, Кандагар разбомбила советская дальняя стратегическая авиация, сбросив на город трехтонные бомбы. Наказывать советских летчиков, находившихся в СССР уже было просто невозможно. В результате эта история была похерена. Однако многие афганцы помнят ее до сих пор.

Разбомбленная советскими штурмовиками «Пушкинская» площадь в Кандагаре сегодня называется «Да шахидан чоук» (площадь шахидов). На ней все так же стоит памятник афганским воинам, сражавшимся с британцами и все те же пушки. Шахиды — то есть погибшие за веру — это не убийцы-смертники или террористы, а как раз наоборот. В православии этому слову соответствует понятие «мученик». Шахид — это миротворец. Это тот, кто сознательно отдал свою жизнь за веру, пытаясь словом Божьим восстановить мир и справедливость на земле.

Со многими из них я познакомился в Афганистане. Тогда я еще не знал, что почти всем этим добрым и мудрым людям суждено будет умереть. Но так уж судьбой было начертано. Прошло столько лет, а из памяти никак не стираются их открытые лица, умные глаза, взвешенные слова и осторожные жизненные наставления. Их имена, как и имена христианских мучеников, тоже должны быть внесенными в летопись жизни. Они все были разными. Некоторые приняли Апрельскую революцию, некоторые нет. Но общей, объединяющей их чертой было миротворчество. И самые открытые сердцем к людям умирали раньше других.

К весне 1983 года, когда страна готовилась отмечать 5-ю годовщину Апрельской революции, почти треть священнослужителей, входивших в Высший Совет улемов и духовенства Демократической Республики Афганистан, была уничтожена бандитами. Потери в рядах священников, вставших на сторону бедняков, были огромны. Главари контрреволюции,

существовавшие на деньги США, поняв, что их влиянию на простых крестьян приходит конец, щедро проплачивали варварские «акции устрашения», направленные на физическое устранение неугодных им мулл.

Остается лишь поражаться мужеству этих не защищенных никем и ничем людей, которые ежедневно и ежечасно под угрозой расправы продолжали проповедовать среди неграмотных людей идеи равноправия и справедливости, призывали их встать на путь обновления, пользоваться по справедливости землей и ее плодами.

Среди афганских шахидов было много популярнейших и любимых народом священнослужителей. Один из них — маулави Мохаммад Карим Кандагари — родился в 1891 году. Во времена правления Аманулллы Хана он участвовал в освободительной борьбе против британских колонизаторов. На войне ему искалечило руку, повредило глаза. Но это не мешало имаму-просветителю ежедневно общаться с прихожанами и обращаться к ним с проповедями в кандагарской мечети «Мулла Мохаммад Усман» у ворот «Идгах», которая стояла рядом с «Пушкинской» площадью в центре Кандагара. Карим не сотрудничал с НДПА и центральным правительством, но и не перешел на сторону его врагов, хотя они этого долго добивались. Все, чего он хотел, был мир для кандагарцев и свобода, за которую он отдал в свое время здоровье на войне. Однажды он увидел, как один из мятежников пытался наклеить на стену его мечети листовку антиправительственного и псевдоисламского содержания. Подойдя к нему, он сказал: «Что ты можешь знать об Исламе, торговец?». Когда тот сказал ему, что он не торговец, а воин, имам возразил ему: «Воин воюет с врагами, а ты торгуешь нашей религией». В тот день после вечерней проповеди сын имама как обычно вел его за руку, полуслепого, домой. Воспользовавшись сумерками, бандиты устроили засаду и позорно, из-за угла расстреляли имама и его сына.

Уроженец уезда Таринкот провинции Урузган маулави Рахматулла, которому не было еще и 37 лет, получил в народе прозвище «мулла-ага» (мулла — уважаемый господин), за свою несгибаемую волю и бесстрашие, стремление вернуть к мирной жизни крестьян, которых загнала «под ружье» контрреволюция. 37 лет для настоятеля крупной мечети — почти детство. Но именно в этом возрасте Рахматулла стал членом Высшего совета улемов и духовенства ДРА и имамом соборной мечети в Таринкоте Этот парень не боялся никого и ничего. Мог запросто, без оружия отправиться в логово душманов и вести там переговоры о добровольной сдаче оружия. Зная его популярность в народе и

привычку не носить при себе оружия, душманы заманили его на очередные «переговоры», куда он незамедлительно явился. На месте встречи его уже поджидал наемный убийца. Сам того не подозревая, этот купленный за деньги афганец превратил Рахматуллу в шахида, а себя — в Иуду. Афганцы, выжившие в той гражданской войне, будут помнить обоих.

Популярный в среде узбеков маулави Абдул Хаким Джаузджани родился в 1916 году в уезде Сари-Пуль провинции Джаузджан, долгое время возглавлял религиозную школу «Гузери-Шахин». Еще при Захир-Шахе Хаким в течение двух лет был выборным сенатором от провинции Джаузджан и представлял в высшем законодательном органе страны интересы своих соплеменников. В 1981 году его сожгли вместе с его религиозной школой бандиты.

35-летний маулави Насрулла Гардези, уроженец деревни Кухсис уезда Саид-Карам провинции Пактия, погиб, защищая родной кишлак от врагов. Помимо чтения проповедей в мечети этот священник организовал отряд местной самообороны и участвовал в переделе земли в пользу бедняков. На Джирге (высшем собрании) мулл и старейшин Саид-Карама его избрали членом Высшего Совета улемов и духовенства Афганистана. Но побыть в этой должности он успел лишь два дня, после чего геройски погиб с автоматом в руках на пороге собственного дома.

Видный таджикский религиозный деятель, уроженец уезда Сорх Парса провинции Бамиан шейх Саид Камаль Аббаси тоже погиб, когда ему было всего 35. Он был инициатором и вдохновителем проведения Первого съезда улемов и духовенства Афганистана, на котором выступил с призывом к афганским муллам не щадить жизней во имя блага народа. Это был первый афганский священнослужитель, который обосновал преимущества нового строя перед феодальным с точки зрения исламских постулатов. Он же первый и произнес слова о том, что если традиции землевладения в Афганистане столь несправедливы, то их следует ломать, дабы земля стала достоянием не только феодалов, но и простых людей. Враги не простили ему этого выступления. В сентябре 1980 года он пал от рук наемных бандитов.

Проплаченные валютой «борцы за свободу ислама» не щадили и религиозных деятелей, широко известных не только в стране, но и во всем исламском мире. Маулави Асадулла Насрат Андхои, сын аль-хаджа Джари Хабибуллы, постиг все религиозные дисциплины, когда ему еще не было и восемнадцати. Уже в этом возрасте он возглавил религиозную школу в Андхое и продолжил обучение у известного теософа

муллы Абдула Гаффура. Асадулла Насрат учился за рубежом, в совершенстве владел множеством иностранных языков. Во время одного из своих хаджей в Мекку он встретился с настоятелем священной Каабы, который лично позволил ему начертать на одной из каменных плит, лежащих у подножья священного камня, хадис из Корана. Насрат был известным поэтом и писателем. Его перу принадлежат всемирно известные труды «Капля в безбрежном океане Корана», ставшие классикой переводы с арабского на дари и турецкий сорока хадисов Священной книги.

Помимо исполнения своих обязанностей имама соборной мечети «Аль-Фарук» в Анхое он возглавлял религиозную школу «Абу Муслим» в Маймане, затем стал главой школы «Дар уль-Хефаз», в которой увековечена память о Коране. Переход религиозного деятеля столь высокого уровня на сторону революции означал, что многие представители духовенства рано или поздно склонят головы перед его авторитетом и перейдут в стан защитников апрельской революции.

Асадулла Насрат многого не успел доделать в своей жизни, однако именно он стоял у истоков создания Национального отечественного фронта, который объединил в годы революции в своих рядах десятки религиозных и общественных организаций Афганистана, организовал проведение подготовительной конференции к Первому съезду Высшего совета улемов и духовенства. Он, как и сотни других честных священников, погиб.

Не их вина в том, что в Афганистане не получилось построить общество взаимного уважения, равенства и справедливости, а все утонуло в крови. Имена честных мулл, маулави, имамов, муэдзинов поднимались на щит, в том числе и теми, кто в «мутной воде» революции ковал свое личное благополучие, мало думая о своем народе. Конечно, они заблуждались, наивно полагая, что настал именно тот момент, когда можно на деле осуществить принципы социальной справедливости, завещанные правоверным пророком Мухаммедом. Они погибли, но стали шахидами.

Вспоминая многих из них, я часто думаю, как бы они улыбались, если я вдруг спросил бы их, кто такие «шахидки» или что такое «пояс шахида». Но не осмеяли бы меня, а просто сели бы на ступеньки перед входом в мечеть и рассказали о том, как оно есть на самом деле, не преминув упомянуть ласкающее мое ухо имя пророка Исы.

Вот они, имена лишь некоторых миротворцев — шахидов, погибших в период с 27 апреля 1979 по 21 марта 1983 года, которые не следует забывать ни мусульманам, ни православным, ни католикам, ни протестантам, если, конечно, мы все не хотим

окончательно превратиться в зверей, реагирующих только на запах крови.

Маулави Саид Мохаммад Амин (по прозвищу Садр), член Высшего совета улемов и духовенства Афганистиана, член Управления по делам исламской религии

Маулави Асадулла Насрат Андхои, член Высшего совета улемов и духовенства Афганистана

Маулави Ага Мохаммад Лудин, член Высшего совета улемов и духовенства Афганистана

Маулави Насрулла Гардези, член Высшего совета улемов и духовенства Афганистана

Маулави Шейх Саид Мохаммад Аббаси, член Высшего совета улемов и духовенства Афганистана, член Управления по делам исламской религии

Маулави Абдул Маджид, член Высшего совета улемов и духовенства Афганистана

Маулави Абдул Хаким Джаузджани, член Высшего совета улемов и духовенства Афганистана

Маулави Рахматулла, член Высшего совета улемов и духовенства Афганистана

Маулави Мохаммад Карим Кандагари, герой англо-афганской войны

Маулави Саид Абубакар

Маулави Баха уд-Дин Ваэз

Маулави Мир Абдул Хах, религиозный теософ

Маулави Абдул Рауф, глава Филосовского центра мечетей «Фекр аль-Модарес»

Маулави Абдул Рахим, проповедник священной мечети одеяний пророка Мухаммеда

Маулави Исмаил Джамшид из Герата

Маулави Абдулла из Герата (реставратор мечети Джами)

Маулави Шейх Ахмед из Герата

Маулави Гулям Расул из Герата

Маулави Насреддин из Герата

Маулави Абд Ур-Рашид из Балха

Маулави Шингали из Балха

Маулави Шейх Абдул Азиз из Балха

Маулави Сарвар, член департамента проповедников в Управлении по делам исламской религии ДРА

Маулави Абдул Гаффар Ахунд-зада из Газни

Маулави Саид Джаффар Ахунд-зада из Газни

Маулави Абдул Гаффур из Газни
Маулави Абдул Салам из Газни
Маулави Гулям Мухауддин из Газни
Маулави Факир Мохаммад из Газни
Мулла Шахвали Гарибъяр из Лагмана
Мулла Абдул Хай Фарьяби из Фарьяба
Мулла Абдул Вахаб из Парвана
Маулави Абдул Азиз Хабиби из Гор
Маулави Шейх Али Хусейн Нуттаг
Аль-хадж, маулави Саид Ахмадшах Масуд
Маулави Саид Акрам Пейкар
Маулави Гулям Сарвар
Маулави Ахтар Мохаммад
Маулави Саиф уд-Дин
Маулави Саид Джелалуддин
Маулави Абдулла Каттеб
Маулави Шах Факир
Мулла Сабур
Кари Мохаммад Саид.

В этом списке должны были бы стоять имена еще многих сотен религиозных деятелей, проповедовавших в кишлаках и маленьких деревнях. Их называли просто — кари (от слова карья — деревня). К сожалению, их имена не дошли до наших дней.

Вообще во всех городах, по которым массированно работали советская авиация и артиллерия, шурави люто ненавидели. В Кандагаре — летчиков, а в Герате, к примеру, артиллеристов. Странная особенность афганского менталитета: после ухода войск нелюбовь моджахедов к советским солдатам, воевавшим на земле, в их же воспоминаниях практически не проявлялась. Мало того, зачастую они вспоминали шурави как хороших солдат. Тут, видимо, немаловажное значение играло и общение. Солярка, одеяла и мука, с неба, как известно, не падали и на снарядах не прилетали…

Базар тянулся вдоль огромного дувала, которому не было видно ни конца, ни края. Где-то далеко он загибался влево. Посему я решил, что мы идем вдоль городской стены, только снаружи. Справа шли ряды «торговцев», уводившие в кривые загадочные закоулки. Такого базара как этот, я, пожалуй, нигде раньше не видел. Очень отдаленно его напоминал «грязный» в Кабуле, но до этого ему было далеко. По главной базарной улице с правой стороны тянулись разрушенные постройки. Как объяснил мне царандоевец-охранник, которого я донимал расспросами, это все были те же результаты бомбардировок с

воздуха. Наша группа растянулась. Сардар, втиравший что-то своим подчиненным и иностранцам, ушел далеко вперед, а мы, замыкая шествие, на которое не мигая пялились кандагарцы, плелись в хвосте.

Не помню уж, как так вышло, что я остался один. Мне приглянулись шапки-паколи, продававшиеся в одном из уходивших с главной улицы закутков. Я побрел туда, справедливо полагая, что когда обернусь, необъятный по длине дувал окажется за моей спиной. Купил себе шапку-северянку и с удовольствием прочитал на подкладке «Мохаммад Рафиуддин. кипе марчаньят. Базаре «Исламабад», Пешавар». Вещь. Надо бы еще одну прикупить в подарок знакомым в Москву. «На, подержика»! — Я протянул сумку царандоевцу, а сам полез в передний карман джинсов, где были спрятаны от вездесущих пронырливых бачей деньги. Сумку, однако, никто не принял. Я повернулся, чтобы повторить сказанное, и слегка обалдел: вооруженного милиционера рядом не было, да и той стены, что я предполагал увидеть за спиной, тоже не оказалось. Я стал считать купюры, чтобы потянуть время и сориентироваться. По всему выходило, что надо идти назад. Но уже спустя минуту, я понял, что в этом месте мы не проходили и вообще, я, похоже, заблудился. Страха не было, одна досада. Вот, козел, довыеживался! Лучше всего в тот момент было топтаться на месте и поддерживать какой-нибудь разговор.

Пока я медленно бродил, то потерял и того торговца, у которого покупал шапку. Глянув направо, увидел перед собой высокий шатер, где уходившей вверх горкой были развалены фрукты. На самом «пике» на синем матрасе сидела живописная группа молодежи. Самому старшему из них, на вид было лет двадцать, но у всех уже пробивалась на подбородках жидкая поросль черных волос. Они удивленно глядели на меня, облаченного в шапку-северянку, как будто я был пришельцем с того света. Рядом лежали несколько автоматов Калашникова. Чем-то эта молодежь разительно отличалась от исматовцев, но чем — сразу понять не смог. Одежкой, что ли. Рубахи были посветлей, ноги грязные, босые. Один из них мухой слетел с насеста и исчез где-то в темной дыре рядом с дуканом, откуда через минуту вышел мужик постарше с густой черной бородой, но без оружия. Ну, блин, вот и началось… «Франсави? Ингризи?» Дух сверлил меня черными бездонными глазами. «У», — выдавил я из себя вместе со всем воздухом, что был в легких, почему-то на пушту. «Ингризи?», — переспросил мужик, явно проявляя нездоровый интерес к моей персоне. Надо было что-то делать, а не стоять как истукану. Вот. В голову молнией ворвалась

«светлая» идея — закурить. Я открыл сумку и с досадой отметил, что кроме смятой пачки «Явы» достойных англичанина сигарет я в ней не найду. Но других не было. Постаравшись не светить знакомую всем торговую марку, я вытащил сигарету прямо внутри сумки, исхитрившись ее по возможности распрямить. Настала моя очередь спрашивать. «Урлегид лари?». Мужик напрягся от неожиданности, услышав родную речь. «Урдыбляй лари?», переспросил я его, прося огоньку. Он все понял, и на его лице расцвела улыбка. «Ахмад, у Ахмад!», гаркнул он одному из сидящих в «гнезде» молодых людей. «Урлегид шта?». Сверху ему в руку полетел спичечный коробок. Я зажег сигарету и с удовольствием затянулся, мечтая уже лишь о том, чтобы меня не попросили закурить. К счастью, они не попросили, а может, не курили вообще.

Ткнув пальцем в здоровенную дыню, я спросил уже по-пакистански: «Кетна пайса?» (Почем?). Этой фразе меня научил мой товарищ, который в свое время работал в той стране переводчиком на какой-то стройке. Духи, что сидели сверху, зашевелились и начали тараторить на родном языке. Я затягивался сигаретным дымом, решая, что же делать дальше. Мысли — ни хорошие, ни плохие, больше в голову не приходили. Кроме сказанных самим собой нескольких фраз, я больше ничего не понимал. Вот, козлина, и пришел тебе шандец. И на кой ляд поперся в этот треклятый Кандагар? Говорили же. Перед отъездом на Родину надо дома сидеть и вообще, по возможности, спать. Пока я затаптывал бычок, ко мне со спины подошли двое низкорослых аборигенов с автоматами на плечах. Один из них, что-то прокаркав «торговцам», взял меня за рукав куртки, и осторожно потянул за собой куда-то вбок. Ярким буквами в мозгу загорелось слово «П…ец». Я, повинуясь, пошел за ними, понимая, что устраивать драку было не к месту — не Шварцнеггер.

Через пару минут я увидел длинный дувал, который служил ориентиром моего местонахождения, а еще через несколько секунд понял, насколько же хорошо владеет русской ненормативной лексикой Сардар. Ребята, вытащившие меня из базарной клоаки, оказались МВДшными операми. Зоркий начальник царандоя вовремя спохватился и бросил на прочесывание базара все имевшиеся в его распоряжении на тот момент силы. Они искали меня минут сорок, а я думал — минут пять. Сардара я запомнил на всю жизнь.

Хорошенечко поразмыслив ночью о том, что же такое со мной творится, я решил больше судьбу не искушать, на «экскурсии» не ездить, а пойти старым проверенным путем — отдать себя в лапы местной «охранки», чтобы собрать хоть какие-нибудь полезные

для себя сведения. И когда вся компания собиралась ехать знакомиться с Черной площадью и местным махбасом (тюрьмой), Сардар сдал меня, с явным облегчением, заместителю начальника города по безопасности Нуру Хайдару. Хотя должность Хайдара по всем параметрам была ниже сардаровской, «моавенэ аваль» относился к нему с явным глубоким уважением. Когда мы зашли в скромный кабинет работника МГБ, Сардар первый подал руку и стал целоваться. Сам отдел СГИ, которым руководил Нур Хайдар, располагался в светлом одноэтажном здании, окруженном по периметру высокой добротной стеной с колючей проволокой.

Я вкратце объяснил Нуру Хайдару, что мне собственно нужно. Меня не интересовали контрреволюционеры, уже отбывающие наказание. Обстановка в городе и в кандагарских уездах менялась стремительно. Нужен был совершенный «свежак» — люди отловленные безопасностью буквально на днях, в отношении которых еще проводились следственные действия. Не долго думая, он отвез меня в какой-то очень мрачный следственный изолятор, оставив на попечение молчаливого сержанта.

В камеру одного за другим заводили «свежих» духов, многим из которых грозил расстрел за совершение особо тяжких преступлений, связанных с убийством «полевых» агентов и внедренных в банды сотрудников госбезопасности. Разговор с некоторыми из них я записывал в блокнот, огрызки которого лишь недавно обнаружил, копаясь в старых вещах. На 99 процентов из ста, этих людей уже нет в живых. Признательные показания им уже ни навредят, ни помогут, но могут служить историческим свидетельством того, что творилось в Кандагаре в те далекие годы.

Рахматулла, 18 лет. По его собственным словам, неграмотный. Отлично говорит на дари. Находится под следствием за убийство работника МГБ в уезде Аргандаб. Из живых родственников — мать и маленький брат. Отец и двоюродный брат убиты советскими военными. В 1986 году в Аргандабе участвовал в пленении трех советских солдат с целью обмена или получения денег. Из-за нужды, вслед за отцом вступил в ряды НИФА. Просит о пощаде и «содействии мошавера в том, чтобы его оставили в живых». Совсем еще пацан. Когда его уводят, сержант говорит, что его точно расстреляют.

Джума Хан, 23 года. Неграмотный. Принадлежит к племени ачакзай, боевик гульбеддиновской ИПА. Воюет уже три года в уезде Торкоталь. Был захвачен в плен при попытке захвата ночью кандагарского аэродрома. Их группой командовал непосредственно советник из Пакистана (его тоже захватили в плен и готовят к пересылке в Кабул). По его словам, в этом

районе Афганистана по взаимной договоренности душманы не воюют с ИОА, хотя у той организации здесь очень слабые позиции и ее в принципе легко уничтожить. Ему грозит только тюремный срок.

Абдул Гаффар, 22 года. Член гульбеддиновской ИПА. Воевал с шурави в районах Чарсу Хазреддин и Кабул Дарваза. Нападал на советские заставы. В группе ИПА — 2 года, до этого в течение пяти лет воевал в составе группировки НИФА Гейлани. В одном из боев потерял оружие и был подвергнут остракизму со стороны своих соратников. Ушел в ИПА, где его очень хорошо встретили. Ежемесячно получал от арабского инструктора зарплату в размере пяти тысяч афгани. По его словам, «за семь лет войны он убедился, что сам занимался подрывной деятельностью». Желает только одного — «остаться в тюрьме, где его кормят и не делают ничего плохого». По его словам, когда вокруг Кандагара стояли советские войска, они бомбили и обстреливали из пушек всю местность без разбора. В конце 1987 года участвовал в захвате в плен четырех советских военнослужащих — двух солдат и двух «советников» (так в тексте допроса) в провинции Кандагар. Солдат впоследствии обменяли на своих соратников, отбывавших наказание в тюрьме. Двух советников услали в Пакистан, обвязав им шеи веревками и заставив тащить на себе оружие. По словам Гаффара, до 1986 года за одного пленного давали 14 автоматов Калашникова, за пленного старшего офицера можно было выручить до одного миллиона афгани. Советников обменять не удалось, их расстреляли. Одного — в районе Минара, другого — в Аргандабе.

Спустя 17 лет, мне доподлинно стало известно, что же случилось тогда на самом деле. В тот период душманы не захватывали в плен ни одного советника. Видимо за советников они приняли прапорщика и лейтенанта, которые как раз в то время исчезли вместе с двумя водителями «наливников». Этих горе-бойцов искали все — и царандой и ХАД. Выяснилось, что эти шурави решили подзаработать на продаже бензина и заехали в один из переулков недалеко от Черной площади. Там-то их душманы и повязали. Вместе с ними безвозвратно исчезли и машины с бензином.

По данным Гаффара, на пакистанской территории в районе Сорхаб находилась специальная тюрьма для советских военнопленных. Пленные ее взорвали, сами при этом погибнув. С тех пор захваченных в плен уже не гоняли в Пакистан, а пытались обменять или продать на месте. В районе Маладжат нападали на советские воинские подразделения. «Мы стреляли по ним из автоматов, — говорит Гаффар, — а они по нам из орудий.

Захватили в плен несколько советских артиллеристов, обменивать не стали, а расстреляли. Шурави массово уничтожали мирное население. Это зверство творилось повсеместно».

Абдула Гаффара, который проходил военную подготовку под руководством арабского советника в лагере «Аль-джихад хоспаталь» на пакистанской территории, ждал расстрел.

Ашраф, возраст не известен. Проник на территорию Афганистана из Пакистана вместе с тремя офицерами «спешиал брэнч» пакистанской военной разведки CID. В составе группы советников — полковник Мохаммад Аслан и его заместитель Голь Мохаммад Астар. Занимался активной политической антигосударственной деятельностью, участвовал в разработках военных операций против правительственных войск. Его ждет этапирование в Кабул.

Хотя наш разговор с зэками длился более трех часов, до настоящего времени дошли лишь эти скупые записи. Больше, к сожалению, ничего не осталось.

Пока ждал Нура Хайдара, который уехал по своим делам, побродил по коридорам каземата, освещенного тусклыми желтыми лампами, после чего пришел в угнетенное состояние духа.

По дороге в отдел Хайдар рассказал забавную историю (насколько забавной могла быть история о гибели людей). Несколько дней назад, по его словам, Олюми, вознамерившись претворять в жизнь политику национального примирения не на словах, а на деле, решил провести в городе своего рода «субботник» по расчистке улиц от сожженной боевой техники. По мнению Олюми, останки подбитых советских боевых машин угнетающе действовали на мирное население (коего в Кандагаре не было). Особо впечатляющим хашар получился в районе Элеватора и в первом районе города, где поначалу посмотреть на праздник освобожденного труда пришли сотни горожан (читай душманов). Скелеты грузовиков, БМПшэк и танков свозили в огромные кучи. Играла национальная музыка, доморощенные артисты спели несколько древних пуштунских песен. На следующее утро, когда мероприятие должно было продолжиться, при скоплении населения гусеничные тракторы, растаскивавшие обгорелое железо, взлетели на воздух, убив своими траками нескольких человек. Ночью моджахеды не спали. В результате улицы загадили еще больше.

Воспользовавшись моментом, я попросил офицера отвести меня к Элеватору, на Нагаханский поворот. После долгих препирательств и стенаний по поводу того, что это необходимо для истории, Хайдар начал собирать группу прикрытия. Ничто не

изменилось с 1983 года, когда я побывал в этом городе впервые. Район Элеватора, за которым с развилки в сторону кишлака Нагахан, в заросли густой «зеленки» уходила «хадовская тропа», оставался одним из самых опасных районов Кандагара. «Хадовской» тропу окрестили в 1983 году мушаверы за то, что туда, переодевшись крестьянами, с повозками, груженными взрывчаткой, иногда уходили спецгруппы ХАДа и минировали подступы к городу и мосту через реку. Духи занимались тем же самым. Невидимая глазу борьба продолжалась все эти годы с переменным успехом. Если бандитам удавалось разминировать заграждения, в том числе и своими ногами, надо было ждать беды. Они материализовались на Элеваторе из ниоткуда и ночью и днем. Если в «зеленке» их еще иногда долбили хадовцы, то на открытой местности — развилке дорог — встречали уже царандоевцы, которым приходилось ох как не сладко. С обеих сторон потери были колоссальные.

Повторять «подвиги» некоторых репортеров вовсе не хотелось. И так в рядах защитников народной власти был полный некомплект. Подергавшись там минут пять и удостоверившись, что взорванный трактор украшает собой кучу почерневшего от копоти железа, предпочли убраться восвояси.

На следующее утро полетели с исматовцами на двух «восьмерках»» в уезд Спинбулдак. Там, в самом конце «бетонки», обстреливал кишлак, располагавшийся за и между двумя пологими холмами, афганский артдивизион, состоявший из шести почти новых орудий. Сама разбитая «бетонка» и местность вокруг на расстоянии тридцати метров от дороги были заминированы. Мины лежали так густо, что некоторые из них было видно даже невооруженным глазом. Боеприпасы сюда доставляли на вертолетах, один из которых две недели назад борцы за свободу ислама развалили прямо в воздухе выпущенной ракетой. Эффект был потрясающий — почти весь личный состав с ранениями различной степени тяжести был отправлен в больницу Кандагара, а на его место прибыли новые бойцы. Подойти к орудиям от вертолетов можно было по специальной тропке, заботливо помеченной военными светлыми камешками. Командовал батареей совсем молоденький лейтенант в чистенькой форме. Наверное, только что из военного университета — Пахантуна. Кроме одинокой батареи смотреть здесь было нечего, пора было возвращаться на майдан, чтобы лететь в Кабул.

На аэродроме Олюми и Сардар быстренько погрузили нас в Ан-26 и отбыли восвояси. Однако улететь вовремя, было не суждено. «Рулежку» перегородил белый «Семург» с исматовцами.

Жарились на солнце часов пять, пока не узнали, наконец, в чем дело. Рядом опустилась вертушка, из которой стали выгружать раненых бойцов Исмата Муслима. Летчики наотрез отказались брать на борт больше трех человек — в самолете кроме нас были навалены еще какие-то мешки. На пол между сиденьями мы уложили раненого парнишку лет восемнадцати, очень опрятно одетого. На белой рубахе под жилеткой в районе сердца расплылось кровавое пятно. У изголовья примостили двух сопровождающих с перевязанными наспех руками и головами. Нарвались на засаду в Аргандабе. Лежащий паренек еще мог говорить, все просил пить.

Взлетали, когда бордовое солнце уже собиралось уходить за горы. Часа через два уже в темноте я спинным мозгом почувствовал, что парнишка умер — по телу пробежал холодок.

В Кабуле поначалу хотел помочь раненым исматовцам отвезти куда-нибудь мертвое тело, да и самих доставить в госпиталь. Но потом передумал — по большому счету, мне все было безразлично. Это была уже не моя война.

Шинданд (Северо-западная провинция Герат), 1989 год

За страшными затяжными боями под Джелалабадом и Хостом, где советские Р-300, выпущенные умелыми руками наших ракетчиков, днем и ночью сокрушали душманскую волю к победе, все как-то забыли, что творится на западе Афганистана, в самой «мутной» провинции — Герате. С уходом наших солдат боевые действия между частями и подразделениями правительственных войск и душманскими бандами там практически прекратились. На дороге, ведущей из Шинданда в Герат через провинцию Фарах, больше нет ни одной заставы. Гарнизоны стоят кучно. Один — близ шиндандского аэродрома чуть дальше того места, где раньше стояла наша дивизия. Другой — кучками в Герате, в старой крепости, и месте дислокации 101-го и 12-го мотострелковых полков. От аэродрома «Шинданд» до города Шинданда стоят афганские блоки и заставы со смешанным личным составом — военные и сотрудники афганского МГБ (царандоя в Гератской провинции видеть вообще никогда не приходилось). Старая гератская дорога, которая вьется вдоль афганско-иранской границы, как и прежде, не проездная. Таджик Туран Исмаил теснит пуштунов отовсюду, один за другим отвоевывая у них кишлаки и мелкие деревушки. В Герате по существу началась и уже полным ходом идет межэтническая война между пуштунами и таджиками за место под солнцем, кровавая борьба за выживание. Но сил и средств для того, чтобы как-то влиять на ее исход, у афганского правительства уже почти нет. Ценой неимоверных усилий и гигантских потерь удается выбить духов и регулярные воинские пакистанские подразделения из Джелалабада. На Женевские соглашения все, кроме СССР и Ирана, кладут с большим прибором. На юге и востоке страны подстрелить пакистанского спецназовца сейчас также обыденно, как и простого крестьянина-духа. Кабул тонет в эйфории от военных успехов, увязая в дрязгах и заговорах в среде военных. Этим-то и пользуется хитрый таджик Туран-Исмаил, в свое время отучившийся в СССР и постигший премудрости военного искусства в тяжелых боях с советскими войсками.

В начале сентября 1989 года административный уездный центр Шинданд пал под натиском мятежников. Внезапным броском с западного направления, под прикрытием «зеленки» отряды Исмаила спустились с пологих горных склонов и в ходе тяжелейших боев овладели почти всем городом. Горстка

защитников Шинданда, героически обороняясь, закрепилась в кишлаках на востоке от города. Исмаил победоносно вступил в свое имение — кишлак Чармахаль, где родился он сам, и где издревле жили все его предки. Ситуация складывалась угрожающая. От Шинтанда до аэродрома рукой подать — 40 минут езды на УАЗике. Захват исмаиловцами этого стратегически важного объекта мог бы означать только одно — полную потерю контроля над северо-западной афганской провинцией и реальное открытие границы для военной помощи мятежниками со стороны Ирана. Наносить артудары по площадям, как это делали советские артиллеристы, афганские военные поначалу не решались, и, наверное, просто не хотели — им уходить было некуда. Да и ужасные последствия советских артобстрелов еще не стерлись из памяти мирного афганского населения.

Для борьбы с Тураном была избрана отработанная годами тактика — натравить пуштунов на таджиков, пообещав первым на определенный срок полный и безраздельный контроль над городом и источниками его доходов. Пуштунский батальон территориальных войск (бывших мятежников, перешедших на сторону власти, а попросту «договорных» духов) под командованием Абдула Кадыра вступил в бой с таджиками Исмаила. Бой этот шел ровно шесть дней. Результаты этой кратковременной пирровой победы, одержанной пуштунами, я лицезрел сам, когда 10 сентября приземлился на совершенно пустом, разграбленном, и уже незнакомом аэродроме Шинданда.

Щемящее чувство тоски по ушедшим годам, когда здесь царила бурная жизнь, охватило меня сразу, как только рампа открылась, и я спустился на рулежку. Оборванные куски зеленого искусственного покрытия, ни одной живой души, кроме тех афганских военных, что находились со мной на борту во время полета. Ни одного самолета или вертолета. Как будто и не было ничего.

Время еще продолжало по инерции проноситься здесь неумолимо быстро, пожирая пространство отмерянного мне отрезка из расчета один к трем. Казалось, какая-то невидимая глазу сила стремилась уничтожить как можно быстрее следы войны, живые свидетельства когда-то царившей здесь трудной армейской жизни.

У разграбленных модулей политотдела дивизии я по привычке остановился. Пошел правее. Окна без стекол, с которых были сорваны шпингалеты, с укоризной смотрели на меня пустыми глазницами, как бы спрашивая, где я был столько времени. Раскрытые настежь двери заманивали пыльный ветер, врывавшийся в коридоры и комнаты маленькими

смерчеподобными потоками. Переборов дрожь и оцепенение, я шагнул внутрь и почувствовал могильный холод, исходивший от еще недавно бывших такими родными и знакомыми дощатых и фанерных стен. Так и не снятые с них портреты вождей — Ленина, Маркса и Энгельса. Забытый стенд с вырезками из дивизионной газеты, листовками, призывами. Пошел по коридору до восьмой двери справа, где я когда-то ночевал и пил ночью с военными привезенную из Кабула водку, вошел в комнату и сел на пол, туда, где я спал на железной панцирной кровати вместе с нашими офицерами. Все в безвозвратном прошлом. Вспомним ли мы когда-нибудь друг друга?

Вышел на улицу и еще больше приуныл. Некогда вымытые до блеска доски волейбольной площадки сгнили. Афганцы, которые стояли табором в километре от наших модулей и здесь не жили, изгадили ее своими испражнениями. Когда-то выкопанные и заботливо выложенные камешками оросительные каналы для цветов и клумб были уничтожены. В тех местах, где еще что-то осталось от этой самодельной ирригационной системы, воды не было и в помине, как и не было самих клумб и цветов. Все было осквернено. Мерзость запустения царила в бывшем штабе дивизии. Вот тебе и «величественные памятники советским героям», товарищ Наджибулла, вот тебе и «вечная память сынов Страны Советов».

Издали в мою сторону запылил джип с военными — они были предупреждены из Кабула, что к ним прилетит корреспондент, которого надо свозить в Шинданд и выполнять все, что он прикажет. Начальник Генштаба, товарищ Шахнавваз Танай постарался. Хороший он вообще-то мужик, бесстрашный. Только Наджиба шибко не любит. Да оно и правильно, наверное. Нам бы таких вояк — генералов. Чтоб не молоко парное от советских коров пили да баб втихаря по темным углам лапали, а чтоб вот так, как он, с пулеметом, да с борта по душманам. Глядишь, и выиграли бы эту проклятую войну.

Военные оказались ребятами покладистыми. Узнав, что я здесь одним днем и ночевать у них в полку не собираюсь, без лишних слов сунули мне в руки автомат и покатили в сторону Шинданда. Пустых разговоров не вели, но когда стали обсуждать между собой, где взять переводчика для журналиста и услышали, что переводчика не надо, загоготали как гуси и уже не отпускали меня с расспросами до первой смешанной военно-хадовской заставы. Застава стояла в зарослях «зеленки» у подножья пологой горы, по левую сторону от дороги. Хадовец-таджик тоже обрадовался, что я говорю по-персидски. Хлопнул дверью УАЗа, поехали. На второй заставе, ближе к городу, были уже одни

хадовцы. Военные вышли и пошли пить чай. В машину залезли два абрека в чалмах, очень подозрительного вида. Бойцы территориальных войск. Пуштуны, будь они неладны. Вкратце изложили свою версию происходивших здесь несколько дней тому назад событий.

По их словам, из территориального батальона Абдула Кадыра после всей этой бойни в живых осталось только 67 человек. Почти половина полегла. Исмаиловцы, отчаянно цеплявшиеся за каждую складку местности и «зеленку» в Чармахале, оставили на поле боя только убитыми 120 человек. В плен не сдался никто. Мало того, когда к Чармахалю, находящемуся от самого Шинданда всего в 500 метрах, удалось пробиться двум из пяти танков (три исмаиловцы сожгли из РПГ), пуштунов ждал очень неприятный сюрприз. Таджики заминировали фугасами весь кишлак, кроме одного дома, где жил сам Туран Исмаил. И когда «договорные» заняли, как им казалось, населенный пункт, все в одночасье вдруг взлетело на воздух. Только вчера оттащили разлагающиеся на солнце трупы. Пока шел этот бой, был день, а ночью таджики вновь напали на Чармахаль и успели его нафаршировать минами как баранью лопатку чесноком и морковью. Все, что было в наличии у таджиков, было закопано на путях и тропках кишлака. Ходить туда стало почти невозможно, а сами исмаиловцы под покровом ночи также внезапно исчезли, как и появились. Одно слово — духи.

За разговорами и доехали до городка, свернули влево. Высокие тенистые деревья, открытые дуканы, лотки с овощами и фруктами. Кучи потрескавшихся от спелости гранат. Слева — двухэтажное приземистое здание провинциальной мэрии, без окон и дверей. В стенах — дыры от гранатометных выстрелов. Здесь хадовцы передали меня с рук на руки «договорным», которые и повели меня в кишлак Чармахаль. Впереди шла разведгруппа с рациями в руках, они с кем-то все время переговаривались.

Избитая гусеницами тропа, шириной метров в шесть-семь, уходила по прямой на юго-запад от города через бурелом «зеленки». Черные пятна сгоревшей соляры выдавали места, откуда оттаскивали сожженные танки. Но песок и землю уже выровняли, воронки засыпали.

Сам кишлак, вернее то, что от него осталось, представлял собой почти ровный прямоугольник, к которому с четырех сторон вплотную подходили заросли виноградной лозы и деревьев. Само название «Чармахаль» означает четыре местности, а в просторечии — четыре стороны. Очень соответствовало сущности этого населенного пункта. Это было нечто вроде поля, по

которому прошлись плугом. Грядки, только в увеличенном виде. Взгорок — ложбина — опять взгорок — опять ложбина. Да почти все кишлаки и деревеньки что в Шинданде, что в Герате, одинаковые. В тянущихся на сотни метров ложбинах цепочками стоят дома, точнее, остатки домов и разрушенные стены, На пригорках — культивируемые виноград или посевы зерновых. В Чармахале ничего живого не осталось. Только одиночные стены домов, да мины.

Дружественные душманы, небольшой отряд которых материлизовался из зарослей и примкнул к моим провожатым, сказали пригнуться и идти под прикрытием ряда продырявленных стен за ними след в след по пригорку. Замполитов среди них не было, да и к жизни они относились философски. Так что приходилось следовать их рекомендациям и ступать точно по следам. Один из бойцов Кадыра внезапно остановился, задрав ногу, как журавль. Противопехотка. Для «договорных» это тоже было неожиданностью. По их словам, они только с час назад здесь были и тропку разминировали. Черт их разберет, этих афганцев. Надо действительно под ноги смотреть, домой все же хочется вернуться. Прошли метров сто к самому центру кишлака и выглянули сквозь «природные» бойницы стен на его правую сторону.

Прилепившийся к подножию пологой горы, утопающей в зелени, одиноко и безмятежно стоял красивый желто-серый, отштукатуренный песком, дом. Низкий дувальчик был исполнен неизвестным архитектором в виде замурованных арок, изогнутые острые конусы которых образовывали достаточно труднопреодолимый частокол. Сам по себе дом не блистал роскошью и кричащим великолепием, но с точки зрения восточной архитектуры был утонченно изыскан. Становилось сразу понятно, что его хозяин — человек непростой и далеко не бедный. Двери были открыты настежь. Из-за стены угадывались очертания чайного столика на изогнутых ножках. Из темноты под лучом пробивавшегося сквозь заросли деревьев солнца тусклой медью отсвечивало пузо самовара, едва различимыми темно-красными пятнами бронзы отливали бока огромного казана. Никто и не думал прикасаться к этому великолепию, не говоря уже о том, чтобы что-то украсть: слишком хорошо всем был известен суровый нрав низкорослого широколицего таджика. По всему видать, столовая. Вот я и побывал у тебя в гостях, Туран-Исмаил, капитан афганской армии, переметнувшийся к моджахедам. Правда, без спросу, без приглашения. Неожиданно для самого себя я нагнулся и, подхватив рукой острый камень, швырнул его в пролом в стене. Описав крутую дугу, камень не

долетел до двери дома буквально полметра и остался лежать на пороге. Пуштуны мгновенно присели и выставили в стеновые проломы автоматы, готовясь, по всей видимости, отражать атаку. На меня сначала конкретно наехали и лишь потом объяснили почему. Сегодня отсюда отволокли два трупа «территориалов», охранявших кишлак. Били из винтовки с горы. Два выстрела — два мертвых тела. Вот и все. А я камнями кидаться. Нелепо и смешно.

Где ты сейчас, неуловимый Исмаил? Знаю, в Кабуле. Министр энергетики Исламской Республики Афганистана. 17 лет назад я не мог об этом и подумать.

Выбирались назад по той же тропинке, потом поехали по дуканам. Здесь пуштунов не было. Все дукандоры и ремесленники были таджиками. Услышав родную речь в классическом исполнении, народ стал стекаться к месту толковища. Я попросил дружественных бандитов не пугать мирное население своим живописным видом и оружием, а дать спокойно поговорить с людьми. Кадыровцы получили четкие указания от сотрудника ХАД и, видимо, поэтому отошли в сторону, не пререкаясь. Люди не верили, что стоящий перед ними в синей бейсболке с надписью «Tallinn» бледнолицый — шурави. Но потом холодок взаимного недоверия постепенно растаял и таджики порассказали мне много интересного про Шинданд, а я им — про Кабул и Джелалабад. Оказывается, на второй день наступления путиловцев, когда уже почти весь городок был у них в руках, в бой все-таки вступила авиация и артиллерия правительственных войск. Не успевшие уйти из района боевых действий мирные жители, как обычно, попали под перекрестный огонь, в самую мясорубку. Среди прочих погибли 20 женщин и малолетних детей. То, что было разрушено в городе, по словам таджиков, сделал не Исмаил, а именно артиллерия и авиация. Десятки домов и дуканов были просто снесены с лица земли. Но и Туран не отставал от армейцев в жестокости. Поняв, что если БШУ будут продолжаться, то защищать через несколько дней будет практически нечего, бывший капитан афганской армии дал приказ своим боевикам отступать. Попутно по его распоряжению в городе и пригородных кишлаках были уничтожены посевы пшеницы и риса, вырезан почти весь крупный рогатый скот.

Господи, за что ты послал этим людям такие несчастья? Чем провинились перед тобой эти труженики? Для чего ты отбираешь у них последнее? Или мало жизней принесено на твой жертвенный алтарь?

Улететь из Шинданда в Кабул оказалось очень трудно. Пришлось коротать три дня в праздном безделье у афганских

военных в гарнизоне. Днем ходил, как на работу, орать на начальника политотдела афганского полка, который свил себе гнездо в здании, располагавшемся близ аэродрома. Он клятвенно божился, что одиноко стоящий посреди равнины Ан-24 находится в ремонте и никуда не полетит и что нужно дожидаться борта из столицы. Я звонил в Кабул и оправдывался в том, в чем виноват не был. У начальства складывалось впечатление, что я намеренно забил на работу и просто прохлаждаюсь в любимой провинции.

Ответ на мучивший меня вопрос — а куда, собственно, подевались все самолеты — я получил еще через три дня, когда увидел бредущую по летному полю в сторону борта отару овец и группу женщин с тюками на головах и детьми на руках. Оказалось, что это афганский начПО эвакуирует свою семью и имущество подальше от греха в Кабул. Как из-под земли появились летчики и машина-заправщик.

Худшие мои ожидание потом оправдались. В ходе полета женщины и дети блевали, а овцы гадили по всему салону. Пришлось одну завалить и положить на нее ноги как на подстилку, чтобы не вляпаться в говняшки-шарики. Но это было потом. А пока я просто стоял один посреди всей этой восточной несуразицы, курил и постепенно отходил от залившей мозги злобы на этих вояк.

Светло-малиновые лучики вечернего солнца уже не пекли, а лишь нежно грели сквозь рубаху спину и руки. Я шел по взлетке к ожидавшему меня 24-му и думал о превратности человеческих судеб. Переставший буйствовать шиндандский ветер, вдруг, в секунду, превратился в едва уловимый движущийся поток материи. Он тихонько обнимал меня за шею, нашептывая в ухо одному ему известные заветные слова. Про-о-о-щай. Тебя-а здесь бо-о-ольше не будет нико-о-огда-а-а-а…

Кабул, осень 1989 года

Обстановка в афганской столице опять стала накаляться. Блокада душманами трассы Джелалабад-Кабул вызвала в городе серьезный скачок цен на продовольствие. Афганская авиация вместе с нашими ракетчиками нанесла серию БШУ по району Саруби, где отряды моджахедов зажали гарнизон, охраняющий плотину. По моджахедам также неустанно работала артиллерия афганской армии, а отряды «коммандос» — афганского спецназа валили караваны с оружием, двигавшиеся в обход трассы, через пустынную местность. На один из таких «разбитых» караванов афганцы пригласили группу журналистов. Мы летели в сторону Джелалабада на Ми-24 («крокодиле»), и летчик показывал мастерство управления боевым вертолетом. Он летел так низко над пустыней, что сзади вертолета оставался пыльный песчаный шлейф подобный буруну от моторной лодки, глиссирующей по воде. Когда же мы прибыли на место, я сразу понял, что это не настоящий «караван», а очередная пропагандистская подстава. «Захваченное» оружие аккуратно лежало ровными кучками в совершенно открытом месте посреди пустыни. Это место мне было более-менее знакомо. Только полный идиот мог повести караван по этому открытому месту. Его бы было видно за несколько десятков километров. Значит «закладка» была сделана заранее, и, по всей видимости, еще вчера, так как сейчас часы показывали девять утра. Я сильно взгрустнул и аккуратно, смотря под ноги, пошел назад к вертолету. Для иностранцев это было забавой, для меня — тревожным ожиданием чего-то непредвиденного. Если закладку делали вчера, думал я, то наверняка духи, если они не дураки, заминировали эту выставку или сидят где-то с СВДшкой за сопкой. Я, желая быстрее убраться отсюда восвояси, сказал, что я обо всем этом думаю сопровождавшему нас сотруднику МГБ. Видимо, сделал я это не очень тактично, потому, что улетели мы оттуда очень быстро. Плевать на пропаганду. Окрестности Джелалабада — не место для подобных развлечений. Мин там как грязи, причем в самых неожиданных местах.

Разблокирование дороги Джелалабад-Кабул также как и блокада принесло свои проблемы. В колоннах грузовиков, двигавшихся в афганскую столицу с востока, все чаще под мешками с сильно пахнущими овощами — луком и чесноком, стали находить в больших количествах взрывчатку, взрывные устройства с часовыми механизмами, мины и даже целые фугасы. Все, что не перехватывалось силами безопасности, благополучно

взрывалось у городских объектов, вызывая панику среди мирного населения. Министерство госбезопасности Афганистана работало на износ — и днем и ночью сотрудники МГБ арестовывали просочившихся в город врагов, изымали у них мины, взрывчатку, реактивные снаряды. Причем реактивные снаряды изымали десятками, но отголоски взрывов все равно продолжали сотрясать афганскую столицу.

Я жил на вилле уже не один. Из Петушков, где располагается «подземный» ТАСС (на случай ядерной войны), в Кабул приехал инженер Виктор, а вскоре подтянулся и мой друг Андрей Семенов, которого я после службы в армии, тоже в Афганистане, где он служил переводчиком, переманил в ТАСС. Жить стало весело, жить стало хорошо. Я готовил, Андрюха мыл посуду, а Виктору поручали делать генеральные уборки помещения. Каждый день мы очень обстоятельно обедали и ужинали. Так как в Москве таможня уже не зверствовала, а смотрела на нас, летящих в Афган, как на сумасшедших, то провозить можно было буквально все. В результате мы навезли в Кабул гору мяса. Переводить «на сухую» столь ценные продукты было кощунством. Приходилось все сдабривать любимой советской приправой.

Отчетливо помню наше меню. На обед обычно был полноценный суп на мясном бульоне и макароны с мясом из супа. На троих уходила одна бутылка водки. Потом шел компот или арбуз. К ужину мы подходили значительно более щепетильно. Готовилась большая бадья салата из кандагарских помидоров, лука, огурцов и разносчицы желтухи — зелени. Жарились (непременно на сале) две сковороды картошки. А там по выбору — или антрекоты, или курочка. Под эту нехитрую снедь обычно уходило две бутылки 38-градусной монгольской водки «Архи» с синей этикеткой, которой Кабул был буквально завален. По давно заведенной хорошей традиции ехали еще за одной к «кругу», где располагался «Трафик» (афганская ГАИ). Брали всегда в одном месте: запуганный дед-продавец очень боялся, что если продаст нам отравленное вино, то один из нас (который выживет) непременно его порешит. В один из жарких летних вечеров инженер Витя ни с того, ни с сего вдруг заартачился и наотрез отказался пить водку, мотивируя это тем, что у него гастрит. Он демонстративно поставил свою тарелку на огромный обеденный стол и сел напротив нее, как фиджийский истукан. Глядя на этого ренегата, и Андрей Семенов что-то обмяк и, борясь с самим собой, стал делать робкие попытки убедить меня, а заодно и себя, в невозможном — поужинать под чай. Цитаты из состоявшегося разговора приводить не буду, скажу лишь, что через 15 минут мы уже катились в нашей маленькой серенькой «Дайхатсу» в сторону

«Трафика».

Когда дуканщик заворачивал нам монгольскую «Архи» в грязную старую «Хакикате инкилабе Саур» («Правда Апрельской революции»), вокруг загрохотало. Духи, отмолившись, начали вечерний обстрел района совпосольства, рядом с которым мы и проживали. Ухало и гремело без перерыва минут двадцать. Разрывы раздавались со стороны нашей виллы. Завывая сиренами, в сторону посольства по Дарульаману помчались пожарные машины. Мы бросились за ними вдогонку. Метрах в пятидесяти от нашей виллы дымились руины дувала, оттуда неслись крики — по кому-то заехали. Стоять рядом и смотреть, как из-под завала вытаскивают убитых и раненых, не хотелось — решили, что будет безопасней укрыться от разгневанных кабульцев за высокими каменными стенами нашего обиталища. Открыв ворота, мы застыли с разинутыми ртами. Наш дом выглядел совсем не так, как полчаса назад. Сам то он стоял на месте, но в нем напрочь отсутствовали окна, двери были распахнуты. Осколки и деревянное крошево влетели в дом, и подобно урагану, сокрушили внутри все, что только можно было сокрушить. Один из РСов влетел к нам под толстенную мраморную плиту, которая составляла «представительскую» часть чамана. Внутри, на обеденном столе вместо Витькиной тарелки в куче стекла лежали пол-рамы и кирпич. Под горой поваленной на пол посуды нашли железную кружку. Ничего говорить не стали. Без слов молча и со смаком по очереди выпили. Ужинать что-то расхотелось…

В доме напротив поселились «дружественные бандиты». Так мы называли договорные банды, заключившие перемирие с народной властью или воюющие за нее за определенную мзду. Живописная группа наших вчерашних противников установила прямо на дувале пулемет ДШК. Новые «друзья» иногда упражнялись в стрельбе вечером, посылая очередь за очередью в небо. У нас воленс-ноленс сложились хорошие отношения. Когда мы выходили на улицу, вчерашние противники народной власти что-то нам громко кричали и дружественно махали руками. В конце-концов мы познакомились и иногда эта «дикая дивизия» подсылала к нам гонцов за солью или спичками. Мы всегда делились, чем могли. В ответ эти ребята однажды помогли нам разобраться с не в меру ретивыми солдатами афганской армии, которые поймали нашего нафара-хазарейца Яхью, и не взирая на выданный ему советским посольством документ, намеревались забрать его в армию прямо у ворот нашей виллы. Подобный «призыв» был не редкостью в Афганистане. В основном, народ в армию отлавливали на улицах. Обычно я вытаскивал наших

людей-афганцев, выискивая их в КПЗ царандоя, куда их свозили как на призывные пункты, но в этот раз все произошло иначе. У «призывной комиссии», члены которой были с нами совсем не дружелюбны в наличии было три автомата, у нас на двоих с Андреем — всего один автомат и один пистолет. Пока мы бодались с несговорчивыми солдатами, пытаясь их убедить в неправоте, к нам с виллы напротив подошли ребята из договорной банды. Они были увешаны оружием как герои голливудских боевиков. Солдаты оторопели. А когда в нашу сторону был развернут ДШК, они покинули «поле боя» очень резво, растворившись среди дувалов близлежащей улочки.

Время стирает негативные воспоминания о тех далеких годах, в памяти остается почему-то только хорошее. Вот и 1989 год вспоминается с особой теплотой, и даже трепетом. Это был год решительных перемен в жизни афганского общества, год проверки на прочность режима доктора Наджибуллы, год подведения итогов девятилетней советской военной кампании. Оставшиеся в Афганистане советские граждане стали свидетелями грандиозных битв за выживание и свидетелями победы, которую одержал демократический Афганистан над силами оппозиции, которым помогали все капиталистические страны. Но далось это отнюдь не легко. Страшные следы той тяжелой битвы хранят разрозненные листочки блокнота, всего 25 страниц написанного скорописью текста.

Вот, лишь одна из них.

…25 июня встретился с начальником управления МГБ Афганистана генералом Абдулом Мохаммадом Пейкаром. Приятный дядька, но уж очень себе на уме. Про Ахмадшаха Масуда — ни одного худого слова. Вероятно, опять ведут с ним негласные переговоры о прохождении колонн с грузами из Советского Союза.

Наше управление, Андрей-джан, ведет борьбу с тайными контрреволюционными группами. Дело очень усложнилось с объявлением политики национального примирения Борьба с терроризмом и вражеской агитацией как-то с этим мало согласуется. Но новые условия диктуют и новые подходы, вот и нам приходится изгаляться. Но Женевские соглашения по Афганистану подписаны, политика национального примирения провозглашена. Мы пытались наставить бандитов на путь истинный После ухода Ограниченного контингента советских войск, некоторые душманские группы прекратили враждебную деятельность, перешли на сторону народной власти, значительная часть населения, особенно городов, также поддерживает НДПА и ее политику, они активно сотрудничают с

нами. Но некоторые непримиримые группы не видят или не хотят видеть выгоды для себя от создания коалиционного правительства на широкой основе. Они стремятся дестабилизировать военную и политическую обстановку в Республике. Особенно заметно усиление подрывной деятельности после того, как ваши солдаты ушли на родину. Вы, как и большинство западных журналистов, смогли в этом убедиться воочию. Ракеты, бомбы, взрывчатка. Мы могли бы вам демонстрировать это каждый день и тоннами. Но лично Вы все это прекрасно знаете и без всяких демонстраций. Сначала непримиримые воевали под предлогом «оккупации» Афганистана иностранными войсками, теперь на смену старому, появился новый лозунг — «борьба против насаженного Советами марионеточного правительства». В город засылаются агитгруппы моджахедов, проповедующие то, что не сегодня-завтра правительство падет, они стремятся вызвать беспорядки, организовать экономический саботаж. В арсенале их преступной деятельности — блокирование дорог, по которым идут колонны с продовольствием и горючим, при этом они говорят, что правительство не в состоянии обеспечить безопасность простых граждан. Сейчас в городе действуют несколько подрывных террористических групп из ИПА Гульбеддина Хекматира, а именно спецотдела этой организации — «Шэфа». Руководит ими некий Харун Ахунд-зада, штаб квартира «Шэфа» находится в Пешаваре. С месяц назад мы отловили грузовик, посланный этой организаций из Пешавара своим агентам в Кабул. Грузовик отслеживали прямо оттуда, сопровождали его на протяжении всего пути, чтобы раскрыть сеть мятежников в Кабуле. Изъяли 140 килограммов пластида, боевиков арестовали. Водитель уже во всем признался. В Хайратоне также отловили боевиков «Шэфа», которые хотели устроить взрыв прямо в порту. Сейчас они «загорают» в центральной тюрьме Пули-Чархи. Несколько дней назад арестовали членов «Шэфа», которые вознамерились провести крупнейший теракт — оставить пикап «Тойота» с почти тонной взрывчатки в районе между зданием Национального Совета и советским посольством и взорвать эту адскую машину посредством радиоустройства. Еще одна группа вообще обнаглела. Они уже переправили в район, граничащий с Картейе-сех, 11 реактивных снарядов, нацелив их на ваше посольство. Это недалеко от того места, где Вы, кстати живете. Взяли еще несколько боевиков прямо на крыше одной из вилл — те признались, что хотели заснять агонию совграждан во время обстрела на кинокамеру. У них, кстати, изъяли огромную сумму денег. Теракты, очень хорошо проплачиваются. Несколько дней

назад арестовали группу людей с поддельными карточками офицеров Генштаба и царандоя. Опять «Шэфа».

Вторая по численности подрывная антиправительственная группировка, действующая в Кабуле, принадлежит к «Движению исламской революции Афганистана» (ДИРА). В Кабуле ее эмиссар — некий шейх Асеф Мохсени Кандагари. Эта группировка действует, в основном, в среде хазарейцев и мусульман-шиитов. У этой группировки довольно сильные позиции в Газни, Майдан-Шехре, Бамиане, Парване. Оттуда они и засылают нам своих наймитов. Две недели назад обнаружили партию ракет и взрывчатки в огромной телеге с дровами.

— А что Ахмадшах Масуд?

— Кхм…, Масуд? Его люди, как правило, диверсиями не занимаются. Берегут реноме. Краеугольный столп их работы в массах — пропаганда и агитация. Агитируют за то, чтобы народ, особенно таджики, уходили в Панджшер, облагают торговцев данью. Разведчики ИОА Бурханутдина Раббани, к которому как раз Ахмадшах и относится, проникают в органы госвласти, инфильтрируются в командование афганской армии. Недавно арестовали у здания МВД в 11-м районе «милиционера» — бандита с почти идеально выполненными документами при попытке заложить взрывчатку у входа в здание. В 8-м районе города захвачено 25 килограммов тротила, привезенного из Логара.

— Товарищ генерал, если можно, чуть больше конкретики.

— Конкретики? Пожалуйста. Наиболее активные командиры бандформирований, занимающихся подрывной деятельностью, диверсиями и саботажем… Первый — Абдул Хак. Его люди щедро финансируются США и Великобританией. Занимается, в основном, изготовлением и распространением печатных агитационных антиправительственных материалов, распространяют листовки. Но, честно говоря, в Кабуле они малоактивны. За время, прошедшее с момента вывода ОКСВА, мы захватили 180–190 боевиков Абдул Хака. Интересно, что боевики активно вербуют своих сторонников в племенах кочевников. На днях отобрали у них машину с оружием, пытавшуюся проехать в Кабул… В результате недавно проведенной операции мы нанесли серьезный удар по ИПА, обезвредив группу инфильтрировавшихся в МВД и Минобороны элементов., которые поставляли информацию пакистанской военной разведке, действующей под Джелалабадом Обратите внимание, сейчас у нас введено чрезвычайное положение. Мы можем проводить неожиданные облавы и обыски, задерживать людей до выяснения обстоятельств без всяких ограничений. Душманы тут же изменили тактику

борьбы. Они переодеваются в военную форму, причем как в полевую, так в парадную, что позволяет им относительно свободно перемещаться по городу. Недавно отловили несколько лжесолдат, одного лжекомбата. Мы активно работаем в среде госслужащих, проводим среди них разъяснительную работу. У нас нет таких денег, которые платят своим шпионам США и другие западные страны. Приходится довольствоваться именно политической и разъяснительной работой. И это имеет свой положительный отклик. Нам «сдают» шпионов и саботажников добровольно, из идеологических побуждений. Многие наши работники также проникают в банды и ведут там разведывательную работу, вербуют сторонников народной власти. И небезуспешно Вдвойне ценно, когда на нас начинают негласно работать вчерашние моджахеды. Мы не в силах предложить им столько материальных благ, сколько предлагают американцы. Поэтому такого рода работа расценивается нами не только как содействие, но как проявление преданности своей Родине.

— Товарищ генерал, ваши подчиненные величают Вас доктором, как и доктора Наджиба. Почему?

— Вы здесь уже столько лет, что, боюсь, ничего нового не узнаете. Но все же, для проформы: Родился я в Кухе-Сафи. Знаете такой населенный пункт в уезде Дэхсабз? В семье простого крестьянина. Доктором меня величают не потому, что я какой-то академик непонятных наук. Я обыкновенный врач, а потому и доктор. Закончил медицинский институт, до революции семь лет работал врачом по провинциям. Мне 40 лет. После революции трудился по специальности в Шибиргане. Вам, наверное, знакомо такое понятие как «партийный призыв»? Так вот, я пришел в органы по заданию партии и получил из рук доктора Наджибуллы генеральские погоны. Вот так я и стал доктором человеческих душ. Что поделаешь. Революция….

— «Афганфильм» не про вас кино снимал под названием «Пейкар»?

Генерал рассмеялся. — Ну Вы даете, нет конечно. Хотя кое-какие аналогии и сравнения в нем усмотреть можно. Но нет, точно не про меня.

Мы еще долго беседовали с доктором и пили чай. Прихлебывая из чашки чуть теплый, хорошо утоляющий жажду напиток, попахивавший рыбьим жиром, я иногда в такт рассказу генерала кивал головой и обдумывал некоторые его фразы. Генерал не врал, когда рассказывал про переодевшихся моджахедов. С неделю назад прямо в центре Кабула я чуть не угодил к ним в руки. Дело было в четверг, самый базарный день. Несмотря на предостережения офицера безопасности, которые я

счел дежурной формальностью, сразу после летучки у посла я двинул в город, так как накануне сам себе выдал зарплату. Пачка купюр, как говорится, жгла ляжку, и я рванул в Шахре-нау на Зеленый базар. Я настолько привык к мысли о том, что лично со мной ничего дурного случиться не может, что полностью в тот день утратил бдительность, оставив пистолет в «бардачке» машины. День был солнечный и слегка прохладный. Меня не насторожило даже то, что часть дуканов была закрыта, что обычно свидетельствует о готовящейся заварушке или теракте. Бросив авто возле лавки знакомого хазарейца и попросив его понаблюдать за машиной, спокойно пошел по левой стороны Чикен-стрит в сторону центра города, к кинотеатру Синема-парк. Дойдя почти до конца улицы, где на перекрестке располагались дуканы цирюльников, повернул назад, разглядывая витрины. Улица была почти пуста, почему-то было мало машин. Заглядевшись на понравившийся мне пузатый самовар, стоявший за стеклом витрины, я вдруг отчетливо почувствовал на спине пронзительный взгляд. Я аккуратно повернулся к витрине чуть боком, чтобы видеть то, что творилось за моей спиной. И вовремя. Метрах в двадцати от себя увидел четверых молодых людей в нетрадиционных для Кабула таджикских накидках, скрывавших от глаз их руки. На их головах красовались плоские шапки — пакколи, что тоже было диковиной для афганской столицы. Все они были почти гигантского роста, за метр девяносто, уж точно, то есть на несколько сантиметров выше меня. Поджарые, с загорелыми лицами. Что это чужаки, я понял сразу. Теперь оставалось проверить, не по мою ли они душу? Я медленно двинул назад к машине, но топать до нее оставалось еще почти с километр. Я проклинал себя за забытый в «бардачке» пистолет и потерю бдительности. Останавливаясь у витрин дуканов, я смотрел в стекло что делают идущие сзади люди. Они оставались ровно на том расстоянии от меня, на котором я их и обнаружил, вроде даже еще и приблизились.

Тот кто долго жил в Кабуле, хорошо знает, что дуканы составляют только фасад афганских улиц, а черные дыры ходов, ведущих из них во внутренние дворики — это такая клоака, что там человек может исчезнуть как иголка в стогу сена, и никто и никогда его уже не найдет. Нужно было что-то предпринимать, и в голову пришла единственная на тот момент здравая идея — зайти в один из дуканов, где находились хоть какие-нибудь покупатели, которые могли спугнуть моих преследователей. Но как назло все магазины были или закрыты, или пусты. Противный липкий страх капельками холодного пота полез под куртку, ближе к шее. Ну вот, наконец. В дукане есть кто-то живой. Я

сделал три шага вниз, по ступенькам и зашел внутрь. У прилавка стояли еще два молодых человека, также очень подозрительного вида. Они ничего не покупали, и что самое противное, даже не разговаривали с владельцем торговой точки. Просто стояли и молчали, бросая взгляды на вход. Я также посмотрел на входную дверь и ужаснулся. Двое великанов блокировали вход, встав по обеим сторонам двери, а один спустился в дукан, встав за моей спиной.

— Дукандор, ну как покажи мне вон тот зонт! Я сам не ожидал от себя такой прыти и этих слов. Самым тяжелым, что продавалось в этом дукане, оказался именно зонт с толстой костяной ручкой, которой я намеревался воспользоваться как орудием в этой неравной борьбе. Не глядя, купил зонт и уже изготовился к тому, чтобы начать сопротивляться. Но вместо этого, неожиданно для самого себя, вдруг сделал гигантский прыжок к входу, и, выставив зонт впереди себя как штык на винтовке, опрокинул одного из блокировавших дверь. Дальше мысли не роились, а просто пульсировали в голове. Что делать? Бежать к центру улицы! Зачем? Не знаю! Я ждал выстрела в спину, но его не последовало. Еще один спринтерский рывок, и я уже у своей машины, выхватываю пистолет и смотрю назад. У дукана, где еще несколько минут назад стояли люди, никого нет. Никого нет и во всей округе. Мои преследователи, а также те, что находился в дукане, как испарились.

— Кто это были такие? Я обратился я к хазарейцу, который торговал с лотка возле моего автомобиля.

— О ком ты говоришь?

— Ну, эти четверо, с накидками?

— Никого не видел, тарджоман-саиб.

— Никого?

— Точно никого.

Я посмотрел хазарейцу прямо в глаза. Он отвел взгляд. Больше машину я на том месте не парковал. Мало того, мы быстро постарались от нее избавиться, продав ее бывшему хозяину моей квартиры в микрорайоне генерал-майору Гуляму Наби.

Такая вот приключилась малоприятная история. Я никому о ней не рассказывал. Но картинка помимо моей воли прокручивалась снова и снова в голове неприятным цветным мультфильмом в такт убедительным словам доктора Пейкара.

— Доктор, разрешите посетить следственный изолятор вашего управления.

— Почему именно нашего? Вы что, знаете где он находится?

— Конечно не знаю. Просто догадываюсь. Наверное, в начале

Чикен-стрит, у пакистанского посольства?

— Необычайная прозорливость. Впрочем, нет ничего невозможного. Завтра за Вами заедут два офицера с запиской от меня, чтобы Вы их часом ни с кем не перепутали. Годится?

— Спасибо товарищ генерал. С кем я там смогу поговорить?

— Покажете записку, которую Вам отдадут офицеры, начальнику оперативного отдела специзолятора.

— Еще раз спасибо. А офицеры знают мой адрес?

— Товарищ журналист, я ценю Ваш юмор. Камеру мы изъяли у «духов» на крыше виллы, которая находится через четыре дома от Вашего.

Попрощавшись с генералом, я сел в машину и поехал на работу, обдумывая по пути его слова об Ахмадшахе Масуде. Намеренно ли Пейкар так изящно «обошел» его своим вниманием? По всей видимости, да. Масуд контролирует дорогу с севера, с ним ведутся негласные переговоры о пропуске колонн с грузами. Пару-тройку грузовиков с мукой — в сторону от трассы, и через час колонна движется по дороге целая и невредимая. Неприятности могут поджидать ее уже совсем близко к Кабулу, где ряд уездов контролируют отряды ИПА Гульбеддина Хекматиара. Здесь уже происходит столкновение их интересов. Таджик Масуд пропускает колонны в Кабул в обмен на нанесение армейцами БШУ по пуштунам — гульбеддиновцам. Они и ему не дают житья, блокируя долину Панджшер и подрывая его алмазно-изумрудный бизнес. Раньше Масуду было полегче. На него работала куча информаторов-таджиков в Минобороны, что позволяло Масуду постоянно уходить из-под удара. Но когда в 1987 году был арестован начальник разведуправления Генштаба, сливавший ему информацию о готовящихся операциях, положение Ахмадшаха значительно усложнилось. Пуштун Наджибулла ненавидит таджика Масуда. Перед самым выводом войск он таки выпросил у председателя КГБ СССР Крючкова и министра иностранных дел СССР Шеварднадзе нанесение последнего массированного удара по долине Панджшер. БШУ нанесли, а потом жители Кабула, оказавшегося в кольце блокады, чуть с голоду не протянули ноги. Наджиб — националист. Большую часть таджиков из министерства обороны удалил под разными предлогами. Это ему еще аукнется. «Свои» пуштуны еще страшней — они в душе все заговорщики, особенно халькисты. С Масудом контактирует МГБ. Там таджиков прорва…

Из обзора газеты «Известия» от 28 августа 1989 года.

…«Сообщения информационных агентств из Афганистана свидетельствуют о том, что непрекращающиеся ни на один день в течение последних полутора месяцев междоусобные бои между

различными оппозиционными группировками достигли в эти дни небывалого накала. Создается впечатление, что в некоторых провинциях страны моджахеды почти забыли о существовании правительственных войск и обратили всю свою ярость и боевую мощь на бывших союзников, оказавшихся теперь злейшими врагами.

В междоусобные столкновения вовлечены прежде всего члены двух наиболее влиятельных и многочисленных группировок оппозиции — «Исламской партии Афганистана» (ИПА), действующей под предводительством Г. Хекматиара, и «Исламского общества Афганистана» (ИОА), которое возглавляет Б. Раббани. Затаенная вражда, которую представители этих организаций долгие годы питали друг к другу, выплеснулась в открытый вооруженный конфликт 9 июля. Тогда в северной провинции Тахар, боевики из ИПА устроили засаду, в которую попали тридцать членов ИОА, в том числе несколько полевых командиров. Все они были хладнокровно перебиты. Кровавые события в Тахаре вызвали цепную реакцию по всей стране.

Как сообщил по телефону из Кабула корреспондент ТАСС А. Грешнов, в конце прошлой недели отряды ИОА во главе с известным полевым командиром Ахмад Шахом Масудом предприняли ответную операцию против хекматиаровцев, захватив в плен 11 членов противоборствующей группировки. Мстя пленным за своих растерзанных соратников, подчиненные Масуда в свою очередь проявили невиданное зверство — отрезали своим противникам головы, ноги, руки, вспарывали животы. ИПА не осталась в долгу. В нескольких провинциях ее отряды перешли в наступление на позиции сторонников Раббани. Счет жертвам ожесточенных боев идет уже на сотни. Наиболее напряженные столкновения происходят в северо-восточных провинциях — Бадахшан, Кундуз, Сари-Пуль, Лагман. В целом складывается впечатление, что возглавляемые Масудом отряды ИОА действуют более успешно, постепенно вытесняя хекматиаровцев с их позиций. Превосходство ИОА над своими противниками можно частично объяснить тем, что значительная часть населения северных провинций лояльно относится к группировке Раббани, а популярность экстремистов из ИПА весьма низкая. В последнее время, правда, лидеры ИОА пытаются приуменьшить размах междоусобных боев, создать впечатление, будто оппозиционные силы всецело поглощены операциями против «коммунистического режима», и добились при этом немалых успехов. Однако телеграммы информационных агентств опровергают эти утверждения. Франс Пресс, например, сообщает, что Ахмад Шах Масуд, собрав под свои знамена не менее пяти тысяч человек, 25

августа предпринял одновременные атаки на несколько опорных баз хекматиаровцев в провинциях Тахар и Бадахшан. Причем только в Бадахшане потери ИПА составили 150 человек. Находящийся в Пешаваре брат Масуда Ахмад Зия получил от него послание. Масуд сообщает, что его люди «захватили живьем» 300 членов хекматиаровской партии. Среди них и получивший печальную известность Саид Джамал — тот самый который руководил резней в Тахаре 9 июля. Масуд заверил, что не имеет намерения предать смерти захваченных противников. Все они, включая Джамала, будут переданы специальной комиссии, которую «переходное правительство» моджахедов создало две недели назад для расследования тахарского инцидента. В том же письме, предназначенном, судя по всему, для того, чтобы его предали огласке, Масуд выдвинул против ИПА обвинение в «сговоре и сотрудничестве с кабульским режимом». Джамал и его люди будто бы заключили соглашение с афганским правительством, стремясь свести на нет влияние ИОА в северных районах страны. Надо заметить, что некоторое время назад хекматиаровцы адресовали точно такие же упреки сторонникам Масуда.

26 августа лидер ИПА, находящийся сейчас в восточной провинции Пактия, созвал на «экстренное совещание» членов исполнительного комитета своей партии, стремясь найти выход из ситуации, которая с каждым днем становится все более критической. Какую цель он преследует при этом? Разработать план ответных действий против Масуда или попытаться найти пути к хотя бы временному примирению с ИОА?»….

На следующий день после встречи с генералом, мы поехали в КПЗ МГБ вдвоем — вместе с Юрием Тыссовским. Как и обещал генерал, за нами заехали два офицера одетые в обычную военную форму. Но даже по тому, как на них сидело военное обмундирование, можно было догадаться, что это не армейцы. Работников службы госбезопасности всегда выдавала тщательно отутюженная, как с иголочки, одежда. Военные кепи с козырьком обычно имели высокую тулью, в сам козырек вшивалась пластиковая вставка. Это было вполне объяснимо. Для армейцев их форма была повседневной. Офицеры МГБ обычно ходили в свободное от работы время суток в гражданской одежде. Кроме того, они почти все без исключения отлично и понятно говорили на языке дари, в то время как армейцы предпочитали пушту. Такая вот незатейливая арифметика.

УАЗик, в котором мы ехали, притормозил у начала Чикен-стрит, прямо на перекрестке, с которого одна дорога уходила в район Вазир Акбар-Хан и далее — в советский микрорайон, а

другая — в центр города, к недостроенному зданию министерства связи и универмагу Карьяман. Сам Т-образный перекресток отделяла от проезжей части глухая и аккуратная коричневая глинобитная стена. Пройдя под сводами деревьев, мы остановились у маленькой металлической двери, сопровождавшие нажали на звонок. Через некоторое время дверь открылась, и нас впустили внутрь. Некоторое время мы стояли во внутреннем дворе, где размещалась станция радиослежения. На низких, в основном подземных постройках, крыши которых не сильно возвышались над землей, торчали десятки высоких антенн и локаторов. Вероятно, отсюда хорошо прослушивалось пакистанское посольство, находившееся от КПЗ менее, чем в ста метрах. Спустя пару минут, нас повели вниз по лестнице в изолятор. Помещение изолятора шло вдоль стены, отгораживавшей внутренний двор от улицы. На первом — самом верхнем этаже — размещались караульные помещения и служебные кабинеты. Камеры находились на двух уровнях ниже поверхности. Воздух здесь был влажный и холодный. От стен камер несло сыростью. Плотного телосложения пуштун, судя по погонам, капитан, в сопровождении более худого сержанта провели нас в камеру для допросов. Ее площадь составляла примерно 18–20 квадратных метров. Напротив двери вверху стены располагалось вентиляционное отверстие. У той же стены на небольшом, сантиметров 20–30, пьедестале, стоял прикрученный к полу металлический стол и такая же металлическая прикрученная к полу табуретка. По команде капитана в комнату были немедленно доставлены дополнительные табуретки и стулья. В комнату одного за другим стали вводить заключенных. Тут я обнаружил, что почти все, что мне рассказывал Пейкар, оказалось правдой. Казавшиеся такими далекими и нереальными в разговоре персонажи в действительности превращались во вполне реальных противников народной власти, о которых мы говорили с генералом.

Сначала вводили запуганных нечесаных людей, которые путались в показаниях. Послушав их рассказы, я стал указывать им на несоответствия, звучавшие в их признаниях. Они еще больше путались и все как один в конце «признавались» в любви к Отечеству и говорили, что выполняли свою миссию под страхом смерти. Сидевший за их спинами, рядом с дверью капитан и его помощник, только улыбались в усы, а когда вывели очередного зэка, офицер поинтересовался, не советник ли я народной милиции. Услышав ответ, он с неподдельной грустью в голосе сказал «Жаль, у Вас так быстро получается их разговорить».

Я попросил его привести кого-нибудь из настоящих

контрреволюционеров. Подумав с полминуты, он изрек: «Ладно, сейчас Вам приведут настоящих бойцов. Будьте внимательны в своих вопросах».

Первым в камеру ввели низкорослого коротко стриженого афганца. Он не производил впечатления закоренелого убийцы. Мохаммад Касем, водитель «Тойоты», которую душманы планировали заминировать тонной взрывчатки и взорвать близ здания Нацсовета, родился в кабульском районе Чель-Сотун, Шесть классов средней школы.

«Я не являюсь постоянным членом контрреволюционной группы. Я простой водитель. Однажды ко мне домой пришел мой знакомый и сосед Хамид, который попросил меня привезти дрова из Логара в Кабул. Дрова, как Вы знаете, у нас ценятся очень высоко, это почти уголь, они продаются на сиры (один сир — семь килограммов — прим. автора). Я и уехал за дровами. Хамид поехал вместе сомной. Когда нас загрузили в Логаре дровами, Хамид вдруг сказал, что если я найду что-нибудь в кузове кроме дров, чтобы я не паниковал и не беспокоился. Это — его контрабанда. Расплатился за поездку Хамид частью дров. Через шесть дней мой сосед вновь пришел ко мне домой и попросил меня съездить в Логар за древесиной. Я снова уехал. Однако на третий раз, при погрузке ко мне подошел некий Устад (учитель) Карим, который сказал, что если я буду много болтать про поездки за дровами, мою семью убьют. Я приехал домой и обнаружил под вязанками дров сундук. Я отнес его Хамиду. Поездки «за дровами» продолжались. Однажды Хамид остановил нашу машину в районе Баджи-Агван и сгрузил сундук там. Всего Хамид приходил ко мне домой четыре раза, и четыре раза я возил дрова с сундуками. Иногда я получал от Хамида деньги, иногда не получал. Если он мне платил, то сумма, обычно, не превышала 3–4 тысяч афгани. Но и это для меня были большие деньги. Однажды мы привезли из Логара 12 реактивных снарядов, заложив их сверху дровами. Помимо них под дрова упаковали портфель-дипломат и видеокамеру «Сони». И поехали к инженеру Абдулу Рахиму. Видимо, в тот раз, за нами и установили наюлюдение. Однажды, когда я трудился в гараже, вновь пришел Хамид и забрал меня. У него дома мы забрали еще двоих его друзей и поехали по дороге в Дар уль-Аман, где располагалось советское посольство. Член банды Устад Карим купил за один миллион афгани новую «Тойоту» для проведения теракта. Что было дальше, я не знаю, так как меня в этот же день и арестовали. Вечером я поехал в такси на свадьбу своего родственника. Однако машину остановили работники МГБ, следовавшие за нами на джипе. Они провели обыск в моем доме, где провели обыск. Они

сказали, что если я добровольно сдам реактивные снаряды, ко мне проявят снисхождение и отпустят, но они меня обманули. Я был арестован и водворен в эту ужасную тюрьму. Все, что я Вам рассказал, я делал не от хорошей жизни. У меня есть жена, дочка, которой всего семь месяцев, теперь не знаю, кто их будет кормить. Я служил в армии два срока — четыре года. Два раза меня ловили, и два раза я служил. Последний срок служил в Хосте, где заправлял вертолеты».

Следующего моджахеда, которого ввели в камеру для допросов, я почему-то запомнил особенно хорошо. Он был молод, по-восточному красив. Чистые, длинные как смоль черные волосы ниспадали на явно недешевый европейский пиджак, накинутый поверх национальной рубахи без воротника… Из-под восточных шаровар — «мотни» выглядывали носки новых классических черных полуботинок. Мохаммад Хамид, сын Мохаммада Юсуфа явно не волновался. По его лицу блуждала присущая только восточным людям улыбка — своего рода маска, помогавшая ему не выдать своих истинных эмоций. Он спокойно сел на предложенный ему стул и спросил офицера, кто его сегодня собирается допрашивать. Узнав, что к нему приехали журналисты, он даже слегка повеселел. Поначалу вялотекущий разговор, перешедший затем в интереснейший спор, получился откровенным и длился почти два часа, за время которых мы многое узнали друг о друге. Хамид, который помимо классического фарси, еще и отлично говорил по-арабски, попрактиковался в пикировке с Тыссовским, который долгое время работал в странах Ближнего Востока, а узнав, что и мне пришлось поучаствовать в военной капании в Джелалабаде, воскликнул: «Раз так, то давайте поговорим честно!».

Иногда Хамид волновался — но это было заметно только по тому, с какой скоростью он перебирал своими холеными, унизанными дорогими перстнями пальцами, четки. Этот моджахед был уважаем даже в этом МГБшном застенке — обычно у заключенных отбирали посторонние металлические предметы. Когда в разговоре я упомянул город Герат и городскую мечеть, которую реставрировал мой знакомый мулла, глаза у Хамида загорелись.

— Вы знаете, первый раз в жизни слышу из уст «шурави» слова, достойные мусульманина. Я ведь тоже строитель, и сам родом из Герата. То о чем Вы говорите, мне прекрасно знакомо, я часто ходил молиться в мечеть Джами и вероятно знал этого муллу. Строительную специальность я получил после школы, закончил 12 классов. У меня большая семья — 12 братьев. Один из них учился в Советском Союзе. Одиннадцать других — воевали

на стороне моджахедов. Когда в город вошли советские войска и стали сносить с лица земли все то, что я строил, мне пришлось уйти в Иран в поисках работы. Кому в Афганистане была нужна моя специальность? Я строитель, а не разрушитель. Но Вы, наверное, знаете, что и в Иране работы не найти. Ее предоставляют только тем, кто сотрудничает с моджахедами. Вот и я вступил в контакт с ИПА. Но мое относительное благоденствие в этой стране длилось не долго. Через два года меня в составе группы перебросили в Пакистан. Уже после Пакистана я выполнял возложенную на меня миссию в провинции Логар и городе Майдан-Шахр. Я воевал против вас долгое время. Мой «контрреволюционный» стаж составляет шесть лет, четыре с половиной из которых я отсидел в тюрьме. Лишь недавно меня опять арестовали в районе Лаландар, теперь вот сижу здесь. А после первого срока меня «призвали» в армию. Вы, наверное, знаете, как это у нас делается. Я просто вышел из дома за продуктами, а оказался в военной форме в ущелье Джаджи. Очень мрачное место, должен Вам сказать. Попал я в группу разведки. Но служба в районе Джаджи сулила мне верную смерть, поэтому я и сбежал в Пакистан. Пакистан — не Иран. Там ко мне отнеслись не лучшим образом — все никак не могли поверить, что я четыре с лишним года просидел в тюрьме. Я скитался — то Пакистан, то Иран, пока однажды по официальным документам не въехал на родину через пограничных пункт Торхам, что под Джелалабадом. Шесть месяцев жил в Кабуле. Один из моих бывших сокамерников пригласил меня в отряд моджахедов, в провинцию Логар. Последнее задание, на котором мы и завалились, было трудным: нужно было заснять на кинокамеру обстрел ракетами советского посольства, агонию его обитателей.

— Хамид, вы же родом из Герата. Почему пошли к Гульбеддину, а не в ИОА к Раббани?

— Под знаменами Гульбеддина в основном служит молодежь. У них отлично поставлена пропагандистская и политическая работа, направленная, в первую очередь, на молодых. Мне там понравилось. Хотя, откровенно сказать, у меня выбор был. ИПА и ИОА в Пакистане живут мирно, не то, что в Афганистане. Но я выбрал ИПА. Да и потом они мне здорово помогли в Иране. Когда первый раз я попытался перейти афгано-иранскую границу в районе КПП Ислам-Кала, меня арестовали и поместили в Иране в КПЗ до выяснения личности, а гульбеддиновцы имели своих людей в этой тюрьме и вытащили меня оттуда.

— Можете назвать своих командиров в Пакистане и Иране?

— Теперь могу. В Пакистане нами командовал некий Матан, здесь, в Логаре — Карим по кличке «Мостахфар», Устад Карим,

Гаусуддин. Экзамены по военному делу в составе группы из восьми человек сдавал под Исламабадом лично «Генералу-Моджахеду».

В Иране командиры обращаются друг к другу по прозвищам. Одного звали «Дидар», другого «Бэлал». Последний, кстати, ушел из ИПА в «Фронт национального освобождения» (НИФА). Эти командиры воюют только на севере Афганистана, они таджики. В Иране есть еще одна интересная прокитайская группировка. Это «КАМА». Мы их называем просто — маоисты. Они против всех и все против них.

— Хамид, если бы у Вас была своя семья и дети, Вы бы воевали на стороне моджахедов?

— Семья у меня есть, я не сирота. У меня 12 братьев. Да, жены и детей в связи с войной завести не сумел. Но если бы они и были, я бы все равно воевал против вас, как это делают все честные мусульмане.

— Почему?

— Поставьте себя на мое место.

— Как народ относился к советским солдатам?

— По-разному. В основном, приходу иностранных войск не радовались. Да и правительству, посаженному ими, тоже. Я лично видел, что творили «шурави» в провинциях. За один выстрел из винтовки сносили с лица земли целые деревни. Да вы сами ездите по стране. Смотрите, смотрите, смотрите. В провинциях нет живого места. Относительно хорошо население живет только в городах. Я много думал о том, что происходит у меня на родине, и писал письма брату, который учился в СССР. У нас с ним разные дороги в жизни. Часть людей, конечно, поддерживает нынешний режим. Но те, кто это делает — уже кафиры (неверные) и им будут мстить за пролитую кровь мусульман.

Сейчас вы много говорите о национальном примирении. СССР, ООН, официальный Кабул делают экивоки в сторону Захир-Шаха, хотят создать коалиционное правительство. Это правильный ход, но за исключение одного тезиса Уберите их этого правительства коммунистов, и тогда оно действительно станет коалиционным. Просоветские наймиты нам не нужны.

— Что Вы сделаете, если Вас отпустят на свободу?

— Пойду к своим братьям драться против вас, за исламскую религию, которую вы попрали и унизили.

— Вам приходилось убивать советских военнослужащих? Участвовать в пытках, истязаниях пленных?

— Мне приходилось воевать, и не языком, а автоматом. Кто хочет резать головы — тот их режет. Кто не хочет — тот этого не делает. Кстати, пытки и отрезание голов — это не какой-то

специальный ритуал умерщвления, придуманный для советских солдат. Точно так же без головы может остаться и любой кафир, в том числе и соотечественник. У каждого свое мироощущение. Кто-то режет, кто-то нет. Я предпочитаю продать врага за деньги заинтересованным в этом лицам, нежели его умерщвлять. Я видел это в провинции Логар. В районе Сорхаб мы разгромили колонну и взяли нескольких советских военнопленных. Солдатам отрезали головы, а офицеров продали.

— Куда продавали офицеров?

— В основном, в Германию. Их выкупали разные правозащитники, платили хорошие деньги…

Не стану утомлять читателя описанием терактов в афганской столице. Сейчас это уже вряд ли кого-то волнует — цена человеческой жизни в России упала донельзя. Скажу лишь, что в стране шла кровавая гражданская война, шла с переменным успехом, и теракты прочно вросли в быт, так как завтрак или ужин. Вид развороченной мертвой человеческой плоти уже не шокировал. Сердце щемило только тогда, когда гибли дети.

МГБ Афганистана, царандой отвечали бандитам проведением точечных спецопераций, нейтрализуя и обезвреживая большое число противников режима. Кабульский централ Пули-Чархи не успевал переваривать и отправлять новые партии «перековавшихся» и «раскаявшихся» моджахедов на фронт в качестве солдат афганской армии. А камеры центральной тюрьмы все наполнялись и наполнялись новыми сидельцами. Жизнь в Пули-Чархи кипела.

Впервые очень близко я увидел эту тюрьму 28 декабря 1979 года, на следующий день после ввода советских войск в Афганистан и ликвидации Хафизуллы Амина. Странно, но я не увидел тогда улыбок радости на лицах родственников, пришедших к главным воротам встречать освобожденных зэков. Их просто не было. Бала советская самоходная артиллерийская установка у ворот, да злобные лица афганцев. Освободили народу тогда совсем немного, а места амнистированных сразу заняли сподвижники Амина. Впоследствии я неоднократно посещал эту тюрьму и гулял по ее лабиринтам. Здание тюрьмы, построенное немцами по чехословацкому проекту, представляло собой «снежинку» в виде пяти лучей-блоков, расходившихся от круга. По окружности лучи соединяла каменная стена. На стыке лучей и стены стояли сторожевые башни, в которых размещались посты безопасности. Всего их было пять. С высоты полета тюрьма выглядела как укатившееся в чисто поле колесо от телеги. Крыши «колесных спиц» были покрыты медными листами, и пока они не позеленели от воздействия внешней среды, в лучах вечернего

заката тюрьма светилась зловещим кроваво-бордовым светом. Охрана тюрьмы на протяжении десяти лет Апрельской революции не подвергалась сильным изменениям. По штату тюрьму охранял один батальон — всего 300 солдат и четыре танка с экипажами — сначала это были Т-54, потом Т-62. На период лета 1989 года в тюрьме находились 2810 заключенных, из них 666 контрреволюционеров. Начальники этого исправительного учреждения с каждой сменой власти в Кабуле, как правило, бесследно исчезали. Осенью 1989 года обязанности начальника тюрьмы исполнял подполковник Мохаммад Акбар, пуштун, высокого роста, с крючковатым орлиным носом. По его словам, с момента провозглашения в стране в 1987 году политики национального примирения из этого ИТУ были освобождены 8198 заключенных. Большая их часть заслужила досрочное освобождение, изъявив желание служить в рядах афганской армии.

В отличие от предыдущих лет, в 1989 году над тюрьмой Пули-Чархи взял «шефство» Международный Комитет Красного Креста, что значительно облегчило сидельцам жизнь. Представители МККК навещали обитателей ИТУ три раза в неделю. Они встречались с заключенными, записывали их просьбы, передавали письма от родственников. Нуждающихся в медицинской помощи — тех, кому не могли оказать квалифицированную помощь местные санитары — усилиями МККК перемещали в госпитали на излечение. В 1989 году 20 узников тюрьмы получили От Красного Креста современные протезы.

Обычно тем, кто посещал Пули-Чархи не по служебной необходимости, показывали три «открытых» для показа блока. Хотя экскурсоводы называли их контрреволюционерами, это были люди, осужденные уголовным ведомством народной милиции за совершение экономических, уголовных и бытовых преступлений. Бандиты содержались в дальних от входа в тюрьму — центральном и правом «лучах». Их жизнь разительно отличалась от жизни «уголовников». Они сидели в каменных мешках с минимальным набором средств к существованию, за металлическими дверями с маленькими зарешеченными стальными прутьями окошками. Для неконтрреволюционеров жизнь в тюрьме была вольготной. Многие афганцы специально совершали малозначимые преступления, чтобы попасть в эту тюрьму и относительно спокойно отсидеться в ней, пока идет война. Общие камеры не слишком социально опасных зэков представляли собой комнаты с относительно большими зарешеченными окнами, нарами в два этажа. В камере обычно

стоял казенный телевизор, зэки играли в шахматы и нарды, читали книги и слушали радио. Особо состоятельным разрешалось иметь личные цветные телевизоры и особый уход за их собственные деньги. В каждом из трех открытых блоков была своя библиотека с религиозной и художественной литературой, свежими газетами и журналами, мечеть, вернее место для моления с нарисованной на стене зеленой дверью. Такая же мечеть с нарисованной дверью была и во внутреннем дворе, где зэки гуляли в отведенные для этого часы. В тюрьме были свои волейбольная и футбольная площадки. Один раз в 15 дней каждый зэк, за исключением ярых контрреволюционеров, имел право на свидание с родственниками.

В тюрьме Пули-Чархи желающим предоставлялась работа для того, чтобы они могли зарабатывать и покупать себе в местном кантине конфеты, сигареты, чай, сахар, орехи, кока-кола-колуфанту, продовольствие. На территории тюрьмы размещались мини-завод по производству изделий из пластмассы, мастерская по изготовлению ковров, прачечная, швейная мастерская, мастерские по ремонту автомобилей и бытовой техники. В зависимости от объема выпускаемой продукции и услуг обитатели Пули-Чархи получали заработную плату, обычно 10 процентов от суммы реализованных товаров и услуг. Ковры зэки ткали отличные. Национальная принадлежность мастеров ткацкого дела угадывалась в орнаментах ковров и ковровых изделий. Социально неопасных зэков, хорошо показавших себя в работе и не нарушавших режим, отпускали на два-три дня в неделю в город к родственникам. Кормили в тюрьме неплохо. Утром чай с булкой и лепешкой, обед из трех блюд, плотный ужин. Последний раз, посещая эту тюрьму, я хотел даже присоединиться к трапезе охранников в столовой, что размещалась в полуподвале блока, слева от тюремных ворот. Но потом передумал, хотя котлеты выглядели очень аппетитно. Самое плохое обычно случалось со всеми в последние месяцы командировки. Это знали все, но иногда забывали. Потеря бдительности и внутренняя расслабленность — верное преждевременное путешествие на тот свет.

Во время одного из посещений тюрьмы, начальник оперативного отдела батальона охраны показал мне то место, где в 1979 году по ночам проводились массовые расстрелы узников. Это был маленький закуток-дворик в центральной части тюрьмы. По существовавшей в Афганистане традиции людей расстреливали лежащими вниз лицом на земле, поэтому следов от пуль на стенах не оставалось.

В правом от центральных ворот секторе пенитенциарного

учреждения располагался блок, где проживали арестованные родственники афганских президентов. Это был небольшой каменный домик с меленькими зарешеченными окошками, всегда затянутыми изнутри непрозрачной материей. Строение с крошечным двориком окружала глухая каменная стена, за которой на веревках всегда сохло постиранное белье арестанток, у которых отсутствовала связь с внешним миром. В 80-х годах там медленно умирали от одиночества женщины семьи Хафизуллы Амина. До них здесь некоторое время жила семья задушенного сподвижниками Амина президента Нура Мохаммада Тараки. Семья Амина была, по слухам, освобождена президентом Наджибуллой через 12 лет после ареста, два года спустя после официального окончания войны в Афганистане. Брат Хафизуллы Амина — Асадулла, курировавший службу безопасности АГСА, во время антиаминовского переворота 1979 года, был срочно вызван в Москву «для консультаций», где был арестован сотрудниками КГБ и некоторое время сидел в СИЗО «Матросская тишина». В тюрьме КГБ он вел себя спокойно и достойно, как и подобает офицеру. Затем его «сдали» новому правительству Бабрака Кармаля, переправив как арестанта в Кабул. Его сразу же расстреляли.

Моя командировка подходила к концу. Я с радостью наблюдал, как начинает оживать жизнь в прифронтовой столице. Опять на полную мощность заработал Кабульский домостроительный комбинат, третий и четвертый микрорайоны разрастались прямо на глазах. В провода, протянутые по улицам, вновь пришло электричество — заходили троллейбусы, рейсовые автобусы государственной компании «Мелли бас». Переориентировавшиеся с Советской Армии на внутренний рынок торговцы вновь открывали дуканы, из Индии возвращались афганцы, покинувшие страну из страха перед моджахедами.

Афганская армия, воодушевленная крупными военными победами на востоке и юге страны, продолжала наносить врагу ощутимые удары. Теперь их акцент сместился ближе к столице — вокруг Кабула создавались два кольца безопасности. Многие банды переходили на сторону революционной власти, многие подписывали соглашения о нейтралитете. Непримиримых «окучивали» с земли и воздуха. К осени подразделения афганской армии сумели очистить от крупных банд обширную территорию от Кабула до Гардеза, расположенного на юге страны. Гардезское направление было чрезвычайно важным — именно там сконцентрировались отряды «непримиримых» ИПА Гульбеддина Хекматиара. В отрогах гор, окаймляющих наземную автотрассу справа по ходу движения от Кабула к Гардезу, были уничтожены

крупные военные базы моджахедов. На посещение одной из захваченных баз меня уговорил мой сослуживец Андрей Семенов. Я совсем не хотел лететь. Помнил, что самое неприятное начинается «под дембель». Я четко выразил свое негативное отношение к полету в горы, однако Андрей настоял, сказав, что эта поездка оставит в моей памяти неизгладимые воспоминания. Если бы я знал, какие воспоминания оставит эта поездка, точно бы никуда не полетел.

Рано утром погрузились в два Ми-8 и стартовали в сторону Гардеза. Помимо нас, иностранных журналистов и сотрудников КГБ СССР, в салонах вертолетов находились облаченные в камуфляж и «песочку» …советские десантники при всех «регалиях» — с «лифчиками», полными запасными магазинами, РД, с АКСУ и даже пулеметом РПК. Для иностранцев это стало полной неожиданностью. Они чуть не попадали от удивления. По их сведениям, последний советский солдат уже почти год, как покинул Афганистан. Но их сразу же предупредили — снимать наших «спецов» нельзя. Тот, кто будет настаивать — останется в Кабуле. Запрет на фотографирование советских бойцов спецназа был повторен трижды. Дословно, было сказано так: «… эти люди летят защитить вас в случае непредвиденных обстоятельств. Если они станут «героями» ваших опусов — это будет расцениваться как грубое нарушение наших негласных договоренностей. Либо вы забываете об этих офицерах и солдатах раз и навсегда, либо любые полеты над афганской территорией останутся для вас лишь мечтой…».

Летели минут двадцать, до тех пор, пока ведущий не стал нарезать круги и ввинчиваться в узкое ущелье. Мы сели на небольшое ровное зеленое плато. Слева в ущелье бурлила по камням узкая речушка, справа шли скалы. В реке страшным напоминанием недавнего прошлого лежали останки сбитого советского вертолета — развороченная кабина пилотов и остатки лопастей. В длину плато было шагов пятьдесят, в ширину — тридцать-сорок. С севера (стороны Кабула) прямо в скалу уходил рукотворный тоннель в огромную темную пещеру. У базальтового свода в полтора человеческих роста стоял офицер афганской армии и несколько афганских солдат. Я сразу поинтересовался у офицера наличием мин в окрестностях.

— Все разминировано, тарджоман-саиб. Они успели поставить всего несколько «противопехоток» в проходе в пещеру. Мины малой мощности — обычные и «химические».

— Что это за «химия»?

— Китайские мины. Выжигают лицо. Вчера при размнировании один солдат потерял глаза.

— Там больше мин нет?

— Амният (безопасно). Все проверили, мин больше точно нет, отчеканил офицер.

Ну, нет, так нет. Все равно нужно смотреть под ноги Афганцы по жизни, в основном, руководствовались принципом «парва нист» (по фигу). Их пофигизм им иногда аукался.

Десантура полезла на скалы, блокируя территорию плато сверху. Зажгли два факела, у кого были — фонари и пошли внутрь пещеры. Я замыкал шествие, следуя точно по следам впереди идущих. Из утрамбованного грунта торчали покатые верхушки крупных валунов, по ним и перемещались. У отверстия, уводящего во тьму пещеры, остановились и посветили факелами внутрь. Дальше идти не стали и развернулись обратно. Так как я шел в конце группы и не успел посмотреть, что там внутри, задержался и попросил у одного из людей фонарь. Сначала посветил под ноги и аккуратно поставил ногу на грунт, заглянул внутрь. Пещера была очень большая и уходила куда-то влево, прямо в скалу. На полу лежали разбросанные зеленые ящики из-под боеприпасов, луч фонаря выхватил из темноты горелые головешки — остатки костра. Ничего особенного, обычная пещера. Второй вход из нее наверняка находится в нескольких стах метрах, на другой стороне горы.

Обернувшись, я обнаружил, что все уже покинули пещеру, я остался один. После фонаря глаза в темноте видели плохо. Я выключил его и подождал пару минут, пока они не привыкнут к сумраку — теперь свет исходил только снаружи, от входа в пещеру. Почему-то по спине пробежал холодок. Я медленно двигался к выходу, старательно переставляя ноги точно на камни, по которым шли сюда раньше. Неожиданно наступил на развязавшийся шнурок от кроссовки, сел его завязывать и посмотрел левее левой ступни. Рядом лежала небольшая, величиной со школьный коржик, зеленая мина. Она была гладкая, округлая. Я мгновенно вспотел и застыл как кролик перед удавом. Медленно выпрямился, уперевшись правой рукой в свод пещеры. Очень, очень медленно выходил наружу. Вышел весь мокрый, как искупался. Порадовал афганского офицера находкой. Тот сам удалился в каземат, а когда вышел, без слов вдарил стоящему рядом солдату кулаком в лицо. Все было понятно. Одну мину пропустили.

Когда летели назад, случилось ЧП. Западные журналисты вели себя, как и подобает белым людям — фотоаппаратами внутри вертушки не щелкали. Конвенцию о нераспространении информации о десантуре нарушил «друг Советского Союза» — корреспондент одной из крупнейших индийских газет. Делал он

это скрытно, поставив камеру на лавку рядом с собой и изредка нажимая на спусковую кнопку «Никона». Сидевший слева боком к индусу Коля Усольцев сначала не мог этого увидеть, я указал ему глазами на «индейца», который готовил к прорыву в прессу крупный международный скандал. Мы переглянулись и быстро приняли единственно правильное решение. Сначала из вертолета на скалы улетела вытащенная из фотоаппарата пленка, потом и сам фотоаппарат…

Индус нажаловался на «беспредел» Тыссовскому, тот — в посольство, далее — по цепочке. Коле вломили в его ведомстве по полной программе. Меня вместе с Тыссовским заставили ехать в гостиницу «Кабул», где остановился этот проклятый индус и просить у него прощения. Я сидел у него в номере и пил чай до посинения, говоря ласковые слова. Как бы то ни было, но мир так и не узнал, что в Афганистане остались советские солдаты. Нового фотоаппарата мы «нашему другу» так и не купили…

Герат, ноябрь 1989 года

Крайняя командировка в Герат выдалась уже почти перед самым отъездом на родину. Анализируя сегодня события тех далеких дней, все больше прихожу к выводу, что этому способствовал целый ряд обстоятельств, которые были вовсе не случайны. По взаимной договоренности с Тыссовским, летать по провинциям мы стали через раз. Но когда мне выпало лететь в Джелалабад к пакистанской границе, я отказался. Ночью мне снились неприятные сны, от которых я то и дело просыпался. Лежал, курил. До самого утра в голове фотографиями всплывали цветные картинки кишлака Дарунта, изгиба трассы слева направо, не доезжая этого кишлака минут за 25, столбики плоских камешков на трассе — ориентиры для работы снайперов — то ли наших, то ли духовских, вечерние огни Сорхруда и Камы. Отчетливо вспомнил лесопарковую зону «Соловьиный сад» недалеко от аэродрома и то место на шоссе, откуда в 86-м парнишка-военный и его невеста из бригады поднялись прямо на небо, обрученные, но так и не повенчанные. Мы их очень ждали тогда в Кабуле. Шутка ли, из этого ада лететь в столицу, в генконсульство, чтобы навеки официально скрепить подписями свое решение стать мужем и женой. Мы приготовили им подарки, а я хотел написать об этом памятном событии на всю страну. Но не судьба была мне написать, а им — пожениться… За пару дней до отлета в Кабул поехали они на аэродром друга встречать, уже смеркалось. Нельзя было ехать, но ребята настояли, сказали, что успеют, что проскочат. Не проскочили…

В Джелалабад отправился Тысс. Город миновали спокойно, а вот у КПП Торхам их БТР из пулемета накрыли моджахеды. Все, кто сидел на броне, поскатывались вниз. Юра не успел, пулеметная пуля вошла ему под колено, а вышла почти из задницы. Так Тыссовский на деле убедился в верности пословицы, придуманной советскими солдатами, воевавшими в провинции Нангархар. «Если хочешь пулю в зад — поезжай в Джелалабад». Так как тормозной путь железки был очень длинным, рана была чрезвычайно болезненная. Но когда Тысса привезли в Кабул, он от госпитализации отказался. Лежал в постели в кабинете Отделения ТАСС. Не стонал, молчал. Только тихонько кряхтел, когда ковылял с палочкой к машине — надо было ехать на перевязки и уколы в торгпредскую больницу.

Его медленное выздоровление проходило под аккомпанемент разрывов РСов, которые ложились уже кучно вокруг посольства и наших вилл, обезображивая белые дувалы дырками и выбоинами.

Коль скоро Тысс был не транспортабелен, в Герат рванул я. Влился уже в аэропорту, в самый последний момент, в группу иностранных журналистов и сопровождавших их посланников советского государства. Первый раз за все время пребывания в стране я узнал о существовании каких-то списков пассажиров, которых брали на борт, и обязательном облачении в парашюты, которыми пользоваться умел, дай бог, один человек из десяти. Но услышав мою военно-пехотную присказку «Фигня, революция!», летчики заржали как кони и, хлопнув меня по спине, загнали в чрево Ан-12, препроводив прямо в свою кабину. Остальных разместили в неимоверной тесноте в гермоотсеке, рассчитанном на шесть человек, за спиной пилота. Куча железа задрожала, заскрипела и, оттолкнувшись шасси, как ногами, понеслась по щербатому, поросшему травой бетону на запад, в сторону минного поля.

Яркие желтые и зеленые пятна сельхозугодий, коричневые прямоугольники городских кварталов, периметры воинских частей и многолучевая «звезда» кабульского централа остались далеко внизу. Впереди были горы и ничего кроме гор. Сверху они кажутся сказочными замками, которые дети строят на морском берегу из мокрой струи песка. Снега на вершинах еще нет. Красота божественная, если, конечно, не вспоминать о том, что творится внизу. Лететь бы так и лететь всю жизнь над этими горами, забираясь все выше и выше. Но в отличие от человеческой души, у металла есть свой ресурс, и самолет не может превратиться в птицу, даже на время. Жаль…

Перед подлетом к Шинданду, борт дал резкий крен влево, выплюнув целую горсть тепловух, потом снова стал набирать высоту. Летчики заерзали в креслах — снизу по нам работал ДШК. Однако высота была солидная, нагадить существенно он нам не мог. Да и ракеты, наверное, зря отстреливали. Иранцы духам ЗРК не поставляют, а, наоборот, при случае отбирают у них «Стингеры» для изучения матчасти. Пилоты связались с вышкой, откуда поступила команда следовать на Герат — час назад бандиты отдолбили совершенно пустой шиндандский аэродром РСами, серьезно попортив взлетку. Герат, так Герат. Правда, маловат гератский аэродром для Ан-12-х. Но если летчики нормальные машину ведут, а эти — по виду нормальные — то значит, все будет хорошо, и места хватит…

Герат. Сколько с ним связано! В первый раз я его посетил в 1983 году. Город, в то время был еще потрясающий, мало разрушенный, поистине музей под открытым небом. Лучше всего было рассматривать окрестности, забравшись на стену старой крепости Эхтияр эд-Дина. Наверное, именно поэтому там и

стояла наша часть Стена крепости были толстые, хотя местами и обваленные. С противоположной стороны высились минареты центральной мечети Джами. Сорокаметровые стены сооружения были отделаны мозаикой, расписаны глазурью, испещрены изречениями из Корана. Я одну суру прочел по памяти. Мулла Абдулла чуть не прослезился тогда. Взял за руку, повел внутрь. Наверное, я был там первым советским человеком без военной формы и оружия. В одном из внутренних помещений мечети располагалась реставрационная мастерская. Я насчитал около двадцати работников. Присел посмотреть, Абдулла рядом. Резьба по камню мне нравилась. Очень быстро и ладно работали реставраторы. Из-под резцов возникали причудливые фигурки, отделочные украшения, предназначенные для реставрации попорченных пулями и осколками стен мечети. Как странно, подумал я, к вечеру опять война начнется, кого-то убивать будут, а тут люди творят, восстанавливают свой дом. Интересно, а о чем они тогда думали? Потом мы сфотографировались с муллой на память, стоя обнявшись, у центрально свода мечети, потом «щелкали» друг друга по отдельности. Эк, кабы знать, что мусульманам нельзя фотографироваться…

Было еще не поздно, и решили съездить посмотреть небольшую старинную мечеть, где покоился прах знаменитого поэта и мыслителя времен правления тимуридов — Ансари, зятя самого Тамерлана. Пересели на БТР. На окраину города ехали недолго, узенькой тихой улочкой. Правда, когда проезжали мимо дувалов, башня машины сразу повернулась. У старинного бассейна, где воды уж лет сто точно не было, сидели трое стариков, совсем белых от возраста. Они смотрели на нас с недоверием. Правда, увидев, что я снимаю кроссовки перед входом в святое место, кажется, оттаяли. Внутри мечети тогда еще стояли табуты — захоронения древних иранских и афганских правителей. Специально для меня один из стариков открыл склеп, где был захоронен зять Тимура. Над черным надгробием, испещренным резьбой, когда-то очень давно 11 лет трудился знаменитый Бехсад, один из основоположников восточной миниатюры. Я все облазил и потрогал руками, в том числе и могильник Ансари. От пыли времени он был «одет» в зеленую красивую матерчатую палатку с кистями. Боже правый, «живые» иллюстрации к учебнику истории Ирана! Редкому ученому представляется такая возможность, а мне повезло.

Солнце уже пошло вниз и перестало печь, надо было в город возвращаться. Но я в тот момент начисто забыл о войне и попросил съездить к усыпальнице знаменитого на Среднем Востоке писателя и мыслителя Алишера Навои. Сопровождавший

меня секретарь молодежной армейской организации (ДОМА) почесал затылок, но, видимо, вспомнив про указания своего кабульского начальства, согласился. Ехали довольно долго, пока на дорогу не выбежал размахивающий автоматом — как дубиной — афганский солдат. За шумом двигателя его криков было не разобрать. Единственное, что донес ветер, было: «…коллерах… фарш шодэ аст (вся дорога нафаршировано)». Но ДОМАшник услышал. Остановились. Дальше дороги не было. «Духи» берегли свое культурное наследие, и все подъезды к усыпальнице заминировали. Может, и к лучшему.

Кажется, все было только вчера, а прошло уже шесть лет. Я вновь на борту и лечу в город своей мечты. Время вообще довольно странная штука. То летит как пуля, то останавливается как вкопанное, подобно укрощенному уздой коню. Бабочкам-однодневкам, наверно, кажется, что они живут сто лет и умирают, устав от жизни. Маленьким детям представляется, что их жизнь будет вечной, и они, как и герои сказок, никогда не умрут, а найдут свои молодильные яблоки и живую воду. Взрослому же стоит лишь на секунду о чем-нибудь задуматься, как глядь-поглядь — и час пролетел, и жизнь прошла. Сложные течения наполняют Реку Времени, но и двигаться они могут в разных направлениях. И взрослый может стать ребенком, и ребенок взрослым. Кто-то из мудрых сказал, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Не прав был, однако. Нельзя — если ногами. Ноги-то, как и все тело, рано или поздно превратятся в песок, застилающий русло этой реки. А душа Человеческая может входить и выходить в эту воду там, где захочет и когда захочет. И встретит в ней всех, кто ей был близок и дорог.

Снизу желтой кривой линией, утрамбованной колесами советских БТРов, вьется дорога, ведущая к городу из Шинданда Шесть лет или шесть минут — не поймешь. Странная она, эта дорога Шинданд — Герат. Жаль только, что не вымощена желтым кирпичом. На этой дороге сбываются детские мечты — люди встречаются с синей птицей. Их там много, этих птиц. Никто и не знает точно, как они называются. Кто говорит — сойки, кто — снегири. Афганцы молчат, наверное, просто не хотят говорить. Сидят они повсюду — на поломанных телеграфных столбах и на остовах разбитых вдребезги грузовиков, на башнях сгоревших БМП. Вестники счастья не чирикают, не перелетают с места на место. Они сидят недвижимо и внимательно смотрят, как, пованивая выхлопом, тянется, тянется бесконечная вереница железных машин, изрыгающих из своих жерл Смерть. Железные чудовища облеплены уставшими воинами. Господи, как сильно изменились их лица за несколько веков. Вон тот — с сединой в

голове — и не узнать — из охраны Тимура, а тот — малюсенький и плешивый — фалангист Александра. Опять в командировке. Устали, бедняги, да ничего не поделаешь, так и будут появляться здесь, пытаясь что-то исправить. Минуя Барьер, забывают, за чем приехали. Ну да ничего, когда-нибудь вспомнят. Времени еще много. Впереди вечность…

Герат, 1987 год

Колеса бэтэра глотают желтый песок дороги, переться еще долго. От таджиков до таджиков. Между двумя персоязычными анклавами — сплошная пуштунская засада. Осатанели, падлы. Средь бела дня лупят с сопок из ДШК, а потом драпают на джипах. Хрен достанешь. Авиаторов лучше не вызывать — потом в Герате звиздюли обеспечены. Таджики тоже звереют, правда, от нас самих. Их не трогаешь — они не трогают. Но кабульские планировщики — маньяки. Взглянуть только в лицо Вареникову — все сразу поймешь. Наверное, в детстве издевался над животными за неимением игрушек. Теперь дорвался до солдатиков. В Москве играл в деревянных, здесь — в цинковых. Одно слово — Урфинджус. Что-то грустно стало. Хотели посмеяться, свалившись неожиданно по пути на первую сторожевую заставу, что в сторону Гиришка, к Колягину. Они там часто спят. Залягут на крышу с биноклями и хрючат. Можно и разбудить, зашарашив из КПВТ. Вот переполоху будет. Да что-то не вышло веселья. Шиндантские «трубачи» (так называли солдат, охранявших трубопровод, по которому из Союза в Афганистан текла нефть) не спали — сидели какие-то отрешенные. Наши одеревеневшие от жизни солдатики — Яндушкин и Гаврилов. «Что невеселы, бойцы? — гаркнул как из трубы черноволосый капитан Витя. — Понятно, опять к Эшонову на могилку ездили. Ладно, скорбите, хлопцы, а мы повалим. Колягин, вот тебе карты игральные, как заказывал. Все остальное в ящике». При слове «остальное» глаза у ребят просветляются. «Не усердствуйте, музыканты, а то Рахманов опять будет с духами три дня договариваться, а вам лекции о вреде курения читать. А на вас, козлов, соляры и муки не напасешься», — подытоживает Витя и топает вниз с горы. Как только он исчезает, бойцы в секунду расстреливают у меня пачку «Беломора». И, умиротворенные, отправляются «наблюдать» на крышу землянки. Напоследок радуют тем, что засекли УАЗик без номеров, в котором сидел исмаиловец, одетый в советскую офицерскую форму. «А что сразу-то не сказали?», — интересуюсь я. «Так вы ж не спрашивали», — резюмирует Гаврилов. Ладно, проехали.

Хитрый этот Туран Исмаил. Воспитали себе на горе бойца. По-русски лопочет, об операциях заранее знает. Короче, не взять. Сколько раз к нему в Шиндант наведывались — все попусту. Витя уже на броне рассказывает (под шипение «особняка» о недопустимости разглашения гостайны), что недавно к нему наш прапор-хохол из полка свинтил. Знали уже точно, кто Турану

СВД-шки поставляет. А когда АГС в засаде нашли, решили брать прапора в тот же вечер. Кинулись на склад — а его уж и след простыл. Вот тебе и сало.

На дороге становится как-то неуютно: все больше сгоревших машин портят пейзаж скалистой равнины. Все кто может — вылазят из БТРов наружу — мины. Водитель наш обреченно вздыхает: ему сидеть и рулить. Под задницей — два бронника. Это чтоб «хозяйство» не потерять. Водила парень правильный — объясняет, что без ноги еще с трудом, но прожить можно, а вот без причинного места — ну никак.

Залезаю на самый верх — КПВТ между ног. Есть за что держаться, главное, чтоб башней не вертел, а то улетишь прямо по курсу, куда ствол указывает. Пылища невероятная. Отстать бы, да нельзя, а то растянемся как километровый червяк. Тут «духам» как раз самое время «гасить» оккупантов. Однако, сегодня что-то все подозрительно спокойно. Навязываю на голову привычную «палестинку» — серый рябой платок-чалму. Здорово от пыли спасает. Еще солнцезащитные очки и все о'кей, пыль в голову почти не проникает, только на том месте, где находится рот, по платку постепенно обрисовывается черное грязное пятно — человеческий выхлоп. Однако наслаждаюсь не долго. Прямо к нам летит «обезбашенный» БРДМ командира 101-го Гератского полка. Командир подстать БТРу. Башню, видать, сорвало давно. Одни глазища-триплексы. Сам маленький, ершистый, коротко стриженый Юрий Борисович «Это что за е… вашу мать? — орет он, полувылезши из люка. — Тебе, сучара, что, жить надоело?» Это в мой адрес. Не понимаю, что он так разорался. «Снимай антураж, — говорит Витя. — Это он до тебя дое…лся». «По башке захотел?», — продолжает свою мысль комполка. Увидев мое лицо, меняет гнев на милость. «Ну е…понский бог, — говорит он, растягивая слова. — Здесь не Саланг. Если что, свои же отдуплятся. — поди, разберись в пыли. Засуньте его на… в броню». За сим и упылил.

Засовывать меня никто и никуда не собирался. Мин боялись все, и примерно в равной степени. Водила выкинул наружу неработающий шлемофон, который я натянул поверх платка. «Сойдет», — коротко бросил он и нехотя, как-то грустно, скрылся в чреве БТРа. Попылили еще с полчаса. Опять остановка. Слева — нависающая над дорогой песчаная сопка. Боец Серега, облаченный в грязный комбез, погромыхивая ПК и ящиком, в котором патроны водились, по всей видимости давно, карабкается на песчаный склон, молясь себе под нос о том, чтобы там никого не оказалось. Через пять минут, излучая радость, бежит назад. «Чисто», — еще издали кричит он и, бросив пулемет

кому-то в руки, запрыгивает на броню, бережно прижимая к животу заветный ящик «с патронами». Дорога свободна, трогаемся. Солнце уже встало, становится жарко. До Чагчарана еще далеко, а пить хочется как из пушки. Ну вот, не успел подумать, а вода едет прямо на встречу. Три бурубухайки (афганских грузовика), груженные арбузами, зоркий Серега заметил еще издали. Осторожно сползаем вправо, на обочину. Ребята машут руками водителям, чтобы не останавливались, а обгоняли. Ну, все, мы последние. Грузовики, рыча и воняя, еле прутся по дороге. Вот остановились. Наверное, черти, почувствовали неладное. Подъезжаем к первому грузовику. «Салам баба, тарбуза, хандэвана чандиста?», — спрашиваем мы очумевшего от страха таджика. Услышав родную речь, он расплывается в улыбке. Проворно, как заяц, выскакивает из кабины и лезет внутрь своего «железного коня». «Туфа», — гордо говорит он, выкатывая арбуз, похожий на гигантских размеров огурец. Серега тычет пальцем еще и в дыню. «Туфа», — опять повторяет таджик, хотя нам и без него ясно, что это — подарок. Угощаю деда «Кентом». Он просто ошарашен такой любезностью. Ну, все, поехали. В легкую догоняем замыкающий БТР и под стеной пыли становимся третьими с конца. Все молчат — заняты поеданием таджикских даров. Самый большой кусок дыни отправляется вниз водителю. Чавканье и хрюканье заглушает монотонный вой двигателя.

Пыльную равнину сменяют зеленые рощи и виноградники. Это — Адраскан — городок на пути к Герату. Большая остановка. Все тарятся чем ни попадя, расплачиваясь также чем ни попадя. Холодные грязные стеклянные бутылки с фантой, торчащие из ржавого ведра со льдом. Мухи, вьющиеся над горами винограда. Осы, пожирающие баранину. Хрипящие магнитофоны, изрыгающие «индийскую» музыку. Родная, правильная персидская речь торговцев, крики бачат, норовящих что-нибудь стырить. Гостеприимный Адраскан уже третий день оживает после войны. Сегодня не стреляют. А еще недавно здесь шли бои. Сначала Туран Исмаил гульбеддиновцев выкуривал. Потом шурави подключились по Исмаилу со своей артиллерией. Ох и не любят таджики пушек. Как пуштуны вертолетов. Орудия и «Грады» превращают их древние жилища, скрытые в зеленых зарослях плодовых деревьев, виноградных лозах и камышах, в месиво из глины и перепутанных не сдетонировавших рястяжек, ими же поставленных. После каждой такой долбежки месяцами приходится восстанавливать минные заграждения, выуживать из-под саманных завалов скудные пожитки, а за пропитанием двигаться к родственникам в Иран. Загорелые руки трудолюбивых

таджиков ловко насыпают чай в целлофановые пакеты, отсчитывают сдачу. Дуканщики с удовольствием скупают «Ростов», а «Яву» в мягких пачках почему-то берут неохотно. Что бы понимали, дуремары, в куреве. Хотя, конечно, именно в куреве-то, они как раз и понимают. Чарс и опий на каждом шагу. Сами они чарс особо не жалуют, считают за дешевую дрянь. Но для советских солдат припасают. Темно-зеленые круглые таблетки, палочки диаметром с сигарету.

И снова в путь. Пылюга, солнце как бешеное. Сидеть на раскаленной броне противно, но что поделаешь — пешком-то уйдешь не далеко. Вдруг, совсем неожиданно среди песков слева показалась речка с чистой и прозрачной, как хрусталь, водой. Через несколько минут приедем на Дачу. Огромная красивая вилла стоит как тополь на Плющихе. Прямо через нее течет ручей, поящий колодец с чистейшей холодной до ломоты в зубах водой. Договорной «дух» — Амир Саид Ахмад — отдал в безвременное пользование свою виллу в обмен на спокойствие своих соплеменников и помощь оружием. Именно за прозрачную воду переоборудованному в заставу дому и дали такое мирное, домашнее название. Природа первозданная, речка, дом. Чем не дача? Правда, жизнь здесь далеко не дачная, не праздная. С полчаса только прошло, как ребят отоварили из минометов. Ходят, озираются, черти, хотя и здорово повеселели нас еще издали заметив. Гератским «трубачам» туговато приходится: до провинциального центра рукой подать. Вот и лезут к нефтепроводу бандиты денно и нощно. Кто топливом разжиться, кто просто трубу взорвать. Особенно донимают по ночам.

Попили, водички потерли байки, поехали в полк. Уже смеркается, надо бы затемно добраться. Долетаем без приключений. Расселение в модуле, потом сортир — арбуз в дороге не мыли. Офицерский не люблю, бреду к солдатским деревянным «очкам» — тем, что рядом с огромной помойкой, в ближнем правом углу периметра, рядом с палатками, где спят бойцы. В нескольких сотнях метров — кишлак, «зеленка». Сижу на очке и думаю: как все же жить хорошо. Все сигареты — солдатам, обитающим вокруг сортира. Потом Баня. Водка. Командир извиняется, что наорал в дороге. Пьем за мой прошедший День рождения. Дарит новый комплект хэбэшки и солдатскую панаму с красной звездой, чтоб тряпкой на голове не отсвечивал.

Отбой. Завтра кому куда, а мне еще в Герат к Фазылу Ахмаду и Дауду. Надо переговорить о национальном примирении, потом лететь на иранскую границу на совещание гератских «дружественных» банформирований. Тихо впадаю в дрему, предвосхищая завтрашнюю встречу с моими любимыми

гигантскими соснами и кедрами, что растут вдоль гератской бетонной дороги. Почти физически ощущаю запах розовых цветников. На отрывном календаре, висящем на стене комнаты модуля май 1987 года. Завтра в дорогу.

Быстро «отрубиться» однако не удалось, так как сну явно не способствовал съеденный в дороге немытый арбуз. Выходил до ветра раза четыре, пока организм не иссяк на подлянки. Потом все-таки завалился в койку и стал думать о том, что было вчера. А вчера я проснулся в Шинданде за колючей проволокой, в каком-то тюремном модуле-отстойнике, куда меня определил на ночлег недоброжелательный офицер с гонористыми замашками. Обычно, прибывая в штаб дивизии, я перво-наперво топал в политотдел, чтобы пообщаться там с Феликсом Рахмоновым — замначПО по связи с местным населением. Хотя, по правде сказать, звали-то его не Феликс, а Фахруддин. Этот таджик-умница нарочно так исправил свое имя, чтобы в разговоре его не путали с афганцами. Ну, Феликс, так Феликс, значит, человек хочет быть Феликсом. Хотя, имя это явно не сочетается с его восточным радушием и горячим южным сердцем. В Шинданде Феликс был свой не только среди своих, но и среди чужих. К нему одинаково хорошо относились как наши военные, так и те, с кем он по роду работы поддерживал контакты. Населявшие окрестные кишлаки таджики быстро приняли предложенные им «правила игры», что позволило значительно сократить потери среди личного состава воинских подразделений. Феликс так «сдружился» с аборигенами, что те привозили ему наших солдат, попавших — по собственному раздолбайству или обкурившись — в плен. Однажды троих обдолбанных «коробейников» афганцы доставили на телеге, запряженной ишаком, прямо к КПП части, связав им руки их собственными ремнями. Они потребовали вызвать товарища Фахрутдина, чтобы тот обменял живые трофеи, как он всегда это делал, на белую муку и несколько канистр с соляркой. Обмен, естественно, состоялся, но после этого душманы-таджики заметно активизировались в поиске и задержании желавших «подзаработать» советских солдат. Благодаря неутомимой деятельности Феликса, воспринявшего курс афганского правительства на национальное примирение весьма своеобразно, очень по-восточному, многие родители в СССР смогли увидеть своих сыновей живыми и здоровыми. Сколько он извел на эти «связи с местным населением» горючего и продовольствия, одному Аллаху известно. Слова Иисуса о том, что миротворцы будут блаженны, подполковник Фахруддин, как работник политотдела дивизии и мусульманин, вспоминал вряд ли. Однако это не мешало ему творить добро, и светлая память о нем

наверняка надолго переживет его самого в этом мире.

Однако вместо Феликса на этот раз я застал в политотделе лишь высокое армейское начальство, суетившееся вокруг поджарой фигуры Стратега, проводившего заодно и проверку боеготовности части. Об истинных целях приезда в Шиндант Варенникова я еще не догадывался, но общее настроение как-то сразу упало. Ничего хорошего его визит не сулил. Опять боевые действия.

Посчитав, что я — явно нежелательный элемент на этом празднике жизни, меня после ужина сначала водворили, а потом и заперли в модуле, обнесенном проволокой, который кто-то ласково окрестил «ООНовский отстойник». Примечательно, что туалет в этом обиталище «принесенных ветром» отсутствовал, что впрочем, меня волновало мало. За модулем располагался маленький лужок, периметр которого выхватывал из мрака ночи яркий прожектор. Луч света меня не смущал, по крайней мере, вне помещения. А внутри дело обстояло несколько иначе. Соседкой по «камере» оказалось очень красивая и стройная деваха, которую занесло сюда вообще непонятно как. Ей тоже приходилось выходить по нужде на чаман, освещенный отнюдь не лунным светом. Но знакомиться детально я с ней не стал, так как в кабульском микрорайоне меня ждали жена и дочка. Просто осталось в памяти красивое и нежное лицо, которое никак не вязалось с войной, пылью и грубой армейской жизнью шиндандской равнины. Да еще одеяло, которое мы для нее повесили на улице, зацепив за окно и сделав из него нечто вроде ширмы. Женщины ведь как афганцы, стоя писать не умеют.

..Сон улетучился, разогнанный урчащими звуками, исходившими из чрева. Треклятый арбуз, а может быть, дыня? Мысли о дыне чудно трансформировались в воспоминания о базаре, голова наполнилась цветными картинками старого Герата. Вот поехала повозка с овощами, в которую впряжен маленький ослик. Вот уподобившийся ему хазареец потащил втрое большую телегу. На первый взгляд кажется, что живут здесь одни таджики да хазарейцы. Но это не так. Кое-где плотными группами обитают пуштуны, которых таджикское население не любит и при каждом удобном случае «выдавливает» из зон их обитания. Интересный район в сердце старого Герата — Базаре-Ирак, смыкающийся с Базаре-Малек, который наши военные окрестили «кандагарским рынком». Очень неспокойное место. В военной форме здесь лучше не появляться вообще — прибьют стопроцентно. На самом рынке обитают почти одни таджики, а вот в «зеленке», что прилегает к дувалам, выходящим на этот базар — пуштунская засада. В зеленой зоне тянутся до самого

деревянного моста, окрещенные русскими как «фарши» кишлаки. Люди там живут вахтовым методом, спасаясь от обстрелов в соседнем Иране. Кстати сказать, персидское слово «вахт» дошло до нас из древности и на русском означает ничто иное, как время. Армейцы называют этот мост «духовским», стараются особо туда не соваться. Но иногда приказы кабульских маньяков загоняют их в эти края, и тогда там начинается мясорубка. Теряя изрядное количество бойцов убитыми и ранеными, наши обычно откатываются назад и едут с потерями обратно в полк. Через пару часов «фарши» начинают прессовать реактивные установки «Град» и тяжелая артиллерия, превращая все живое в пыль и груды глины вперемешку с виноградной лозой. Иногда, пока военачальники из штаба 40-й рисуют красные и синие стрелки на другой части карты страны, наши ребята отдыхают, пользуясь для своих нужд другим мостом, более прочным. Духи окрестили его «советским», и туда в отличие от нас не лезут. Вообще они здесь не инициативны. Огрызаются лишь, когда их совсем уж достанут. Точно как пчелы из разоренного улья. Впрочем, побродить по этому базару в сопровождении аборигенов еще в 1983 году было вполне возможно. Там довольно интересно.

Вообще на Востоке базар — не только рынок в нашем понимании, а скорее место общения людей. Там можно целый день продавать один банан или гранат, зато наговориться и пообщаться всласть, узнать все новости, решить свои дела. Только на первый взгляд кажется, что восточные базары похожи один на другой как две капли воды. Это совсем не так. Взять базары (не отдельные дуканы) в ряде городов. Ну, например — Кандагарский, Кабульский, Герагский, Адрасканский и Шиндандский. Что касается последнего, то он, естественно, располагается не в «Березке» штаба нашей дивизии. До городка Шинданд — скоромного административного центра, куда иногда заглядывает хитрый таджик Туран Исмаил, надо еще ехать на машине минут сорок. Я мысленно разместил эти базары по убывающей с точки зрения концентрации на них пуштунов среди общего числа обитателей торжищ. В Кандагаре — 95 процентов пуштунов. В Шинданде, предположим, пять. По отношению к иностранцу эти базары ведут себя совсем по-разному. Чем меньше пуштунов в общем числе обитателей базара, тем легче этот базар «ассимилирует» тебя под свой размеренный ритм жизни. На «непуштунском» базаре ты очень быстро становишься его «игроком». Тебя ловят взгляды торговцев, для которых ты, во-первых, возможная часть их сегодняшней прибыли, во-вторых, источник информации как таковой — полезной или бесполезной, в-третьих, такой же элемент составляющей базара, на котором

комфортно чувствуют себя рядом и таджики, и узбеки, где заняты непосильным трудом — тягой огромных телег — хазарейцы, и, наконец, в четвертых — источник возможной подачи милостыни для нищих. Вообще о таком базаре остается впечатление как о том месте, где твоя бдительность, после некоторого времени, притупляется.

Вспомнил, как однажды, когда собирал в Герате материал по иранскому шиитскому проникновению в приграничную зону, купил на базаре дочке красивую футболку с рисунком, покрытую, как мне поначалу показалось, арабской вязью. А когда маленькая Ксюша, едва научившись ходить, стала «рассекать» в ней по Кабулу, став при этом предметом пристального изучения взрослых афганцев, я удосужился, наконец, внимательно прочесть, что же на ней написано. И поразился своей невнимательности. На фоне плотно сжатого кулака зеленого цвета иранский постер сообщал, что 20 век — это век победы исламской революции, и призывал мусульман-шиитов к объединению. Н-да, чудно, а я и не заметил, заболтавшись со словоохотливым таджиком.

Если ты еще и лопочешь на их языке — то становишься «вжившимся» элементом этого на первый взгляд хаотичного потока людей. Такой базар — губка, впитывающая тебя как воду. Она вбирает в себя всех, кто только может «впитаться». С такого рынка вряд ли уйдешь, не приобретя какой-нибудь безделушки, или не попив фанты, не купив гранат или виноград у таджика. На таком базаре тебе обязательно дадут «бахшиш», а если ты еще и словоохотлив — то большой «бахшиш». Если ты торгуешься — значит, ты «их» человек. За одну купленную морковку, на приобретение которой ты затратил 20 минут и торговался, тебе поднесут чай и орехи, заведут разговор, из которого вынесут для себя вагон информации, полезной и бесполезной. Но это — обмен мыслями — своего рода игра, составляющая неотъемлемый атрибут жизни Востока.

Я мысленно представил себе обычную резиновую квадратную мочалку «губка» красно-кирпичного цвета, которая лежит у меня в ванной комнате в Кабуле. Она впитывает воду. Я этой мочалкой тру свое тело, мне приятно. Мочалка как таковая, лежащая в ванной, меня не раздражает, не «режет» глаз. Лежит себе и лежит.

А если взять рынок, где чрезмерно велика концентрация пуштунов? К примеру, рынок в Кандагаре. Передо мной в ванной комнате лежит красно-коричневый предмет, похожий на мочалку. Я хочу взять его в руки и потереть себе живот или спину. Но с удивлением отмечаю, что это и не мочалка вовсе, а кирпич, которым без того, чтобы не содрать кожу, и не потрешься. Разве

что мозоль спилить сгодится. Этот кирпич, как и керамическая плитка, втягивает в себя какое-то количество жидкости. Но чрезвычайно малое. Результат этого впитывания таков: в течение десяти минут он влажен. Потом опять сух. Интересно сравнить, сколько воды впитается в губку, а сколько — в кирпич. На пуштунском рынке ты — чужеродный элемент. На тебя не рассчитывают при извлечении прибыли, ты вряд ли говоришь на их языке, и поэтому не представляешь особого интереса как большой источник информации. Если ты вдруг подал милостыню нищему — ты станешь предметом пристального изучения всех без исключения обитателей этого базара. Там не принято, чтобы иностранец подавал деньги пуштуну. Обитатели этого базара чувствуют по отношению к тебе если не полное превосходство, то ставят тебя на некоторую ступень ниже себя. Что для них иностранец? Побежденный неоднократно. Они бивали лучшую армию в мире — британскую — и не один раз. Кстати, финальное побоище последней пуштуно-британской войны произошло в небезызвестном многим Спинбулдаке. На этом базаре твой взгляд скользит скорее не по товарам, а по лицам его обитателей, от которых ты подспудно ждешь беды. Они же не чувствуют тебя источником какой-либо пользы или прибыли для себя. Ты там чужак. Если ты ведешь себя как запуганная жертва, озираешься по сторонам, они еще больше ощущают свое превосходство над тобой. Если ты с наглой рожей как танк прешься среди них, разрезая людской поток, они начинают испытывать к тебе чувство несколько другое. Ты встаешь на ступеньку выше в их иерархии, становишься «солдатом», чужаком, моральную силу которого приходится если не уважать, то терпеть. Но при любом раскладе, как бы ты себя ни вел, чтобы ты там ни делал, ты — чужой. Если вдруг заговорить с ними на пушту, они удивятся, что ты знаешь их язык. Но в отличие от таджиков, которые будут подробно и обстоятельно расспрашивать, где ты его выучил, цокая языком, у пуштунов сформируется совершенно другая мысль — что ты шпион. А если так, то надо молчать как партизан. То есть отсутствие языкового барьера становится там еще и барьером в общении. Их может заинтересовать лишь то, что ты вдруг затараторишь на чистом джелалабадском диалекте или на урду. Опять же они подумают, что может делать здесь носитель этих языков враждебных племен? Не иначе, как прибыл сюда с какой-то миссией. И интерес ты для них будешь представлять только с точки зрения получения этой информации. Бесполезной информации они на базаре не приемлют. Если таджики берут всю информацию, а потом как бы отфильтровывают для себя нужную, то здесь бесполезная информация может служить только как

личная характеристика тебя самого в их глазах. Здесь, как удачно выразился один из моих друзей, нельзя говорить больше, чем знаешь, а нужно говорить ровно столько, сколько знаешь, и ни капли больше.

Я плотнее подбил под голову подушку и, косясь на храпевшего рядом офицера, тихонько закурил.

Действительно, я очень редко покупал что-то себе на базарах в Кандагаре. Долго там не задерживался, потому что чувствовал себя не в своей тарелке. И уходил обычно без покупок, не вступая в ненужные разговоры. Это не было интересно ни мне, ни «торговцам» Примечательно, что и «березовые» чеки купить в Кандагаре значительно трудней, чем в Кабуле или Герате. Пуштуны не хотят входить в доверительный контакт с шурави, оставаясь при своих. Купил я в Кандагаре, помнится, всего один раз большую зеленую изнутри дыню и помидоры, похожие на наши крымские, за которые отдал баснословные по афганским меркам деньги. В Кабуле кандагарские дыни и помидоры были несравненно дешевле, хотя и считались лучшими в Афганистане.

На непуштунском базаре выгодные, проходные торговые места распределяются в зависимости от толщины кошелька торгующих. На пуштунском — представителям других народностей предоставляются самые зачуханные места, сколько бы у них денег не было, если предоставляются вообще. Редкий таджик, если он не сумасшедший, поселится вблизи от пуштунского жилища. Если такое происходит, значит рано или поздно дом таджика будет разорен. Пуштуны чувствуют свое превосходство в силе над всеми другими народами, как населяющими Афганистан, так и за его пределами. Их можно взять только хитростью, но не силой. Но так как они сами хитры как черти, то эта задача представляется весьма проблематичной. Надо быть иезуитом, чтобы их перехитрить. Долгие столетия таджики и хазарейцы дрались с ними за место под афганским солнцем, используя хитрость и уловки, объединяясь в один большой кулак. Если мысленно представить карту народов, населяющих Афганистан, то без труда можно разглядеть, какими кучными анклавами живут таджики. Шинданд, Герат, Панджшер, Фарах. Веник силен, когда связан, а развяжи его — и каждый прутик сам по себе будет просто сухой ломкой былинкой. Война между пуштунами и таджиками еще страшнее, чем афгано-советская. И она не прекращается ни на минуту даже сейчас, когда я тут лежу в кровати и отравляю дымом спящего вояку.

Постепенно тьма за окном уступала место розовому рассвету, но вместо того, чтобы наблюдать за этим удивительным явлением природы, я неожиданно для самого себя разом провалился в

глубокий колодец беспробудного сна.

Очнулся от бесцеремонных тычков в спину и хриплого баритона, принадлежавшего соседу по койке. Он призывал меня немедленно возвратиться в действительность и быстро топать в офицерскую столовую, так как время завтрака уже подходило к концу. Завтрак — святое. Уже через пару минут, облачившись в новую хэбэшку, которая была, как это ни странно, точно в пору, я семенил трусцой к модулю, из которого неслись вкусные запахи. Пшенная каша и нормальный грубоватый белый хлеб с маслом, коих я начисто был лишен в Кабуле, привели меня в поистине блаженное состояние духа. Закурив, я не торопясь, двинулся по направлению к солдатскому сортиру. После вынужденной ночной бессонницы особой надобности в посещении «кабинета задумчивости» не было, просто хотелось еще раз глянуть на расположенную по соседству огромную помойку, навевавшую мысли о родине, о своем дворе на Речном Вокзале в Москве. Для нас, вроде, просто куча бытового мусора. Для афганцев — клад нужных вещей. Иногда, когда солдаты и их командиры убывали на боевые, у этой помойки с мешками в руках копошились под присмотром вооруженного прапорщика несколько жителей соседнего кишлака, набивавшие их пустыми консервными банками и прочими ценными с их точки зрения предметами. У них все шло в дело.

Через полчаса взгромоздились на БТРы и двинулись в сторону аэродрома. Подъехали к крепости, со ступенек которой к командиру полка шустро сбежал офицер, отрапортовавший о том, что он не знал о его прибытии и поэтому второй батальон пока не стоит в колонне, формировавшейся на «бетонке» для очередного рейда по кишлакам. Командир пообещал пробить ему череп, если через двадцать минут БТРы не займут надлежащее им место. Под высокими вековыми кедрами и соснами тенистой гератской дороги мы распрощались навсегда.

«Восьмерка» долго несла нас в сторону афганско-иранской границы. Вертушка взобралась на неимоверную высоту, оставив далеко внизу гератскую равнину, и продолжила свой полет над покатыми вершинами гор, стремясь оторваться от них как можно быстрее. В салоне стало трудно дышать. Но это продолжалось недолго. Весь путь занял менее часа, и уже вскоре мы опускались на высокогорное зеленое плато, окруженное со всех сторон горами. На площади примерно в 20 гектаров не было ни одного деревца. На изумрудном лугу с большими желтыми проплешинами стояло довольно красивое белое строение — резиденция одного из местных авторитетов. Метрах в двухстах от него изгибался кругом прерывистый каменный забор, вероятно

служивший когда-то загоном для лошадей или крупного рогатого скота. Вместо животных на огромной площади загона отдельными живописными таборами сидели группы вооруженных автоматами и пулеметами душманов — охранников и телохранителей, прибывших на совещание по национальному примирению главарей вооруженных групп. Я сразу обратил внимание на то, что подавляющее большинство из них были пуштуны. Отдельно в сторонке за забором примостились недалеко друг от друга две маленькие группы таджиков и хазарейцев.

Фойе просторной белой виллы было забито военными, облаченными в «экспериментальку» без знаков различия. Но «главных» можно было определить сразу — они отдавали подчиненным какие-то бессмысленные приказы, напыщенно выпячивали грудь, напоминая павлинов, гордо стоящих среди стаи кур и гусей. Я тоже попал под раздачу, потому, что внешне от военных ничем не отличался… В общем гвалте приказа я не расслышал, но сделал умное лицо и побежал на улицу, чтобы его «выполнить». Выйдя на волю, я сразу отправился к тыльной стороне дома, где, сев на траву, в наглую быстренько сменил военные штаны на привычные джинсы, а ботинки — на кроссовки. Под куртку, одетую на голое тело, поддел зеленую майку с портретом иранской певицы-красавицы Гугуш, а вместо кепки нацепил солдатскую панаму, став, таким образом, больше похожим на обитателей загона для лошадей, нежели на толпившихся в прихожей военных.

Неожиданно меня кто-то со смаком хлопнул по спине и заорал над ухом: «Андрюха, какими судьбами?!». Я выплюнул изо рта сигарету и обернулся. Передо мной стоял Гена Ферко — старый товарищ по переводческой деятельности в Кабуле в начале 80-х. Сколько водки было выпито вместе, сколько пережито военных мятежей, сколько совместных нетрудовых свершений было учинено в афганской столице на заре революции! Воспоминания, хлынувшие бурным потоком, напрочь оторвали нас от суеты, царившей внутри здания, и унесли аж на семь лет назад, когда мы были помоложе и пораздолбаистее. Гена рассказал, что уже полгода как работает зональным военным переводчиком в Минобороны, дал свой адрес в Кабуле и пообещал, что прибьет, если мы не встретимся в самое ближайшее время. Последовавшие за этим его слова надолго омрачили мое «праздничное» настроение и выбили из колеи. Оказывается, за дверью, перед которой толпились военные, уточнял последние детали подписанного с духами соглашения о прекращении огня и координации действий в Герате и его

окрестностях не кто иной как… Варенников, а само совещание уже как бы благополучно прошло без нас. Прибывшим же только что участникам встречи было уготовлено лишь «торжественное собрание» с участием договорных духов и демонстрация подрывной литературы да образцов оружия иностранного производства. Это не укладывалось в голове. Лететь в такую пердь, чтобы почувствовать себя высоко в горах полным идиотом? Внутри пузырьками кипятка вскипала злоба. Хлопнув Генкину ладонь, я повернулся задницей к входу в здание и решительно направился в сторону дремавших у дувала новоиспеченных «защитников народной власти». Путь мне попытался преградить одетый в гражданское хадовец-таджик, схватив меня за одежду. Я злобно выдернул рукав куртки из его клешни и оторвался на нем по полной программе, нехорошо помянув русскими словами его маму и всю их братию вместе с Варенниковым и его друзьями. При этом я время от времени нервно поправлял торчавший сзади из-за ремня взятый напрокат у товарища трофейный «Люгер». Наверное, смысл и тон сказанных мной слов быстро дошел до смышленого таджика, он быстро ретировался и побежал в сторону виллы. Я же, пройдя еще метров сто, плюхнулся рядом с одной из групп моджахедов, попросив у них прикурить сигарету. Ребята оказались молодыми и доброжелательными, дали огоньку, и уже вскоре мы вели неторопливую обстоятельную беседу. Минут через пятнадцать хадовец-таджик вернулся уже в сопровождении еще двух нукеров (дежурных), которые вежливо попросили меня присоединиться к официальной части мероприятия. Я наотрез отказался, сказав, что мне приятнее общаться с народом, чем с устроителями выездного партсобрания. Молодые духи меня горячо поддержали, а один из них, обнимавший двумя руками ствол новенького ПК, коротко и веско произнес, обращаясь к незваным гостям: «Бэрин бэхэйр, бачеха». Молодец, получилось почти что «Пошли на хер, ребята». Ну, те и пошли, не солоно хлебавши, оглядываясь на меня, словно я был враг народа, которого их взгляды должны были испепелить на месте. Беседа за жизнь продолжилась. Теперь уже мои собеседники с воодушевлением переключились на наглых хадовцев и наших военных, которые «не соблюдают условия достигнутого недавно перемирия и соглашения о прекращении огня». Это уже была тема. Отзывы «с мест» всегда нагляднее рисуют реальную картину происходящего, нежели отчеты чиновников — что военных, что гражданских. Передо мной сидели реальные люди, живущие в своей стране. Они не собирались эту страну покидать и, тем более, кому бы то ни было ее отдавать или продавать. Именно в этих людей упирались красные стрелки, которые штабисты 40-й

рисовали в своих оперативных картах. Именно они могли рассказать без прикрас, что на деле стояло за скупыми строками оперативных сводок о проведении летом 86-го «операции по нейтрализации бандформирований в зеленой зоне старого Герата».

Что их слова были чистой правдой, я убедился воочию, правда, только через несколько лет, когда наши войска уже покинули Афганистан, и когда населенные пункты, по которым наносились артудары, можно было при большом желании посетить уже без компании назойливых соглядатаев.

Где-то через час я вернулся к вилле, но заходить внутрь не стал — там шло «партсобрание», а я хотел покурить и занести в блокнот некоторые выкладки из услышанного. Неожиданно из здания в сопровождении офицеров, прыгавших вокруг него как воробьи, вышел Варенников. Он направился к одному из вертолетов, стоявших на лужайке неподалеку от того, на котором прилетели мы. Через десять минут вся эта шобла оперативно погрузилась в вертушки и улетела прочь, как дурной сон.

«Торжественное собрание» тем временем набирало обороты. Из зала доносились аплодисменты и выкрики революционных воззваний. В общем, все шло своим чередом, как и планировалось. Однако мне повезло в тот день еще один раз, причем основательно. В сопровождении «злобных» хадовцев ко мне подошел один из участников мероприятия, про которого я много знал, но лично с которым знаком не был. Это был командир крупного договорного вооруженного бандформирования пуштунов Амир Саид Ахмад. Он поинтересовался, интересной ли была моя беседа «с народом», а потом, загадочно улыбнувшись, пригласил к себе в гости в Герат. Я мысленно посмеялся над таким заманчивым предложением, на словах, однако, поблагодарив его за традиционное пуштунское гостеприимство. Откуда мне тогда было знать, что через два года слова Амира сбудутся, и я буду сидеть у него в гостях в гератской «зеленке» недалеко от моста Поле Мала, а потом, как и сейчас, покинув его гостеприимный кров, рвану с духами по кишлакам?

Собрание закончилось, когда уже начинало смеркаться. Все быстренько бросились к вертолетам. Две вертушки взлетели, унося на бортах, как и положено, по восемь-десять человек. В нашу, оставшуюся последней, народу набилось, как огурцов в бочку. Многие остались стоять, так как места на бортовых лавках больше не было Летчики, однако, не возражали против перегруза. Им, видимо, как и нам, хотелось побыстрей смыться с этого плато и, сбросив нас в Герате, поспешить на базу в Шинданд. По пути мы попали в страшную воздушную яму между горными

вершинами, и вертолет, скребя лопастями пустоту, почти 600 метров падал отвесно вниз. А когда достиг плотного воздушного потока, чуть не развалился в воздухе от перегрузки. Один товарищ, стоявший среди других посреди салона, слегка попачкал штаны, так как не успел закрыть задницу металлом.

Борттехник, побелевший как его выгоревшие штаны, проорал мне в ухо: «Идем на Шинданд, Герат на хер»…

Маленькими желтыми кирпичиками воспоминаний выкладывается эта бесконечная дорога на запад, туда, где в Изумрудном городе навсегда осталось мое сердце. Сколько же понадобится кирпичей, чтобы замостить эту дорогу полностью? Одной жизни не хватит, это точно.

Время, назад…

Танковый полк, выстроенный к торжественному маршу, производит впечатление даже на видавших виды людей. В четком строю стоят танки, боевые машины пехоты, самоходные артиллерийские установки. Их подкрашенная свежей краской броня, исхлестанная осколками и пулями, несколько лет служила надежным щитом революционной власти Афганистана. А перед боевыми машинами, готовыми пройти последним походным маршем из Шинданда к границе СССР, ровными шеренгами стоят наши ребята в застиранных подштопанных хэбэшках. На слепящем солнце яркими пятнышками выделяются подворотнички, на белом фоне знакомые и непривычно серьезные лица кажутся еще более загорелыми и обветренными. Еще полчаса торжественной говорильни и все. Больше я их никогда не увижу, никогда не посижу с ними вечером в уютной каптерке, не услышу их голосов. Время и обстоятельства раскидают нас, как ветер разбрасывает листья по пыльному осеннему московскому асфальту.

Слева у трибуны, поодаль от шеренги, кучкуются «организаторы» наших побед — афганские и советские руководители. Посол СССР в ДРА Можаев долго и нудно зачитывает воззвание, сочиненное обитателями кабинетов на Старой площади — обращение ЦК КПСС к воинам-интернационалистам, возвращающимся из Афганистана. Да, они, не убитые советской властью, возвращаются домой, чтобы стать немым укором вашим ожиревшим, тупым и лоснящимся от самодовольства лицам, уродам, которые так и не поняли, что поводить стволом орудия или автомата по живым людям значительно сложнее, чем водить руками по воздуху.

Лысый Султан Али Кештманд — председатель афганского Совмина — что-то говорит с трибуны, но его слова уносит вдаль восточный ветер, и их никто не слышит. Пожалуй, один «бычок»

говорит по делу. Голос у Наджиба сегодня необычно громкий и крепкий. Не знаю почему, но начинаю записывать его слова в блокнот. «Все афганцы — убеленные сединами старейшины, мужчины и женщины говорят вам великое спасибо! Оно сегодня на устах у всех. Оно сегодня в сердцах у всех. Земной поклон вам, доблестные сыновья страны Ленина, за все, что вы сделали для афганского народа, для Апрельской революции, за ваше мужество и отвагу, за доброту и человечность. При слове Афганистан, при упоминании наших городов сжимаются сердца многих советских матерей. Наш народ никогда не забудет тех сынов Страны Советов, которые отдали свои жизни за свободу, независимость, честь и национальное достоинство ДРА. Пройдут годы и века, но нерушимо будут стоять на афганской земле величественные памятники этим героям — символы их беззаветной храбрости», — говорит Наджиб.

Он заканчивает речь и вручает личному составу танкового полка памятное знамя ЦК НДПА, Ревсовета и Совмина ДРА и скульптурную композицию «Боевое братство». На трибуну поднимаются наши офицеры и солдаты. Почти все говорят без бумажки, слова идут от сердца. Легко, просто и понятно. Вот комполка, подполковник Юра Пузырев тоже встал у хрипящего микрофона. Хороший человек, трудяга. Но сейчас будет читать придуманный в Москве рапорт воинов-интернационалистов ЦК КПСС. Это не его инициатива. Все что хотел сказать, он сказал за несколько дней до этого. А сегодня так просто надо. Тоже записываю его слова. «И если миру, надеждам человечества, нашим друзьям и союзникам угрожает международный империализм, мы всегда начеку, и при обострении обстановки в Афганистане будем готовы вновь прийти на помощь братьям по оружию». Не знаю, то ли от торжественности момента, то ли от уверенности, с которой он это произносит, в сказанное верится. Звучит марш «Прощание славянки». Танковая колонна, во главе которой боевая машина комполка, с развевающимся над ней кумачовым стягом, пылит домой…

Еще один желтый кирпичик вбит и утрамбован в полотно дороги в прошлое. Всего один, а сколько же их надо? Может быть, успею?

… Взлетно-посадочные полосы тянутся двумя ленточками вдоль невысокой, но очень длинной горы. Вдоль полос стоит огромная «трибуна устрашения». Какому идиоту взбрела в голову идея попугать тех, кто может повлиять на конечный вариант текста Женевских соглашений, не известно. Но почти наверняка не здешнему. Странная штука — учения ВВС во время войны. Чистой воды футуризм. Шиндандские летчики упражняются в

мастерстве от вольного. МИГи долбят маленькими ракетами мишени, но из-за огромной скорости, с которой они проносятся над головами наблюдателей, не все из них попадают в цель. Иностранцы лыбятся… — не попали! Сейчас, эти попадут точно. Стая «сухарей», заходящих на цель с запада на восток, ураганным огнем сносит не только мишени, но и превращает все живое на километр вокруг в одну дымящуюся и горящую кучу. Отрывается бомба. Грохот, дым, трибуна сотрясается, над головами свистят осколки. Слишком близко положил, но пилот молодец вообще-то, мастерство не пропьешь. Наблюдатели в ужасе драпают с трибуны. Цель достигнута, вернее поражена. Поражена всем происходящим и тем, что может произойти, если соглашения по Афганистану не будут подписаны в угодном СССР ключе.

Беленький гражданский Ан уже поджидает координаторов на аэродроме, летчики прогревают двигатели. Среди своры хищных «грачей», МИГов и вертушек всех мастей, он кажется обреченным испуганным голубем, которого эти птицы неминуемо заклюют еще на взлете. Но ничего, вроде не склевали. Летите голуби, летите, расскажите в своем Пакистане и Америке про птичек, что вы здесь видели. Может, быстрее перышками по бумаге заскрипите?

Герат, ноябрь 1989 года

…Самолет летел почти бесшумно, ленивый гул моторов успокаивал. Тянувшуюся снизу безжизненную пустыню как по мановению волшебной палочки сменила зеленая равнина, испещренная множеством рек и озер. Раздолье. Синие купола мечетей как васильки на июльском лугу. Мой изумрудный город. Изуродованный и избитый войной, гордый и не покорившийся. На его теле, отмеченном христианским крестом — пересечением центральных улиц — зияют не затянувшиеся раны. Юго-западной стороны почти нет — внизу мутное коричнево-серое месиво. Но центральная мечеть стоит. А значит город жив, возможно, жив и настоятель мечети, мой хороший знакомый мулла Абдулла, с которым познакомились еще шесть лет назад? Если увижу его, обязательно пойдем вместе в реставрационную мастерскую, потом будем пить чай и говорить обо всем на свете. Времени бы только хватило — на плитах тенистого внутреннего двора мусульманского храма сидеть можно целую вечность. Уходить оттуда не хочется, а за разговорами можно даже и о родном доме забыть. Когда я был моложе, я иногда наедине с собой задавался вопросом: если бы мне выпало родиться в Афганистане, где бы я жил и кем бы стал? Почему-то всегда в такие минуты в голове всплывали эта величественная мечеть с большой голубой мозаичной аркой и простодушно-открытое, улыбающееся лицо Абдуллы…

Приземлились очень мягко и плавно. Измученные теснотой гермокабины журналисты и мошаверы со стонами разминали отсиженные ноги и недружелюбно посматривали в сторону выскочки, который и рейс задержал, и на халяву к летчикам в кабину забрался. А, все равно.

Удивляться я начал сразу же, как только покинул гостеприимное дюралевое чрево. Погашенные тенью от генеральской фуражки, на меня в упор смотрели насмешливые глаза. «Дружественный» главарь бандитов Дауд, отряды которого с первой половины

80-х прикрывали южные подступы к Герату со стороны шиндантской дороги, сделал за это время головокружительную карьеру. В свои 39 лет он уже генерал-майор, командующий гератским корпусом и, что больше всего поразило — член ЦК НДПА. Да, с такими партийцами, пожалуй, не страшно ни в огонь, ни в воду. Вот что значит правильно улавливать дух времени, шагать в ногу с перестройкой. Помнится, году в 86-м, видел я его ребят в жиганских пиджачках и шароварах, восседавшими на

подаренном нашими военными стареньком залатанном БТРе. Молодца Дауд-джан!

С уходом 7 февраля советских войск из Герата, война здесь сначала закончилась вообще, а потом усилиями таджиков стала разгораться с новой силой. Сам Дауд-хан был пуштуном, поэтому его неадекватное отношение к таджикскому войску Турана Исмаила понять было можно. Приход путиловцев в Герат означал бы для него потерю не только генеральских привилегий, но и всего его очень выгодного разностороннего бизнеса. Дауд издавна слыл «великим цветоводом», однако наезжать на его дружественную банду из-за какого-то мака никто не решался. Она была слишком многочисленна и, не в пример правительственным войскам, хорошо вооружена. На южном подъезде к Герату, на протяжении нескольких километров тянулись одно-и двухэтажные дома-кубики, в которых размещались бойцы его воинства. На крыше почти каждого дома стоял ДШК, а на блокпостах, размещенных около отходящих от трассы троп и тропинок, развернутые стволами к зеленке стояли турели ЗУшек. Повсеместно в Афганистане и военные, и местное население ласково называли их «Зико-як». «Зико» — трансформированное от ЗУ или ЗГУ, «як» — один. И неважно, какой модификации были зенитки, все они для афганцев были «зикояк».

По пути в город кто-то из группы задал Дауду вопрос о численности отрядов моджахедов, на что он ответил: «Может быть, для вас они и моджахеды, а для нас просто бандиты и контрреволюционеры. У них нет никакой перспективы одержать здесь военную победу. Мы полностью контролируем ситуацию в Герате, а к ракетным обстрелам все уже привыкли. Бандиты только и могут, что обстреливать предприятия и больницу. Но делают они это исподтишка, не решаясь подойти близко к городу. Мы не будем иметь к ним вопросов, если они перенесут свой огонь на наши посты и гарнизоны. Война есть война. Но зачем крушить школы и библиотеки?». С уходом «квое дуст» (сил друзей) — так афганские военные всегда называли наши воинские части и подразделения — исчез сам повод для войны, продолжал Дауд. Оппозиция не может предложить мирному населению ничего кроме войны, но уже между собой. «В уездах Обе, Кухсин, Гольранг, Паштун-Заргун сейчас идут кровопролитные бои между отрядами Турана Исмаила и гульбеддиновскими бандами. Турана поддерживает несознательное местное население, в основном таджики. А ИПА здесь ненавидят все поголовно. Так что, в конечном счете, если нам и придется встретиться в открытом бою с душманами, то это будут исмаиловцы. А гульбеддиновцев они и сами перебьют

постепенно, — изрек генерал. — Дорога Тургунди-Герат разблокирована и безопасна, дорога на КПП Ислам-Кала, откуда каждый день возвращаются из Ирана группы беженцев, тоже открыта».

Уже сидя на броне, один из охранников генерала — боец невидимого фронта — рассказывал мне, что пламенная речь Дауда — вовсе не блеф, что в действительности в Герате, как ни в какой другой афганской провинции, люди восприняли призыв властей к национальному примирению как руководство к действию. Мирное население, сильно пострадавшее от советских БШУ, хочет жить спокойно и заниматься земледелием. Гератская долина — место благодатное. Воткни палку в землю, и через месяц на ней появятся листья, а через год — гранаты (плоды). В 86-м году после вашей «операции» в старом Герате, продолжал офицер, протоколы о перемирии подписали с властями семь авторитетных полевых командиров, отряды которых насчитывают в своих рядах девять с половиной тысяч человек. Сейчас под Гератом воюют, в основном между собой, чуть более шести тысяч душманов. Часть из главарей этих групп, а всего их 150 — уже подписали с МГБ Афганистана секретные соглашения. Часть банд очень пассивная. В основном действуют на нервы Туран Исмаил и отряды проиранской «Хезболлах». У Турана в банде, прямо как медом намазано, опять там французский журналист объявился. «Одного ваши ребята несколько лет назад подстрелили, так вот же, опять появляются, неугомонные. Ну да шайтан с ним, с этим журналистом, вот то, что у него в банде саудовский инструктор — это хуже. Наши люди в банде есть, они все шаги этого Шейха Абдуллы отслеживают и сообщают. Правда, с большим опозданием, поэтому и не можем его ликвидировать», — рассказал собеседник.

За разговорами доехали до гератской «бетонки». Место неузнаваемо. Что же здесь произошло?! Сосен и кедров, некогда росших вдоль дороги, и которые так и останутся навечно в памяти наших солдат, уже нет и в помине. На местах, где росли деревья, зияют огромные ямы. В некоторых из них сидят землекопы и стараются выкорчевать из почвы остатки твердых, как каменный, уголь корней. С уходом наших войск, перестал качать топливо в сторону Афганистана нефтепровод. Февраль и март выдались холодными, в Герате даже выпал снег. Чтобы не замерзнуть, люди решили распилить эти вековые деревья на дрова. Посажены они были еще в незапамятные времена и уже взрослыми украшали путь к летней шахской резиденции. А сейчас только дыры в земле. Розовых кустов, которые назло войне все эти годы цвели и радовали и гератцев, и шурави своим

благоуханием, тоже нет. Все кустики и прутики пошли в печь…

Дорога от аэродрома к городу считается самой спокойной. Ранней осенью 86-го ехал на броне с нашими «крепостными» бойцами от майдана. Развалились на броне, курили и пили фанту. Один из них и говорит: «Если ты в МГУ учился, то переводчика местного из группы советников должен был знать». Я спросил почему должен «был»? «Был — потому, что убили его с месяц назад с советником вместе», — сказал лейтенант. А я ответил, что не знаю такого, и что вроде бы из ИСААшников недавно никого не убивали. Вспомнил я его потом, через много лет, когда был в институте по своим делам и наткнулся на доску памяти ребят, погибших в Афганистане — военных пятикурсников и «гражданских» трете-и четвертокурсников, которые, как сейчас выясняется, и не воевали вовсе, а «по кабинетам сидели». «Работники, направленные на работу в Афганистан в период с декабря 1979 года по декабрь 1989 года, отработавшие установленный срок, либо откомандированные досрочно по уважительным причинам». Причины у многих были очень уважительные. Настолько уважительные, что в самолетах им даже дозволялось не сидеть, а лежать. Расстреляли Володю Твирова с его советником, когда они ехали на аэродром. Ехали одни, без сопровождения, в УАЗике — дорога ведь безопасная. Вовка-то не в Герате служил, а в Кабуле. Просто поехал на время болезни подменить другого переводягу. Лицо его я вспомнил, только тогда, когда увидел ту памятную доску в институте. Тогда же, проезжая мимо виллы отделения гератского ЦК ДОМА, углядел во внутреннем дворике, справа от ворот целую на вид БМПшку. Попросил тормознуть, подошли посмотреть. Маленькая дырочка с тыла, чуть выше основания башни. В ней погиб паренек — секретарь комсомольской организации нашего мотострелкового полка. Парадокс ситуации заключался в том, что в момент попадания гранаты из РПГ, внутри машины находились пять человек. Четверо не получили даже царапин, а вот он погиб. Афганцы притащили сюда броню, чтобы сделать из нее нечто вроде памятника и увековечить его имя. Как его звали, сейчас уже не вспомнить, а вот «бэха» так в мозгу навеки и застряла.

Наша группа разделилась, и я вместе с еще двумя шурави поехал по «ленинским» местам. Юго-западная часть Герата — район Дарвазе-Ирак остался только на карте. В наличии были лишь остатки стен домов, каменно-глиняные раскрошенные завалы. На протяжении почти 800 метров в этой каше были разбросаны остатки гусениц, отдельные траки, гильзы от танковых орудий и пулеметов. В одном из рядов того, что некогда было стенами жилищ афганцев, застряла, перевернувшись на

левый бок, сгоревшая советская БМП. На ее боку отчетливо просматривался номер. Метрах в пятидесяти от места, с которого мы наблюдали, почти дыбом стоял сгоревший танк с оторванной башней. Чем дольше взгляд скользил по этой безрадостной картине, тем чаще упирался в остатки сгоревшей техники — свидетельства неопытности первых лет войны и последовавшего за ними безумства и безрассудства приказов старших офицеров, бросавших технику туда, где ей по всем параметрам было суждено остаться навсегда. Узкие гератские улочки не приспособлены для работы танков и БМП. А огромное количество оставшегося там навеки железа говорило о том, что этой элементарной и очевидной истиной пренебрегали ради поставленных кабульскими стратегами целей. Плачевный итог: за шесть лет кровавой мясорубки с лица земли в Дарвазе-Ирак исчезли несколько десятков гектаров городских кварталов. Сотни погибших советских солдат, тысячи убитых афганцев — душманов и просто мирных жителей. По свидетельству очевидца — шиитского муллы Ахмада Али-Аги, пик неоправданного ничем вандализма пришелся на лето 86 года, когда этот район долбили советские танки, взявши его в кольцо. Моджахеды тогда отступили, подбив четыре советских танка. «Один голодный шурави выскочил из брони, чтобы подобрать рассыпавшиеся серые лепешки в одном из разбитых дуканов. Когда он поднял хлеб, из оконного проема разрушенного дома в него выстрелили. Пуля попала шурави в голову, и он умер у меня на руках, рассказывал мне мулла. — Мы его потом похоронили». Надо отдать должное таджикам — они всегда предавали земле тела погибших советских солдат, если их в силу различных причин не забирали с поля боя.

Спустя час, мы покатили на БТРе по гератской «зеленке» к месту встречи двух разделившихся групп — кишлаку Хаджи-Ахан уезда Инджиль. О целях нашего визита в эту деревню Дауд много не распространялся. Он распрощался с нами еще в городе и отбыл в крепость, где размещалось командование гератского гарнизона. Почему он не поехал с нами в Хаджи-Ахан, я понял чуть позже, когда неожиданно для себя увидел в окружении живописной группы договорных защитников революции уже знакомого полевого командира, сотрудничавшего с МГБ, Амира Саида Ахмада.

Дауд и Амир ненавидели друг друга, как кошка с собакой. Масло в огонь подливала и их принадлежность к разным пуштунским кланам. Дауд был из клана нурзавев, а Амир Саид Ахмад — из баракзаев.

Для Дауд-хана Амир Саид Ахмад был «пришлым» духом,

который появился в Герате значительно позже него самого, когда в провинции уже велись боевые действия с советскими войсками. Сам же Дауд сколотил свою банду еще при Захир-шахе и сказочно обогатился на торговле опийным маком. Появление Амира принесло ему немалую головную боль. Конкурент также не чурался ботаники, их пути, в конце концов, скрестились. Боевики двух гератских полевых командиров вступили в вооруженное противостояние. Слегка затихло оно лишь сейчас, когда отрядам обоих, как и гератскому военному гарнизону с юга и востока грозил Туран Исмаил, для которого разгром банд этих договорных душманов был лишь вопросом времени ввиду их относительной малочисленности.

На протяжении нескольких лет советские советники ХАД и военные пытались примирить двух полевых командиров, доверяя им «ответственные участки работы». Банды обоих попеременно «охраняли» от себе подобных то гератский элеватор, то местную электростанцию, то цементный завод. Но ничего хорошего из этого не вышло. Банды враждовали всегда, и, в конце концов, важные объекты жизнеобеспечения города были частично разрушены в ходе перестрелок боевиков Дауда и Амира с применением гранатометов и ДШК. К 89-му году Дауд уже носил генеральские погоны, а Амир все еще подвизался в полковниках. Взаимная вражда не прошла, а лишь усилилась. Поэтому-то Дауд и соскочил с брони, когда мы решили ехать в Хаджи-Ахан.

У здания штаба — небольшого двухэтажного строения, располагавшегося в нескольких сотнях метров от фабрики «Гуздунак», нас встретил один из командиров вооруженного отряда Амира — Мохаммад Ибрагим, который вкратце обрисовал оперативную обстановку. По его словам, недалеко отсюда, в кишлаке Маргаз уже хозяйничают исмаиловцы. Они выставили пять блокпостов около кишлака, оборудовав их ДШК, минометами и ЗГУ. Вчера ночью исмаиловцы били по Хаджи-Ахану из минометов, есть жертвы. А утром по наводке Амира правительственные войска отдолбили Маргаз из артиллерийских орудий.

Мохаммад Ибрагим с гордостью продемонстрировал нам отремонтированный Амиром взорванный мост Поле-Мала через речку Райруд — приток Герируда или Герайруда, как его называли пуштуны. Деревянные перила были заменены стальными, доски моста лежали на толстенных железных швеллерах. Однако целым новый мост простоял только дней пять. Исмаиловцы под покровом ночи подтащили к штабу Амира тяжелые пулеметы и попытались захватить его в плен. Бой шел до самого утра. В результате турановцев отбросили, но мост

пострадал значительно. Опоры и перила моста были прострелены из ДШК насквозь, у здания штаба от гранатометного выстрела покосилась крыша. Но ночная атака была отбита, в руки Амира попали пленные.

Чуть дальше, у здания штаба грелась на солнышке огромная куча оружия, брошенная исмаиловцами в ходе отступления — несколько безоткаток, ДШК, штук пять или шесть совсем маленьких минометов, без счета мин и коробок с патронами. Вокруг кучи стояли бойцы дружественного бандформирования. Дело запахло своейственным показу захваченного оружия «торжественным партсобранием». И я посчитал за лучшее ретироваться. Через десять минут в моей голове уже зрел коварный план. Пожалуй, это был один из самых спонтанных и необдуманных шагов, который я совершил в Афганистане. Обратившись к стоявшему недалеко от кучи оружия хадовцу, чье лицо мне показалось очень знакомым, я завел разговор о происходившем несколько лет назад в горах, на границе с Ираном, совещании дружественных бандформирований с участием Варенникова. После нескольких наводящих вопросов хадовец признал во мне «несговорчивого шурави», который послал тогда эмгэбэшников куда подальше и самовольно ушел беседовать с вооруженными душманами. Он был действительно рад нашей встрече. Мы обнялись и расцеловались, как этого требовал афганский этикет. А вот дальше моими губами вдруг зашевелил кто-то другой, это точно был не я. Этот другой попросил хадовца ввиду давнишнего знакомства с Амиром Саидом Ахмадом, уделить ему толику времени и сопроводить в близлежащую деревню, чтобы посмотреть как живут простые люди. После долгих раздумий, он согласился, попросив никому об этом не говорить. Через сто метров, которые мы прошли по направлению к кишлаку, нас остановил здоровенный душара, рост которого явно превышал два метра. Опоясанный пулеметными лентами бородач Ага-Голь после недолгого разговора с офицером изрек такую фразу: «Шурави пусть идет. А ты останешься здесь». Лицо офицера побагровело — он понял, в какую кучу дерьма в моем лице вляпался, и что может произойти с его карьерой, если я паче чаяния не вернусь из этого кишлака назад. Но было поздно. Таджик-хадовец остался стоять, где стоял, но уже в компании еще двух бородачей, сменивших на посту Ага Голля, а я попылил в неизвестность..

…Огромный мужик в шароварах, шедший впереди меня по узкой тропке, раздвинул стволом автомата виноградную лозу, и мы скрылись в зарослях зеленки. Через десять минут я вдруг понял, что ведет меня по джунглям отнюдь не человек Амира

Саида Ахмада, и очень четко осознал факт того, что никому до меня уже нет и никогда не будет никакого дела — советские войска давно ушли из Герата.

Кишлак Дэхзак, из которого и был родом Ага Голь, как и большинство деревень, окружавших Герат, представлял собой «огородные грядки». По левую сторону от узкой тропки, по которой мы двигались вперед, в низине шел ряд остатков стен строений, некогда служивших афганцам жилищами. А метрах в пяти от этих завалов протекала речка Рай. Приток Герируда был не широк — всего метров пять-шесть. Однако когда я попытался промерить его глубину, длинная палка не достала дна, а уплыла на юг, вырванная из рук сильным течением. Ага Голь то и дело оборачивался, проверяя иду ли я за ним или отстал. Он аккуратно дотрагивался до моего правого плеча стволом автомата, чтобы я случаем не переместился с тропинки вправо: по его словам там все было заминировано. В том, что он говорил правду, я убедился уже через несколько минут, увидев колышки, которыми афганцы отмечали места, где они обнаруживали мины. У одного из ориентиров, воткнутых заботливой душманской рукой у края тропки, я остановился и указал Ага Голю на проводок, который выходил из-под земли сантиметрах в тридцати от вбитого в траву светлого колышка. Мой провожатый присел, что-то прошептал себе в усы и сказал: «Ташакор» (спасибо). С таким же успехом «ташакор» ему мог сказать и я. Через пару часов, которые мы бродили по кишлакам, трудолюбивые афганцы уже разминировали этот неприятный сюрприз, как они сказали, «от детских шалостей». Ловушка представляла собой довольно сложное устройство из противопехотной мины, соединенной с двумя артиллерийскими снарядами. По словам «саперов», воевать и разминировать они учились не только у иностранных инструкторов, но и у советских солдат. Этот опыт не пропал даром. Минно-взрывное дело они освоили в полной мере.

За минным полем, справа от тропинки, нескончаемым рядом шло афганские кладбище. Такого длинного я, пожалуй, еще в Афганистане не видел. Если бы не знать афганских реалий, то можно было бы предположить, что местные жители отгоняют привязанными к палкам зелеными и белыми ленточками птиц от посевов. Однако никаких посевов не было и в помине. Весь взгорок, тянувшийся вдоль тропы, состоял из кучек камней — могил погибших афганцев. По словам бородача, людей хоронили прямо напротив их домов, чтобы потом не запутаться, кто где лежит. Вообще-то кладбище в афганской деревне на центральной улице никогда не располагается. Все как у людей — поодаль от жилищ. Но тут случай был особый. Люди в Дехзаке жили все годы

войны вахтовым методом. Когда очередная партия людей, отдохнувших от войны, возвращалась из Ирана, другая, сторожившая кишлак, передавала им из рук в руки свежие захоронения и отправлялась менять их в Иран. Шла война, люди гибли, исчезали, не возвращались с чужбины. Поэтому старейшины и решили сделать это кладбище столь «понятным». Если хоть кто-то из мужчин останется в живых — он расскажет потомкам, кто где лежит, а они в свою очередь воздадут им надлежащие почести.

Приходившие в кишлак из Ирана семьи были вынуждены брать на войну и детей. В соседней мусульманской стране голодные афганские дети никому нужны не были. Лагеря беженцев были переполнены. Люди буквально дрались там за любую работу, и кормить лишние рты ни у кого не было возможности. Ребятишки вместе с родителями возвращались в кишлак. Это были обыкновенные дети. И ничто не могло удержать их о того, чтобы побегать там, где нельзя и поиграть тем, чем нельзя. Они лишались рук и ног. Они погибали, раздавленные обломками собственных домов, рассыпавшихся от разрывов артиллерийских снарядов. Они ненавидели шурави и их пушки. Они любили своих живых и погибших отцов, убивавших советских солдат и закрывавших их своими телами от падающего с неба железа. Обычные дети, похожие на детей любой страны, просто лишенные детства.

Тропинка пошла петлять вдоль русла Райруда, пока не привела нас к еще одному кладбищу. Здесь мой провожатый ступал по земле без соблюдения каких-либо мер безопасности. Вероятно, здесь ему был знаком каждый камень. Я не ошибся. Все эти камни он наносил сюда своими руками. Под ними лежали его брат с женой и трое их сыновей. Дом Ага Голя, где проживала вся их большая семья, был разрушен советским артиллерийским снарядом в 1364 году по мусульманскому летоисчислению. По счастливой случайности или несчастью самого Ага Голя в тот момент дома не было, а когда он вернулся, несколько дней разбирал с соплеменниками завал в надежде найти хоть кого-то живым. Не удалось, все погибли в один миг.

Я стоял у груды глины и камней, некогда бывшей домом, в котором жила дружная афганская семья. Стоял, опустив голову, ничего не мог сказать в ответ на его немой упрек. И хотел сказать, да не смог. Любые слова были бы пустыми и глупыми перед человеческим горем. Голь взошел на вершину пригорка и сел на землю, бросив рядом автомат и закрыв лицо руками. Я подошел к нему, сел рядом. Так и сидели молча, оба опустив лица вниз, пока к нам не стали подходить люди. Они все были с

оружием, на головах — у кого чалма, у кого тюбетейка, в коричневых шароварах и смешных резиновых калошах с загнутыми кверху носами. Подходили и садились рядом, также молча клали на землю автоматы и с любопытством смотрели на меня.

Ага Голь оторвал руки от лица — глаза его стали в одночасье красными и воспаленными, как будто он долго плакал или курил чарс, однако лицо было сухо. Он начал говорить медленно, с трудом, как бы выдавливая из себя слова. «Вам это было нужно? Вы этого хотели? Что же вы за люди такие? Ведь много живет в провинции шурави, но они совсем не такие как вы».

При слове «шурави» глаза у окруживших нас афганцев полезли на лоб. Они попеременно задавали Голю вопросы о том, зачем он меня сюда привел и действительно ли я советский. Голь молчал, и я вынужден был сам подтвердить, что являюсь гражданином Советского Союза. Сразу последовал вопрос, откуда я знаю их язык. Не знаю уж почему, но в тот момент мне показалось, что нужно говорить только правду и что если я буду лгать, они это быстро поймут и вряд ли меня выпустят обратно. Я рассказал все как было, что учил фарси в университете, а на дари научился говорить уже в Афганистане — в Кабуле и Джелалабаде. Духи сразу проверили мои знания иранского, а заодно задали пару вопросов на пушту. Мой ответ их, по-видимому, удовлетворил, они постепенно немного успокоившись, завели долгий и нелегкий разговор. Узнав, как я попал в Афганистан и кем был в первые годы Апрельской революции, они назвали меня талибом, так и не поверив, что посетить их страну в качестве военного переводчика мне, как и многим другим, пришлось не совсем по своей воле. Гневными возгласами были встречены мои слова о танковой бригаде. Они чуть стихли лишь тогда, когда духи узнали, что дело было не в их родной провинции, а в Джелалабаде. Странно, но именно в тот момент я сделал для себя еще одно открытие. И я, и эти афганцы воспринимали танкистов не как экипажи бронетехники, а как артиллеристов, а минометчиков — не как артиллеристов, а как пехоту. Услышав, что я в Афганистане уже девятый год, окружавшие меня люди разом смолкли и вопросительно уставились на меня. «Разве такое бывает?», — спросил один из них. Я ответил, что в жизни есть место всему.

Постепенно эти на первый взгляд страшные и дикие существа, окружавшие меня, обретали очертания нормальных людей. Переборов первый страх от столь близкого соприкосновения с душманами, я перестал их переспрашивать, чтобы уловить смысл всего того, что они мне говорили, а мыслить

более отвлеченно и образно. Потихоньку и они перестали задавать провокационные вопросы и стали рассказывать о своей жизни. А она была нелегка. Почти каждый из собеседников потерял на войне или всю семью, или нескольких ее членов. Все как один люто ненавидели артиллеристов, а про пилотов плохих слов не говорили вовсе, вероятно потому, что авиация эти районы не бомбила. При всем при этом собеседники не испытывали никакой ненависти и вражды к советским солдатам, воевавшим на земле. Их понятия были столь же первозданны, сколь чисты и правильны. Офицер — «оторва», сам избрал себе такую профессию, его не жалко вовсе. Убит так убит. В плену с ним церемониться не станут — казнят. Солдат — дело другое. Он человек подневольный, и его никто не спрашивает где, когда и с кем воевать. Советские солдаты, по словам моджахедов, самые лучшие в мире. Лучше их самих, храбрее и отчаяннее. Если солдат и попадал здесь в плен, то обычно раненый и без сознания. Их обычно оставляли в живых и продавали через международные организации заграницу. К солдатам-мусульманам относились несравненно хуже. С единоверцами тоже особо не церемонились. Местное население училось воевать у советских солдат, изучая методы и тактику ведения боя, повадки шурави, совершенствуя, таким образом, свое боевое мастерство. В их рядах против шурави нынешних воевали сыновья и внуки других шурави — эмигрантов из царской России и СССР. Для афганцев, с которыми я беседовал, все пришельцы с той стороны реки были шурави.

А в 1985 году местные душманы, ввиду крайней ожесточенности войны и страшных последствий массированных артударов, подписали протоколы о перемирии — кто с афганским правительством через агентов ХАД, кто договорился напрямую о нейтралитете с советскими войсками. «Дэхзаковские» в принципе поддерживали Амира Саида Ахмада, как человека авторитетного, однако напрямую в его военную структуру не входили. Они не имели возможности или желания это сделать из-за своего вахтового образа жизни. Помогали его отрядам обороняться от Турана Исмаила и других бандгрупп, но в рейды по чужим кишлакам не ходили. Хватило им и так в этой жизни. Да и не только им. Нашим солдатам тоже хватило. Из уст врагов я услышал быль о героизме наших солдат, о том, как погибали пацаны, прикрывая отход товарищей, как взрывали себя гранатами, как ножами и зубами резали и грызли горло врагу.

Сейчас, по прошествии многих лет, когда я пишу эти строки, вспоминаю тогдашние свои мысли и ощущения. Не отпускают, как ни вырывайся. Все бы ничего, если бы это не было правдой.

Очень горькой, многими виданной и почти всеми позабытой правдой. Эти каменистые духовские кладбища. Эти шеренги лежащих на аэродромах наших мальчишек, укрытых брезентом. Кому все это было нужно и для чего? Возможно тем, кто и сейчас посредством войн кует свое благосостояние, тем, кто, однажды приобщившись к лику «посвященных», до сих пор занимает посты во власти, тем, кто всегда рядом с казной, при раздаче государственных денег. Для этих вовсе не важно, каким путем деньги добыты. Можно и на крови, можно и на костях, ведь все дозволено. Возразить некому. Общество глухонемых. А что же завтра? А завтра они намалюют новые цвета на своих знаменах, вместо двуглавого орла нарисуют черта с рогами, а потом затянут: «вставай, проклятьем заклейменный…». Голодные и рабы как по команде встанут — они любят команды и «сильную руку» — и пойдут убивать — таких же проклятых и заклейменных. Они вспомнят слово «родина», будут готовы вновь полюбить весь мир «угнетенных», всех кроме самих себя. Они забыли — кто они есть и для чего пришли на эту Землю. Они не хотят тревожить мозги генетической памятью о том, что Родина — это они сами, это их матери, отцы и деды, это их дети, это их земля, их дома, это их боги, их история. Их, а не чьи-то чужие…

Ага Голь остался сидеть на кладбище. Вообще-то он хотел и дальше меня проводить, но шефство надо мной уже взяли два низкорослых и довольно доброжелательных моджахеда. Предварительно они спросили у меня, где же присущий журналисту фотоаппарат. Узнав, что я мусульман на пленку не снимаю, уважая их религию, решили повести меня дальше на юг, в сторону кишлака Алам. «Ты хотел посмотреть как живем мы и наши дети? Тогда иди и смотри, ничего не бойся и не удивляйся. Постарайся запомнить все это и рассказать о том, что ты видел, своему народу», — сказал один из них.

Перейдя по двум связанным веревкой доскам через петлявшую речку Рай, мы двинулись дальше по тропе, вившейся по низине. Стало почти темно. Снизу неба уже видно не было. Зеленые заросли образовали своего рода шатер, закрывавший от внешней среды скрытую в виноградниках деревню. На краю арыка я увидел сидящих на корточках и ведущих неторопливую беседу стариков. Они что-то старательно полоскали в мутной, почти стоячей воде. Увидев чужестранца, «ришсафиды» (белые бороды) встали и хотели было последовать за нами, но один из провожатых жестом показал, что этого делать не стоит. «Сейчас покажем тебе школу. Такой ты точно еще не видел. Наши дети здесь учатся читать и писать. Не считай нас за дремучих людей. Мы стараемся дать им образование, пусть даже без учебников.

Буквы нужно знать хотя бы для того, чтобы читать Коран, а цифры — чтобы отсчитывать суры», — улыбнулся моджахед. Он жестом подозвал к себе маленького юркого и улыбавшегося старичка. Возможно, подбежавший к нам мужчина и не был стариком, но возраст афганца определить довольно трудно. Нелегкая жизнь откладывает порой на их лицах ранние, преждевременные морщины, а руки сохнут от постоянного ковыряния в земле и воде.

Якуб Хан — так звали сельского учителя — как никто другой обрадовался появлению здесь шурави. Он сразу же, правильно оценив ситуацию, попросил меня при случае встретиться с министром образования или культуры и попросить их прислать бумагу для чистописания и хотя бы несколько учебников. Я пообещал ему выполнить эту просьбу, вообще старался в то время не бросать слов на ветер. И по приезду из той командировки рассказал товарищу Кайюми — министру просвещения, что видел в сельской школе близ Герата и что просил передать ему местный муалем (учитель).

Справа от дороги опять потянулись завалы, некогда бывшие жилыми строениями. У основания одного из них в земле зияла дыра — достаточно просторная, чтобы в нее влезть и толстяку. Якуб Хан, как мышь, юркнул в нору, я последовал за ним. Подземный ход был не шибко длинным. Метров 15–20 ходьбы в полускрюченном состоянии, и мы оказались в просторном помещении, которое, по-видимому, некогда служило подсобным подвалом или амбаром зажиточного дома. Здесь был «класс», в котором школьники учились. Вдоль стен лежали аккуратные цветные циновки. Из этой комнаты вел еще один подземный ход, который соединял класс с «учительской». Здесь Якуб Хан показал мне свои сокровища — гусиные перья, которыми дети писали, пузырьки с иранскими чернилами и толстенные пачки листовок. Для интереса я решил порыться в макулатуре. Листовки были самые разнообразные: правительственные, антиправительственные, писанные на дари, пушту и на английском. Рассортированы они были, однако, вовсе не по содержанию, а по размеру. Якуб сказал, что для самых маленьких годятся большие листовки, так как расстояние между строк в них пошире, и на этом чистом поле детям легче выписывать буквы. Ребята постарше могут писать между строк маленьких листовок. Заодно встречают в незнакомом тексте знакомые буквы. Так и учатся читать и писать. Учитель рассказал также, что народ стал возвращаться в кишлак после ухода советских войск. Пока шурави стояли, люди возвращаться боялись. Лучше было недоедать в Иране, чем погибнуть на родине. Я спросил старого учителя,

много ли детей он обучает грамоте? Якуб ответил, что у него два класса, в которых в общей сложности учатся 150 ребятишек. А всего в кишлак возвратились 800 семей. На дурацкий вопрос о том, где жить лучше — здесь или в Иране, учитель улыбнулся и сказал: «Вы что, шутите? В Иране конечно…». Низкий потолок, поддерживаемый треснувшими деревянными балками, давил на психику. Казалось, что он может в любой момент завалиться на голову, и тогда уже точно никто и никогда… Я поспешил наружу, пообещав учителю по возможности решить его вопросы в Кабуле.

Поджидавшие меня снаружи вооруженные люди сказали, что пришла пора теперь посмотреть и их «настоящую» школу. Мы пошли дальше по тропе. Метров через двести нас остановил вооруженный патруль других дружественных бандформирований. Афганцы вполголоса говорили между собой, изредка указывая на меня коричневыми пальцами. Затем мои сопровождающие прислонили автоматы к дереву и сказали, что дальше я пойду один. Никто меня задерживать не будет, но и им сюда прохода нет. Слева от тропы я увидел удивительное строение, и сразу понял, что мне именно туда. Среди всеобщей разрухи этот нетронутый пулями дувал казался чем-то нереальным. Я толкнул маленькую калитку и остолбенел, не смея шагнуть внутрь.

То, что я увидел, дается человеку, возможно, только раз в жизни, да и то далеко не каждому. Это был Рай на земле — безмятежное Царство Детей. Всю площадь внутреннего двора — более гектара — занимало озеро, воды которого омывали стены изнутри. В прозрачнейшей толще воды плавали рыбы. Круглые каменные столбы, уходившие в глубину, образовывали круглые ступеньки — камешки размером со ступню взрослого человека. Эти ступеньки, погруженные сантиметров на десять под воду, вели к центру диковинного озера, туда, где над поверхностью воды ровные, отшлифованные временем каменные плиты образовывали трехъярусный амфитеатр. На ступенях амфитеатра плечом к плечу тесно сидели мальчики и девочки и дружно пели вслед за муллой слова Корана. Высоко над головой росшие снаружи многовековые деревья образовывали из своих густых крон круглый купол, скрывавший это святое место от взглядов посторонних. Когда дверь скрипнула, дети, все как один, скосили на нее глаза, которые расширились от неожиданного появления странника. Мулла повернул голову в сторону двери, посмотрел мне в глаза, затем, видимо не найдя причин для беспокойства, вновь повернулся к детям и продолжил чтение священной книги. Дети смотрели на меня не отрываясь и одновременно продолжали повторять слова сур вслед за учителем. В их глазах не было никакого страха, только удивление, постепенно

сменившееся любопытством. Мулла чуть заметным изменением в тембре голоса дал понять детям, что занятие никто не отменял, и легким поднятием правой руки призвал их к порядку.

Урок продолжался, а я стоял на первой ступеньке этого озера и не смел войти внутрь. Меня окутало какое-то безмятежное чувство неземного блаженства. Я вдруг понял, что забыл о своем доме, и что хочу остаться здесь навсегда и слушать и слушать эти тоненькие детские голоса, смотреть в их коричневые глаза. Я понял, где нахожусь, и за что Бог даровал мне ощутить Безмятежность. Время остановилось.

Желтый лист сорвался с дерева и упал на воду к моим ногам, подняв на безмятежной поверхности озера легкую волну. Отпущенные мгновения вечного покоя закончились, пора было возвращаться в реальность.

Затворив за собой дверь, я долго стоял, опершись спиной о дувал. Провел по нему правой ладонью и не ощутил ни одной выбоины. Пули и осколки чудесным образом миновали это древнее место, да и могли ли они сюда вообще попасть? Я посмотрел на свою правую ладонь, которой гладил дувал. На ней уже давно пробились линии и складочки. За восемь лет на ее когда-то совершенно ровной поверхности я сам рисовал свою судьбу и жизнь с нуля. В 79-м, когда мы проводили учения «пеший по танковому» близ песчаного карьера, располагавшегося напротив начала трассы на Джелалабад, мне доверили изобразить взрыв гранат посредством поджигания и бросков взрывпакетов под гусеницы танков. Первый взрывпакет взорвался у меня в руке, отбив пальцы. И второй взрывпакет взорвался там же. Пальцы не оторвало, но посиневшую ладонь я не чувствовал очень долго. А летом следующего года началась моя война. Однажды, отстреляв короткими очередями два пулеметных рожка я, преисполненный чувства собственного достоинства и гордости за свою меткость, решил поиграть перед лицом моих афганских товарищей в супермена и, ловко подбросив пулемет, закинуть его на плечо. Я схватил его тогда за раскаленный ствол. Почувствовав шипение, разжал ладонь. Кожа осталась на стволе пулемета. Я очень внимательно рассматривал тогда свою ладонь. Она была похожа на иллюстрацию к учебнику анатомии человека. Отдельные жилки и связки шевелились как веревочки. Сначала боли не было. Она пришла позже, когда за нехваткой собственной мочи, почти полностью испарявшейся из-за жары через кожу, просил помочиться мне на руку афганских офицеров. Я долго не мог пользоваться правой рукой, и по сей день думаю, что все, что происходит в нашей жизни, происходит не просто так. Кто-то управляет нашими действиями и стремится отвести нас от

ненужных шагов. Мы просто не всегда внимательно прислушиваемся к своему внутреннему голосу и совершаем глупые поступки, кажущиеся единственно разумными на определенном отрезке отпущенного нам в этой жизни времени. После того, как ладонь обросла розовой поросячьей кожей, я больше не стрелял по людям. Я не делал этого чисто интуитивно, вспоминая долгую саднящую боль в руке, а вот здесь, стоя у дувала, вдруг понял, что усвоил этот урок от и до. У человека кроме рук есть еще и голова. Надо просто чаще ее включать…

Когда я в сопровождении Ага Голя выходил из Дэхзака, еще издали, из-за кустов, разглядел понурую фигуру офицера-таджика, стоявшего как изваяние на ровном месте с перекинутой через плечо моей красно-коричневой кожаной сумкой. Как же он обрадовался, увидев меня целым и невредимым! Наверное, он поначалу хотел выдать заготовленную за три часа, пока я отсутствовал, едкую тираду, но радость того, что его карьере теперь ничто не угрожает, затмила злость, и он запрыгал на месте совсем как ребенок, которому отдали отнятую игрушку.

Рядом с ним стояли еще двое офицеров, укоризненно качавших в мою сторону головой. «Да ладно, вам, ребята, революция продолжается!», — обратился я к ним почти весело. Весело мне стало от того, что я опять на свободе, а почти — от увиденного в кишлаках. Я обернулся к бородачу, опоясанному пулеметными лентами. Прощай Ага Голь. Так и запомнил я его, почти сказочно огромного бородатого афганца, опоясанного пулеметными лентами, стоящего в резиновых калошах на взгорке слева от дороги. Что-то стало с тобой, душманище? Через много лет я выполнил вашу просьбу и рассказал о том, что видел, моим людям…

Возвращение в мирную действительность совпало с окончанием «партсобрания» в штабе Амира Саида Ахмада, на которое за время моего отсутствия подъехал мэр города Герат Ахмад Шах и начальник 5-го управления ХАД, имя которого я уже позабыл. Последний, кстати, наблюдал окончание моего вояжа, но деликатно об этом промолчал в ходе последовавшей за этим шикарной трапезы в шатре «на природе». Хотя, его слова ничего бы кардинально и не изменили — Амир уже знал, что один шурави исчез и «общался с народом».

И грянул званый обед! В просторной армейской палатке прямо на земле был расстелен огромный дастархан, вокруг которого были уложены правильным четырехугольником циновки и синего цвета поролоновые подушки. Голодная советская братия толпилась у входа внутри палатки, пожирая глазами расставленные в изобилии яства — свежие сочные овощи,

аппетитные горячие лепешки, сухофрукты и источавшую горохово-чесночный аромат шурпу, однако, не решаясь наброситься на все это сразу, ожидая хозяина банкета Амир в сопровождении мэра и хадовца вошел с другой стороны палатки и жестом пригласил всех к столу. «А ты, — вдруг обратился он ко мне, — садись здесь». Командир дружественного бандформирования указал мне на подушку, лежавшую слева от него, третью по счету. Пока я размышлял о том насколько хорошая у Амира память, поудобней устраиваясь на подушке, журналисты и мошаверы накинулись на еду. Внесли два огромных блюда с дымящимся пловом. Куски молодой баранины были спрятаны внутри конусообразных, желтых куч риса для того, чтобы мясо не остывало. Я внимательно следил за манипуляциями Амира, разрывавшего кучу большой шумовкой и раскладывавшего дымящееся мясо по периметру блюда. С нашей стороны «стола» к еде еще не приступили, в то время как на противоположном конце дастархана жадные руки уже разрыли кучу и спешили побыстрее наполнить свои тарелки всякой всячиной.

Амир взял первый кусок, за ним по одному свои тарелки наполнили Ахмад Шах, начальник управления ХАД, авторитетный бородач из числа приближенных к главарю. Очередь дошла и до меня. Я, как и афганцы, не торопясь, рукой взял отведенную мне часть мяса, затем, также, не суетясь, стал накладывать черпаком ароматный рис. «Гилянский», — вдруг вырвалось у меня вслух. «Нет, тарджоман-саиб, не гилянский, а наш, афганский», — вдруг обратился ко мне Амир. Глянув ему в лицо, я понял, что с памятью у него все в порядке. «Ну как, познакомился, наконец, с жизнью простого народа?» — Амир улыбался в свою тарелку. Я не нашел ничего лучшего, чем сказать «Да, саиб, познакомился». «А ты не стесняйся, спрашивай и меня, я ведь тоже в этом районе человек не последний», — Амир бросил в мою сторону острый, пронзительный взгляд, от которого у меня по спине побежали мурашки. «Рис не иранский, — продолжал Амир, — однако ты правильно заметил, что он не похож на афганский. Слишком длинный? Мы привозим его из Ирана и сеем здесь, неподалеку, на рисовых полях, между первым и вторым поясами обороны. Дается он нам нелегко. В районе Джабраил таджики и пуштуны денно и нощно дерутся за эти рисовые поля. В сутки погибает до сорока человек». Амир слепил четырьмя пальцами кучку риса в большой ком и медленно отправил его в рот. «Вот такой он наш афганский рис».

Сыто рыгнув, сидевший справа от меня хадовец, наевшийся плова, вдруг не к месту спросил, почему я так мало ем. «Дело не в

аппетите, а в состоянии души. Я правильно понимаю, тарджоман-саиб?», — Амир сверлил меня своими умными черными глазами. — Ладно, ешь спокойно, а то мы все говорим, а тебе и поесть некогда». Амир сделал едва уловимый жест правой рукой и с другого конца палатки, как джин из бутылки, вдруг появился человек, в руке которого была большая стальная тарелка с каким-то кушаньем. Не останавливаясь у сидевших спиной к входу иностранцев, нукер прошел прямо к нам и поставил тарелку мне под нос.

Прошло уже 17 лет с того памятного дня, когда мы трапезничали с Амиром, но и по сей день курица та стоит у меня перед глазами. Слово «курица» по-афгански звучит как «морг». Не знаю, скорее всего, я возвожу напраслину на Амира, но до сих пор меня не отпускает мысль, что если бы я не знал языка дари, и в моей голове в тот момент не всплыла эта странная ассоциация слов, то не топтал бы я уже ногами эту землю. Интуиция — штука серьезная. Конечно, вполне вероятно, что я заблуждаюсь. Дай Бог, чтобы это было именно так, а не иначе.

«Съешь курицы, тарджоман-саиб, в Кабуле хорошая курица редкость», — Амир не смотрел мне в глаза. «Если позволите, я воздам должное плову. Никогда не ел ничего вкуснее», — я нагло потянулся к блюду с рисом, взгромоздил себе на тарелку большую баранью кость с прилипшим к ней мясом и жиром и нарочито громко зачавкал, давая понять, что рот мне служит не только для разговора. Никто из сидевших рядом к курице не притронулся. Я старался смотреть в свою тарелку, но краем глаза увидел, что «морг» исчез со стола также неожиданно, как и появился. Потом по традиции долго пили чай и обсуждали наши дальнейшие планы.

Я решил больше судьбу не испытывать и переместиться поближе к представителям законной власти, чтобы уже из их уст узнать, что нового происходит в Герате. А жизнь в этом городе и его окрестностях била ключом. Помимо того, что банды — дружественные и недружественные — дрались между собой, процессы перестройки, вызванные провозглашением политики национального примирения и уходом наших войск, происходили и внутри самих бандформирований. Так, к моменту нашего визита в Герат бывший предводитель гульбеддиновской ИПА Халифа Собхан уже подрастерял свой авторитет, пошатнувшийся с момента начала боевых действий против его банды таджиками. И хотя он еще неким образом и представлял интересы ИПА в Герате и Иране, ему на смену ему уже рвался новый лидер — Джума Голь по кличке «Пахлеван» (силач). Небезынтересна была и другая тенденция в стане шиитской «Хезболлах». Ее гератский

главарь Кари Али Ахмад по кличке «Екдаст» (однорукий) по некоторым данным, вошел в тесный контакт и взаимодействие с Корпусом стражей исламской революции в Иране. Деятельность «Хезболлах» в Герате не отличалась кровожадностью, однако группировка, как ни одна другая, осуществляла слаженную пропагандистскую работу среди местного населения и даже имела свою хорошую типографию. Об этом свидетельствовали исполненные на высоком идейном уровне листовки, отличавшиеся ко всему прочему и отличной полиграфией, и остротой и злободневностью размещенных в ней политических карикатур.

Оставшиеся без советников афганцы, некоторые из которых очень хорошо говорили по-русски, с удовольствием обрисовали мне общую картину событий последних недель. Я заносил их рассказы в свой блокнот.

21 числа месяца хамаль по Герату было выпущено 6 РСов и 30 мин. Один человек погиб, двое получили ранения. Всего в этом месяце было произведено три крупных обстрела Герата, жертвами которого стали 11 человек. По сравнению с прошлым годом, когда люди Турана Исмаила умудрились взорвать местную больницу «Дусад бистар» (двести коек), в этом году за счет более активных действий ХАД, их слегка удалось поприжать в городе, хотя кардинально ситуация не изменилась. Полтора месяца назад возле той же больницы сотрудники безопасности обнаружили и обезвредили пластиковую взрывчатку в припаркованном к зданию больницы автомобиле. В месяце хут банда ИОА под командованием некоего Азизуллы оседлала дорогу Тургунди-Герат, где в последний раз сожгла колонну из пяти грузовиков, принадлежавших частным лицам. Колонна перевозила продовольствие и товары народного потребления. Один водитель погиб, двое получили ранения, остальным удалось убежать от душманов. По словам сотрудников безопасности, бандиты в основном занимаются грабежами на дорогах, причем на тех ее отрезках, которые выходят за пояса обороны. Караулить каждый километр трасс у народной власти просто нет возможности — силы ограничены. Правда, помогают договорные банды — отлавливают грабителей и расправляются на месте. Договорная группа Малек-Хана (персонаж, знакомый мне еще по совещанию дружественных бандформирований на афгано-иранской границе), например, оказала существенное содействие в разблокировании трассы на Тургунди. В общем, обычная ситуация, присущая почти любому району Афганистана.

Съездили на УАЗике в местную тюрьму. Там поговорили с «раскаявшимся» душманом. Мохаммад Азим, 40 лет, женат, имеет

двух детей. Когда произошла Апрельская революция, ее не поддержал, но и открыто против нее не выступал. С приходом захватчиков — советских войск — вынужден был перебраться с семьей от обстрелов в Иран. Там примкнул к Исламскому обществу Афганистана и вернулся на родину. Два с половиной года воевал под Гератом против шурави. В тюрьме Мохаммад Азим сидит уже четыре года и очень надеется, что его выпустят на волю. Но пока не выпускают за совершение тяжких преступлений. По его словам, с момента провозглашения в Афганистане политики национального примирения из гератской тюрьмы, по его подсчетам, выпустили почти тысячу человек. «Шурави ушли, воевать больше не с кем. По всему видно, должна война кончиться. Но если мы хотим мира, правительство должно быть коалиционным. А Наджибулла против такого правительства. Мы не будем бороться против ислама, но хотим выбрать себе правительство, проголосовать за него, а не просто принять нынешнее как данное нам Аллахом», — сказал арестант. По словам Мохаммада Азима, в Иране нет лагерей по подготовке вооруженных отрядов оппозиции. Стражи исламской революции резко и жестоко подавляют такого рода деятельность. Однако представительства всех оппозиционных нынешнему афганскому режиму партий там существуют легально и свободно осуществляют свою деятельность. Им никто не препятствует. Они вербуют афганцев в отряды моджахедов в лагерях беженцев. Сам Мохаммад Азим долгое время работал в Иране в Комитете ИОА, много чего интересного порассказал. Но честно сказать, признаниями душманов — искренними и не совсем — я уже был загружен по уши. Командировка была неплановой, скорее для души, чем для дела, а посему я решил посвятить последние часы пребывания в Герате посещению мечети Джами — пожалуй самой красивой мечети на всем Среднем Востоке. Да и не терпелось встретиться с муллой-реставратором. Вот дедок удивится, а может и обрадуется, меня увидев? Все же столько лет прошло со времени нашей последней встречи. Есть о чем поговорить. А может, он меня и позабыл?

Заехали по пути на базар Куш, купили там немного гранатов — попить. Стеклянные бутылки с водой грязные, неохота болеть напоследок. А так берешь спелый гранат, предварительно осмотрев его со всех сторон — нет ли трещин — и начинаешь его тихонько чистить. В Герате гранаты бледно-розовые, с мягкой шкуркой. Ее надо очень бережно и аккуратно счистить, так, чтобы не порушить темно-рубиновое нутро. В результате на ладони должен остаться шар, который при наличии должной сноровки рассыпается на части, совершенно не источая сока. У афганцев

все выходит как надо, а у меня нет. Гранат лопается. Струя сока. Хорошо если в лицо, а так на рубаху. Впиваешься губами в спелый бок, стараясь догнать ускользающую влагу. Все лицо красное, руки и одежда тоже. Вампир, одним словом. Сок гранатовый вообще не отстирывается. Картина — атас! Все люди как люди, а я в красных пятнах, будто с мясобойни. Афганцы смеются, а мне не до смеха. Непредвиденная трата. Теперь в дукан за рубахой. Приходится все же купить бутылку спрайта — руки помыть. Дуканщик предлагает «чистую питьевую» воду. Но лучше ей даже не ополаскиваться. Все равно, что опустить пятерни в концентрированный бацилловый раствор.

Мечеть в который раз ослепляет неземной красотой. Что может с ней сравниться? Пожалуй, ничто и нигде. Сказочный замок моего изумрудного города, куда я так долго шел и с которым приехал попрощаться. У входа во внутренний двор нас встретил новый настоятель — Абдул Рашид. Почему Абдул Рашид, а не Абдулла? «Все предыдущие настоятели, тарджоман-саиб, уже «закрыли за собой дверь», — сказал мулла. «А как же мулла-реставратор, такой смешной, маленького роста? Ну, его же здесь все знают?», — обратился я к священнослужителю. «Если хотите, я провожу Вас на дальний двор, где находится кладбище, возможно, Вы там его и найдете». Рашид так пристально глянул на меня, что сердце ушло в пятки — какие там душманы. «За годы войны в Герате убиты 44 видных религиозных деятеля. Абдулла — среди них. Предпоследнему — маулави Насаралудхану — голову отрезали в августе прошлого года», — продолжал Абдул Рашид. Вероятно, лицо мое исказилось гримасой — мулла сказал, спустя мгновение, что мне лучше пока туда не ходить. Должно пройти какое-то время.

Я пытался выгнать из головы эту глупую и нелепую мысль о том, что Абдуллы уже нет в живых, и не пошел тогда на дальний двор, втайне надеясь, что Рашид ошибся. Этого просто не может быть. Почему? Да потому, что не может и все тут. Человеку свойственно ошибаться, Вот и Рашид наверное ошибся.

На аэродром ехали вместе с военными и дружественными бандитами по густой зеленке. Я — среди духов. Завалы, завалы, обломки, воронки, поросшие травой и кустарником. Время берет свое, раны земли затягиваются. Крайняя сторожевая застава Амира. Торможу БТР. Стоим, пока пыль не осядет. Последняя фотография на память. На недовольные крики журналистов не обращаем внимания — потерпят. Пошли бы вы все куда подальше. Не верю своим глазам. Духи поднимают на шесте рядом с торчащим в сторону Маргаза ДШК красный флаг. «Это в честь ваших солдат», — говорит один из договорных. Блин, глаза

не на том месте, картинка в объективе расплывается. Щелкаю, щелкаю, щелкаю, как спусковым крючком на автомате. Одиночными. Пленка кончилась, наверное, попал.

И снова колеса БТРа глотают желтый песок дороги. Это уже в последний раз. В последний.

На аэродроме кипиш — дружественные моджахеды вместе с военными спешно формируют маленькую колонну и уносятся прочь, оставляя в воздухе пыль воспоминаний. На дороге Герат-Тургунди в уезде Кошк только что турановцы разгромили конвой. Там идет бой — гонец весь в крови. Погиб брат Малек Хана, еще трое убиты, шесть человек ранены. Ребята еще держатся, защищают грузовики, но турановцев — как саранчи. Срочно нужна подмога…

Вместо эпилога

Солнечный тогда был день, знойный. Горячий солярный воздух расслаивался от гудения моторов, причудливо меняя очертания окружающих предметов. Пленка закончилась. Но разве на этой огромной земле кусочек пластмассы что-нибудь решает? Огромный и Вездесущий, Тысячеликий и Могущественный фотографировал моими глазами этот ревущий поток на крутом перекате реки Времени, заранее зная, что эти кадры никогда не засветятся и лягут словами на бумагу.

Я провел в Афганистане восемь лет. Что такое восемь лет для Вечной Реки Времени? Наверное, всего одна капелька. Но Он сделал так, чтобы и она не потерялась. Если смотреть на эту каплю через увеличительное стекло, то можно разглядеть в ней очень многое. Просто нужно смотреть долго и пристально.

Мулла-реставратор Абдулла погиб мученической смертью в 1983 году, через несколько месяцев после нашей встречи в Герате. Я просто невнимательно всматривался в каплю. Его имя стоит одним из первых в списке шахидов, погибших в Герате. Понадобилось всего 23 года, чтобы разглядеть его судьбу в этой капле. Он точно знал, что уже пришло время собирать камни, в то время, когда мы считали, что их еще надо разбрасывать. Глядя на современные фотографии мечети Джами, ловлю себя на мысли, что сверкающая под лучами солнца мозаика слева от входа и часть левой стена храма отреставрированы его руками. Смешной маленький улыбчивый человек с натруженными ладонями. Но какая огромная Душа. Почему я ждал 23 года, чтобы рассказать о нем? Запоздалое прозрение? Это не так. «Не бывает слишком рано, не бывает слишком поздно. Все бывает только вовремя», — сказал однажды Конфуций.

17 лет спустя, я узнал, совершенно достоверно, что через несколько месяцев после нашей последней встречи в Инджиле погибли в неравном бою сразу все вместе — и Амир Саид Ахмад, и мэр Герата Ахмад Шах, и начальник 5-го управления гератского ХАД.

Недавно я завел в поисковую систему Интернета слово «Инджиль» — название уезда, по которому путешествовал с вооруженным моджахедом. И поразился. Оно означает у мусульман ничто иное, как Евангелие. Становится более понятным и название речки, глубину которой я старался промерять. Рай он и есть Рай. Детское царство на воде в Дехзаке — как последняя подсказка слепцу, который не смог понять этого в то далекое время.

Страшно и странно вглядываться в эту каплю. Вон, смотрите, долговязая фигура в сером светлом костюме при галстуке на кабульской взлетке. Что это с парнем? Упал у самолета на одно колено, потом на оба, что-то шепчет. Все вокруг в недоумении, стыдливо отворачивают глаза. А он за неимением земли рвет траву в трещинах бетона и заталкивает ее в карманы. Путая русские и афганские слова, он молится одному ему известной молитвой своему Богу, просит больше его сюда не возвращать, зная, однако, что все равно вернется. Он же не верил в чудеса!? Как же так?

Неисповедимы пути твои, Господи. Но один из них, и это совершенно достоверно, ведет в Герат по желтой дороге, вдоль которой тянутся полуразрушенные аквидуки Александра Македонского. Просто, минуя Барьер, и попадая на эту Землю в который раз, мы забываем об этом. Но возвращаемся все время на одно и то же место, пытаясь что-то исправить…

Москва, 2 апреля 2006 года.